

В.М.Зубарь, А.С.Русяева

На берегах Боспора Киммерий

Киев
Издательский дом «Стилос»
2004

ББК 63.3(4УКР-4КРМ)2

3 91

Обложка В. Соловьева

Зубарь В.М., Русяева А.С.

3 91 На берегах Боспора Киммерийского. - К.: ИД «Стилос», 2004. - 239 с.

ISBN 966-8518-05-5

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена истории и культуре Боспорского государства, которое существовало на юге современных Украины и России на протяжении тысячи лет - с первой четверти VI в. до н. э. до середины VI в. н. э. В доступной для читателя форме в книге освещены вопросы истории, экономического и культурного развития Боспорского царства

Для широкого круга читателей, интересующихся древней историей и античной археологией.

ББК 63.3(4УКР-4КРМ)2

© В.М.Зубарь, А.С.Русяева, 2003

© Издательский дом «Стилос»,
издание, 2004

ISBN 966-8518-05-5

*К 100-летию со дня рождения
Виктора Францевича Гайдукевича
ПРЕДИСЛОВИЕ*

Археология - удел избранных
с чистыми помыслами и устремлениями
найти, изучить и объяснить,
как жили люди в древние времена.

В.Ф.Гайдукевич

Великая греческая колонизация VIII-VI вв. до н. э. внесла огромные изменения в историю не только эллинов Средиземноморья, но и древнего населения на территории юга современных Украины и России. В те далекие времена одним из самых отдаленных, но прекрасных уголков античной северной ойкумены становятся Керченский и Таманский полуострова, названные Боспором Киммерийским. Пристальное внимание малоазийских эллинов к этой плодородной земле было приковано с самого начала их проникновения в Северное Причерноморье. Именно здесь они создали первое эллино-варварское государство и впервые на нашей земле построили древние города. Как раз все эти места эллины навсегда связали с якобы обитавшими здесь до них храбрыми, воинственными и благородными киммерийцами. В результате творчества боспорских эллинов в истории древних народов навсегда укоренилась разнообразная топонимика, производная от киммерийского этноса, связанная с Восточным Крымом и его волнистыми берегами.

* * *

Более пятнадцати веков прошло с тех пор, как навсегда прекратило свое существование Боспорское государство. Ушли с исторической арены его последние правители и все те, над кем они царствовали и с кем воевали. Трудно сказать, были ли среди жителей Боспора в канун его гибели такие чистокровные эллины, которые

еще соблюдали исконные традиции своих далеких предков - выходцев из Ионии. Именно они на протяжении VI в. до н. э. на территории современного Восточного Крыма и Таманского полуострова основали много городов и поселений. Могучее переселенческое движение греков в Северное Причерноморье, как и во многие области античной ойкумены, происходило в период Великой греческой колонизации. Оно было вызвано в основном войнами с Лидией и Персией. Немаловажное значение имела врожденная страсть у многих эллинов к морским путешествиям, поискам лучших условий жизни и плодородных земель для сельского хозяйства.

Государство, возникшее в результате объединения всех городов на Боспоре Киммерийском и присоединения соседних местных племен, представляло собой уникальное явление в античном мире и просуществовало в окружении воинственных кочевников более тысячи лет. Ни неоднократные нападения варваров на города и поселения, ни уничтожение аграрной зоны, ни сильные ино-

Карта Причерноморья в античную эпоху

этнические влияния на быт и культуру, ни правители негреческого происхождения не сломили духовный потенциал эллинов - жителей Боспора. До конца его существования они сохранили греческий язык, культы исконных божеств и многие полисные традиции.

Долгие столетия о Боспорском государстве не помнили и ничего не знали. Особенно на той земле, где оно когда-то достигло высокого благоденствия и экономического процветания. Лишь в конце XVIII - первой половине XIX в. после присоединения причерноморских территорий к Российской империи русские и иностранные ученые, читавшие труды античных авторов, начали совершать путешествия по Крыму с историко-археологическими целями. Среди них особенно известны своими изысканиями и первыми трудами академики П.Паллас, Г.Кёлер и П.Кеппен, а также Дюбуа де Монпере. Археологическими разведками в Керчи, на месте которой находилась столица Боспорского государства Пантикапей, увлекался и другой француз-эмигрант Поль Дюбрюкс.

Вскоре на Боспоре уже было собрано столько находок, что потребовались места для их хранения и обработки. В 1811 г. для этих целей был открыт музей в Феодосии, а в 1826 г. - в Керчи. Многие открытия были совершены И.А.Стемпковским, занимавшим должность градоначальника г. Керчи в 1829-1832 гг. Директора Керченского музея проводили археологические исследования памятников Боспора. Однако только один из них - А.Ашик издал в 1848-1849 гг. первый трехтомный труд «Боспорское царство». В 1854 г. в Петербурге были изданы лучшие памятники в трех томах «Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в музее Эрмитажа». Это было великолепное издание со множеством гравюр, которое и в наше время не потеряло своего значения.

Во второй половине XIX в. в основном раскапывались курганы, открывались склепы с монументальными росписями. К сожалению, до наших дней почти ничего от них не сохранилось. Только благодаря усилиям выдающегося ученого М.И.Ростовцева, собравшего и описавшего

Раскопки кургана на хребте Юз-Оба

ликовавшего все известные памятники декоративной живописи, мы имеем возможность познакомиться с ними. Его прекрасные описания и цветные иллюстрации дают достаточно полное представление о развитии этого уникального для Северного Причерноморья вида искусства. Перу М.И.Ростовцева принадлежат и наиболее серьезные исторические труды по Боспору. Среди них главное место и сейчас занимает «Скифия и Боспор».

Планомерные раскопки городов и могильников Боспора начались с 30-х годов XX в. под руководством В.Ф.Гайдукевича, В.Д.Блаватского, М.М.Кобылиной и других археологов. Ими были изданы многочисленные научные работы, названия которых можно прочесть в пяти томах «Библиографии советской археологической литературы» и других библиографических изданиях. Среди них отметим монографические исследования «Боспорское царство» В.Ф.Гайдукевича (1949) и дополненное издание этой работы в Германии (1971), «Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н. э.» Т.В.Блаватской (1959), «Керамическая тара Боспора» И.Б.Зеест (1956), «Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории» М.М.Кобылиной (1961). «Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора» В.Д.Блаватского (1964) и др.

При этом следует отметить, что первые систематические и планомерные археологические раскопки на Боспоре начал В.Ф.Гайдукевич, столетие со дня рождения которого отмечается в этом году. Более того, именно им был создан первый фундаментальный труд о Боспорском государстве на основании главным образом археологических, эпиграфических и нумизматических источников, известных в то время.

В.Ф.Гайдукевич

(1904-1966 гг.)

Интерес к истории и археологии Боспора не затухает и в последние десятилетия. Значительно расширились масштабы археологических раскопок и разведок на всей территории этого государства и в близлежащих к нему районах. Ученые начали уделять большое внимание изучению отдельных проблем, таких, например, как вооружение и наемничество (Н.И.Сокольский), политическое устройство и внешнеполитические связи (Ю.Г.Виноградов, Ф.В.Шелов-Коведяев, С.Ю.Сапрыкин), сельское хозяйство, устройство и характер разновременных поселений и некрополей на хорах отдельных полисов и государства в целом (И.Т.Кругликова, А.А.Масленников, В.Н.Зинько, А.В.Гаврилов), этнический и социальный состав населения Боспора (А.А.Масленников), архитектура и градостроительство (В.Д.Блаватский, И.Р.Пичикян, С.Д.Крыжицкий, В.П.Толстиков), история и археология отдельных городов и городищ (Д.Б.Шелов, Е.М.Алексеева, И.Б.Брашинский, К.К.Марченко), монетное дело и денежное обращение (Д.Б.Шелов, Н.А.Фролова, В.А.Анохин), Митридат VI Евпатор и его власть на Боспоре (Е.А.Молев, С.Ю.Сапрыкин), эллино-варварские взаимоотношения и взаимовлияния (К.К.Марченко, Ю.А.Алексеев, Е.А.Молев), религиозные представления населения Боспора (И.Ю.Шауб, Ю.Устинова, Н.В.Молева, И.А.Емец) и многое другое.

Надгробные стелы в лапидарии Керченского заповедника

В настоящее время приводится огромная работа по изучению, сохранению и консервации богатейших памятников Боспора. Для этой цели в Керчи создан специальный Центр археологических исследований. Обращает особое внимание прекрасно устроенный лапидарий, в котором хранится большое количество архитектурных деталей и надгробных стел с эпитафиями и рельефами, а также производственная реконструкция и новейшее техническое оснащение Керченского музея. Помимо этого, центр археологических исследований под руководством В.Н.Зинько проводит в Керчи ежегодные международные «Боспорские чтения», посвященные изучению различных вопросов истории и археологии Боспора античной и средневековой эпох. Издаются не только тезисы докладов, но и учреждено новое периодическое издание «Боспорские исследования», в котором публикуются проблемные статьи ученых о различных аспектах прошлого Восточного Крыма и результаты новейших археологических изысканий. Очень много для успешного осуществления этих столь важных и необходимых мероприятий сделано благодаря бескорыстной меценатской помощи уроженца Керчи, члена-корреспондента Российской академии наук, профессора В.Д.Письменного.

Кроме того, в Санкт-Петербурге в последнее время ежегодно проводятся международные научные конферен-

ции под названием «Боспорский феномен», материалы которых освещают многообразие тематики докладов, касающейся как истории и культуры Боспора, так и других античных государств. Большой интерес антиковедов к истории и археологии Боспора находит самое яркое отражение во многих публикациях ежегодно издаваемого сборника «Древности Боспора» (Москва). В фундаментальных трудах по археологии, истории и культуре древнего населения Украины отдельные разделы посвящены всестороннему рассмотрению Боспорского государства в разные периоды его исторического развития. Все это свидетельствует о том, что крупнейшему в Причерноморье античному государству, которое принято называть Боспорским или Боспором Киммерийским, уделяется сейчас огромное внимание учеными разных стран.

Настоящая книга написана благодаря научным работам и археологическим исследованиям, которые ежегодно проводятся на Керченском и Таманском полуостровах. Только самое широкое ознакомление с ними и с различными источниками дает возможность представить историю и культуру Боспорского государства на протяжении веков. Однако в этой небольшой по объему книге невозможно со всей полнотой рассмотреть различные вопросы и отдельные аспекты его многостороннего и многогранного развития по отдельным периодам. Определенные трудности заключаются еще и в том, что в научной литературе существует большое количество разнообразных мнений и концепций, высказано немало идей и гипотез относительно проблем и частных вопросов боспорской истории. Мы старались избрать, с нашей точки зрения, наиболее верную интерпретацию или же подходили к этому с собственных позиций.

Безусловно, что новые археологические раскопки и научные разработки могут внести существенные коррективы в наши представления о Боспорском государстве, помогут заполнить еще существующие лакуны. И кто знает, может быть, среди читателей этой книги найдутся любители древности, которые благодаря ей лучше узнают

историю родного края, будут бороться за сохранение памятников, сделают ряд новых открытий, которые расширят и углубят наши сегодняшние представления об истории и культуре Боспорского государства, существовавшего на юге Украины и России в древности и являвшегося своеобразным историческим феноменом, вызывающего во многих отношениях удивление людей и в наше время.

В книге использованы фотографии С.Д.Крыжицкого и В.М.Зубаря.

Переселение ионийских греков на Боспор Киммерийский

Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинуюсь кормилу и ветру.
Были весь день паруса путеводным дыханьем полны.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков...

Гомер

Изгнание киммерийцев. Так представляли себе древние греки те земли, где якобы обитали киммерийцы во времена Гомера во второй половине VIII в. до н. э. По некоторым косвенным сведениям, почерпнутым в основном из поэтических произведений, считается, что уже в VIII - первой половине VII в. до н. э. ионийские мореплаватели проникали в Северное Причерноморье. Однако из-за отсутствия в прибрежной части оседлого населения не могли узнать ничего конкретного о нем. Возможно, поэтому в эпосе «Одиссея» Гомер считал, что область киммерийцев располагалась вблизи входа в подземное царство Аида и над ней витала вечная мгла и печаль. Тем не менее, судя по более поздним, чем Гомер, письменным источникам, именно о Восточном Крыме греки знали больше, чем о других местностях. Как раз с ним они в наибольшей степени связывали киммерийцев.

Греки во второй половине VII-V в. до н. э. уже знали киммерийцев как исторический народ и оставили память о них не только в разных сочинениях, но особенно в топонимике Боспора. Из сохранившихся строчек стихов поэтов VII в. до н. э. Каллина и Архилоха известно, что киммерийцы вторгались в Малую Азию. Много сведений в V в. до н. э. собрал о них «отец истории» Геродот. Кочевники-скифы из-за Аракса (совр. Волга) вторглись на землю киммерийцев. Они превосходили их силой и вооружением. Основная масса киммерийского

населения требовала от своих царей покинуть страну. Цари же предпочитали сражаться и умереть на родной благодатной земле, но не бежать. Вследствие внутренних распрей произошла битва между сторонниками царей и желающими покинуть страну. «И всех их, погибших от руки друг друга, народ киммерийцев похоронил у реки Тираса (совр. Днестр), - писал Геродот, - и могила их еще и теперь видна. Похоронив их, народ таким образом покинул страну, и скифы, придя, заняли большую страну». Оставшиеся в живых киммерийцы заселили полуостров на южном побережье Черного моря, где впоследствии был основан древнегреческий город Синопа.

Скорее всего о покинутой киммерийцами земле милетские организаторы колонизации узнали от них самих, поскольку те вторгались на хору Милета, или же в результате разведочных плаваний ионийцев вдоль побережья Понта Евксинского. О том, что киммерийская область сопоставлялась тогда с Боспором, свидетельствует прежде всего топонимика. В память об этом народе переселившиеся сюда греки называли нынешний Керченский полуостров - Боспором Киммерийским, Керченский пролив - Киммерийским, переправы через него - Киммерийскими, стены - Киммерийскими. В горной стране тавров была гора Киммерий, а недалеко от устья реки Кубань находился мыс Киммерий. Более того, два своих поселения, расположенных по обе стороны пролива, греки именовали Киммерии и Киммерий. Не исключено, исходя из этих сравнительно многочисленных и устойчивых названий, что в среде боспорских эллинов о некоторых из них были созданы местные этиологические легенды, не сохранившиеся до наших дней.

Начиная с Гекатея Милетского отдельные авторы называли боспорские города Пантикапей, Феодосию, Мирмекий, Гермисий - киммерийскими - то есть расположенными на бывшей киммерийской земле, как и весь Боспор Киммерийским. Весьма интересно и сообщение Псевдо-Скимна о том, что Истрия - одно из древнейших поселений греков в Северо-Западном Причерноморье, была осно-

вана в то время, когда скифы, перейдя в Азию, преследовали киммерийцев от Боспора. Исходя из других данных, это могло произойти около середины VII в. до н. э.

Появление греков на Боспоре. Очевидно, лишь после того, как греки из Малой Азии окончательно убедились в том, что киммерийцы никогда не возвратятся на свою бывшую родину, поскольку явно верили в их проживание там, они решились переселиться на никем еще незаселенную землю. Со времени основания первого греческого поселения Борисфен около середины VII в. до н. э. на современном острове Березань в Черном море прошло, очевидно, немногим более полстолетия, когда выходцы из Ионии под предводительством Милета занялись почти одновременно интенсивным освоением земель в Нижнем Побужье, Восточном Крыму и на Таманском полуострове.

Однако первые переселенцы появились здесь несколько раньше. В последнее время считается, что древнейшее греческое поселение в Северо-Восточном Причерноморье, которое сейчас поглощено водой, основали выходцы из г. Клазомен в Северной Ионии в конце VII в. до н. э. Оно было расположено поблизости современного г. Таганрог в дельте Дона, находилось в самом выгодном во многих отношениях регионе, однако по неустановленным причинам довольно скоро прекратило свое существование. Одной из причин, возможно, было враждебное отношение здешних кочевников к эллинам. Вряд ли случайно по прошествии многих столетий Страбон отмечал, что они препятствовали проникновению эллинов не только на свои земли, но и плаванию у верховья реки Танаис. Ведь эллины так никогда и не смогли конкретно и достоверно узнать, что же находится выше к северу от нее.

Только по прошествии двадцати-тридцати лет после возникновения первого поселения в дельте Дона одна за Другой на протяжении второй - последней четверти VI в. до н. э. сюда прибывали все новые и новые партии переселенцев. Здесь возникло множество различных поселений. Одни из них вскоре стали самостоятельными

полисами, другие - так и не сумели подняться до их высокого уровня.

Какие же причины вынудили греков бросить свои насиженные места и на кораблях отправиться в столь далекие от их родины места для постоянного места жительства? В настоящее время большинство ученых считает, что одной и, пожалуй, самой важной причиной явилось сначала разорение сельскохозяйственных округ ионийских городов лидийцами, а затем персидское завоевание. Особенно частым нападениям подвергалась хора Милета и даже его священные земли, на которых стояли храмы почитаемых божеств. Непрекращающиеся военные действия, попытка отстоять свои права на принадлежащие греческим городам территории в итоге породили экономический кризис. Полисы были не в состоянии прокормить все население при постоянной военной угрозе и разорении сельскохозяйственных территорий. В таких условиях часть греков должна была решиться на переселение.

Особенно персидское давление усилилось после 546 г. до н. э., когда они разгромили Лидийское царство и установили постоянный протекторат над Ионией. Хотя Милет заключил мирный договор с персидским царем Киросом, он номинально все же находился в подчинении персов. Они постоянно вмешивались в политическую жизнь греческих полисов, активизируя тем самым противостояние и борьбу между своими союзниками и сторонниками независимости. Население некоторых городов, например, Фокеи и Теоса, по свидетельству Геродота, полностью переселилось в новые места. В частности, теосцы поселились не только в г. Абдеры во Фракии, но и основали Фанагорию на современном Таманском полуострове.

Из каких иных мест приезжали на Боспор ионийские греки, пока точно не установлено. Но бесспорно, что такие большие партии колонистов не могли быть жителями только одного города Милета или его округа. Поскольку этот полис был самым высокоразвитым во всей Восточной Греции, скорее всего под его предводи-

тельством происходил организованный процесс переселения. Как показывают последние археологические исследования ранних керамических изделий североионийского производства, вполне допустимо, что их доставили сюда и жители Северной Ионии. Необходимо также отметить, что милетско-северопонтийская колонизация относится к завершающему и самому позднему этапу Великой греческой колонизации VIII-VI вв. до н. э. Разгромом Милета в 494 г. до н. э. и завоеванием персами всей Ионии завершается это феноменальное явление в истории Древней Греции.

Греческая колонизация резко отличается от западно-европейской нового времени. Практически это была вынужденная эмиграция вследствие лидийских и персидских завоеваний, порожденных ими внутренних причин, невозможности проживания на старом месте, стремление эллинов избежать рабства и физического уничтожения, сохранить полисные традиции и культы своих божеств на новом месте проживания вдали от персов. Но ни одно из боспорских поселений не являлось каким-то политическим или экономическим придатком своей метрополии. С самого начала организованные гражданские общины создавали на местах совершенно новый автономный политический организм - полис, который поддерживал со своей метрополией, - и то не всегда, - экономические и культурно-религиозные связи.

Немаловажным является тот факт, что в период милетско-северопонтийской колонизации ионийцы достигли больших успехов во многих сферах жизни. Они не только были умелыми кораблестроителями и мореходами, земледельцами, ремесленниками и торговцами. Духовная культура Ионии в VI в. до н. э. достигла очень высокого уровня. Ионийцы соорудили величественные храмы в Эфесе, Милете, Дидимах, на острове Самос. Монументальная скульптура украшала святилища и площади их городов. Первые греческие философы Фалес, Анаксимандр, Анаксимен жили в Милете. Исторические и географические записи о странах и морях, которые

постепенно открывали милетские мореходы, тоже впервые появились в Ионии.

Значительные успехи были достигнуты в политической и социально-экономической организации жизни. Полис - основная форма социально-политической организации греческого общества наиболее ярко проявилась в Милете. Благодаря своим достижениям в ремесленном производстве и сельском хозяйстве, активной торговле и продуманной организации государственного строя, а самое главное наличию большого количества морских судов, этот центр и стал организатором целенаправленной многолетней колонизации Причерноморья. В это переселенческое движение включились и выходцы из других мест, в частности Родоса и Эолии. Бесспорно, что греки переносили на новые места все свои достижения в строительном деле и сельском хозяйстве, в частности земледелии, а также ремесле и торговле, искусстве и быте, духовной культуре - прежде всего культы многочисленных божеств, связанные с ними обряды, празднества, спортивные и мусические состязания (агоны).

Пантикапей. Первое место для поселения на Боспоре греки избрали в центре самой плодородной равнины на территории современного г. Керчь. «Пантикапей, - отмечал впоследствии знаменитый греческий географ Страбон, г представляет собой холм, со всех сторон заселенный, окружностью в 20 стадий, с восточной стороны от него находятся гавань и доки приблизительно на 30 кораблей, есть также акрополь; основан он милетянами». Эти данные весьма важны, поскольку содержат реальные сведения о Пантикапее.

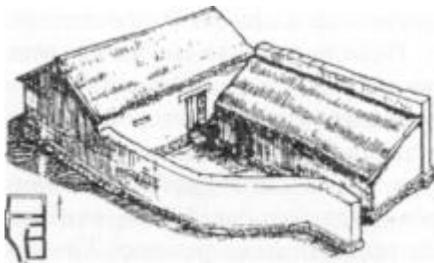
Относительно основания Пантикапея была сложена легенда, возможно, даже самими жителями с целью связать свое происхождение с героическим веком в истории Эллады. Так, писатель Стефан Византийский из какого-то более раннего сочинения почерпнул рассказ о том, что основателем Пантикапея был сын Аэта, брата волшебницы Медеи, и земля для его основания была уступлена грекам неким скифским царем Агастом. Ясно, что это

легенда, так как во времена походов аргонавтов никаких скифов здесь еще не было. Пантикапейцы могли создать ее в то время, когда скифы начали притязать на занятые ими земли, чтобы таким образом узаконить свои права. Подобные примеры, когда греки прибегали к созданию такого рода мифов, хорошо известны и в других заселенных ими областях ойкумены. Страбон, наоборот, считал, что основатели Пантикапея прогнали скифов подобно тому, как они сделали то же самое с киммерийцами. Однако археологические изыскания показывают, что в 590-570 гг. до н. э., когда здесь впервые появились греки и основали свой город, какого-либо оседлого населения на месте Пантикапея не было.

Пантикапей - единственное в Северном Причерноморье поселение, древнейшее ядро которого находилось на значительном природном возвышении. Отсюда открывался прекрасный вид на окружающие земли и море. Самая удобная в Керченском проливе бухта стала служить его гаванью. В округе находились запасы металлов и питьевой воды.

Гражданский коллектив Пантикапея рано осознал свое главенство в регионе. Возможно, уже с раннего времени его начали называть метрополией всех милетских городов Боспора, что впоследствии отмечал Страбон. Как первая колония, Пантикапей способствовал расселению других партий колонистов, помогал их устройству на новом месте. На собственном примере его гражданская община могла содействовать сплоченности переселенцев в других полисах, без чего вряд ли можно было с полной уверенностью обосноваться вдали от родины.

Археологические раскопки на вершине и террасах акрополя (совр. гора Митридат) в последние годы позволили установить, что и здесь, как и в Нижнем Побужье, во второй четверти VI в. до н. э. первые колонисты устраивали себе временные жилища типа полуземлянок. Однако быстрое расширение хозяйственной деятельности и политической организации полиса содействовали тому, что пантикапейцы начали возводить хотя и небольшие,

Дом Коя в позднеархаическом квартале Пантикапея.
Реконструкция С.Д.Крыжицкого

но каменные дома. Во второй половине VI в. до н. э. здесь наблюдается прогресс в развитии строительства и благоустройства. В последней трети VI в. до н. э. на верхнем плато холма был выделен центральный теменос, на котором сооружались ордерные постройки. На горе Митридат открыты также позднеархаические монументальные общественные сооружения, в том числе и здание редкой планировки - толос, в котором, по всей вероятности, находился пританей. По мнению В.П.Толстикова, на протяжении многих лет ведущего раскопки Пантикапея, на западном плато акрополя был расположен важный общественный центр этого полиса, в котором толос, связанный с деятельностью полисных магистратов, играл важную роль. В позднеархаическое время появляются также сравнительно богатые жилые дома и мощные улицы. Таким образом Пантикапей раньше, чем другие поселения, превратился в город и, соответственно - полис. Отношения Пантикапея в период колонизации Боспора с другими поселениями мало известны. Но то, что Пантикапей раньше всех начал чеканить серебряную монету, имевшую обращение на территории Боспора, также указывает на его лидерство в Восточном Крыму. С самого начала он как будто был запрограммирован стать столицей большого государства и стремительно двигался к этому положению.

Другие полисы и поселения. Помимо Пантикапея на Боспоре в VI в. до н. э. были основаны и другие поселения. Наиболее значительными являются Нимфей и Феодосия. Примечательно, что некоторые поселения группировались на небольших расстояниях от Пантикапея. Ближе всех находился Мирмекий. Тиритака распо-

Карта Боспорского царства

лагалась на высоком плато у моря в 11 км, а Нимфей в 17 км от него, тоже на плато, близ мыса Карабурун. Позже возникшие Феодосия, Китей и Киммерик были наиболее удаленные от будущей столицы.

На Таманском полуострове, среди массы поселений вскоре выделились Фанагория, Гермонасса, Кепы. Лишь в отношении первых двух известно из письменных источников, что основателями Фанагории были теосцы, а Гермонассы - митиленцы или ионийцы. О развитии политических структур и характере превращений этих поселений в полисы в архаическое время можно сказать очень мало. Самыми сильными и известными после Пантикапея были: Феодосия, Нимфей, Фанагория. Дольше всех они сохраняли свою полисную автономию и в экономическом развитии достигли значительных успехов.

Феодосия располагалась на невысоком холме, который носит сейчас название «Красная горка», на южном побережье Крымского полуострова. Она была хорошо защищена от северных и западных ветров горными отрогами. О прекрасной гавани Феодосии неоднократно писали древние авторы. Равнинные плодородные земли в округе

города являлись его основной аграрной базой, благодаря которой он достиг большого экономического подъема. Главное место в торговле Нимфея занимала гавань. Это один из немногих боспорских городов, где каменное строительство жилых домов и культовых сооружений уже в VI в. до н. э. достигло большого размаха. По погребальным памятникам и жилищам прослеживается некоторая социальная стратификация и проживание в городе синдской и, возможно, скифской знати.

Фанагория являлась своего рода столицей азиатской части Боспора. О ее основании сохранились разноречивые сведения. В наибольшей степени соответствует реальности запись Евстафия, что ее основали теосцы во главе с Фанагором, которому пришлось бежать вместе с соотечественниками в 542 г. до н. э. после захвата их города персидским царем Киrom. Занимая исключительно выгодное географическое положение, завладев богатыми природными ресурсами, Фанагория быстро выделилась среди массы поселений на Таманском полуострове. Кроме того, ее расположение в дельте Гипаниса (совр. р. Кубань) давало все возможности для ведения торговли с местными племенами. Здесь же располагалась и одна из наиболее плодородных равнин.

В отличие от других регионов милетско-понтийской колонизации на Боспоре сосредоточилось самое большое количество переселенцев. Вполне возможно, что после гибели Милета и его сельской округи сюда также прибыла значительная часть греков. В каждом крупном поселении складывались свои особенные условия. Очевидно, первоначально при власти находились ойкисты. Однако, какие полномочия они имели и как управляли в каждом из полисов, сказать трудно. Можно только констатировать, что в зависимости от того, как быстро развивался тот или иной город, видно, какой организатор стоял во главе основавшей его партии колонистов.

Основа жизни греков на Боспоре. Итак, в VI в. до н. э. греческими переселенцами были освоены побережье Восточного Крыма, Таманский полуостров, а также осно-

ван ряд населенных пунктов в районе современной Анапы и Новороссийска. Отсюда ясно, что вынужденная эмиграция греков из Ионии носила достаточно массовый характер и в ходе этого процесса они заселили значительные территории. Имеются все основания рассматривать их неотъемлемой составной частью античного мира.

Сейчас установлено, что на современном Керченском полуострове в VI-V вв. до н. э. существовало 26 греческих населенных пунктов. Основная масса жителей была сконцентрирована в сравнительно небольших «аграрных городках», расположенных на морском побережье в удобных для обороны местах. Видимо, это было связано со спецификой взаимоотношений с кочевниками, уже контролировавшими Восточный Крым. Однако нельзя исключать и прирожденную тягу греков селиться близ водных пространств.

Сельские поселения, состоявшие из изолированно стоящих домов, окруженных приусадебными участками, возникли одновременно с основанием городов. Причем небольшое количество таких землевладений может указывать, что они принадлежали отдельным гражданам наиболее крупных боспорских городов. Основная же масса греческого населения в это время жила в небольших поселках и обрабатывала земельные наделы в непосредственной близости от них.

Несмотря на плохую сохранность архаических строительных остатков, все же можно говорить, что на сельских поселениях преобладали однотипные дома, свидетельствующие об однородном социальном составе жителей. В последнее время в Крымском Приазовье открыт еще целый ряд небольших поселений, которые связываются с последней колонизационной волной или началом внутреннего освоения сельскохозяйственных территорий боспорскими греками. Правда, характер этих поселений пока остается не совсем ясным. Нет и данных, позволяющих предполагать наличие на Боспоре в VI-V вв. до н. э. сколько-нибудь крупных землевладений.

На современном Таманском полуострове, в древней Синдике, картина была несколько иной. Разведками и раскопками здесь зафиксировано 88 пунктов, включая города, где обнаружены слои или керамика VI-V вв. до н. э. В отличие от Восточного Крыма, греками была заселена вся территория Таманского архипелага за исключением острова Кандаур. Процесс освоения сельскохозяйственных территорий здесь шел свободно. Никакие препятствия со стороны местного населения не наблюдаются. Вероятно, более или менее крупные города первоначально также были заселены земледельцами. Только со временем они стали аграрно-ремесленными и торговыми центрами. Примечательно, что на Таманском полуострове зафиксировано втрое больше памятников VI-V вв. до н. э., чем на Керченском, хотя площадь последнего больше более чем в два раза. Однако в количественном отношении на Тамани преобладали небольшие наделы, являвшиеся основной формой античного землевладения.

Само собой разумеется, что, прибыв на новые земли, расположенные к тому же за тысячи километров от родных мест, греки вынуждены были сами обеспечивать себя всем необходимым для проживания. Очевидно, первопоселенцы также ставили перед собой задачу накопления излишков продукции, которая бы помогла освоиться здесь постоянно прибывающим партиям колонистов. У нас нет сведений, через какие точно промежутки времени они сюда переселялись, какое их количество прибыло первоначально для освоения первой апойки на горе Митридат. Однако то, что именно Пантикапей стал материнским полисом для греков Восточного Крыма, может указывать на стремление его гражданской общины привлечь сюда как можно больше переселенцев и оказать им посильную помощь. Возникновение поселений в разные десятилетия VI в. до н. э. свидетельствует, что процесс заселения не был единовременным актом, а осуществлялся постепенно и поэтапно.

Греки всегда были первоклассными земледельцами, скотоводами, садоводами, рыболовами, занимались раз-

личными промыслами. Все эти занятия были перенесены ими на новое местожительство. Они сеяли здесь пшеницу, ячмень, просо, рожь, чечевицу, вику, зернобобовые культуры, семена которых привезли с собой. Фруктовые деревья на Боспоре росли практически на каждом приусадебном участке. Более того, даже название одного из крупных боспорских поселений Кепы означало «Сады». В названии города Пантикапей, как и реки Пантикап, видимо, следует видеть словосочетание из греческого языка в его раннеархаическом диалектном или простонародном произношении, что могло означать «много садов». Вполне вероятно, что высокий холм, на котором впоследствии греки построили город, как и берега реки, заросли дикорастущими фруктовыми деревьями. По этим примечательным признакам они и получили свои названия. При этом не лишне добавить, что вообще все греки не мыслили себе свой полис без сельскохозяйственной округи (хоры). Полис и хора представляли собой единое экономическое и политическое целое. Для жизни каждого полиса катастрофической могла быть потеря окружающей земли, служившей традиционно для их всестороннего самообеспечения.

Наряду с зерновым хозяйством, животноводство занимало одно из важнейших мест в экономике всех боспорских поселений. Предпочтение, как видно из раскопок архаических жилищно-хозяйственных комплексов, отдавалось разведению мелкого рогатого скота и птицы. Но важную роль играл и крупный рогатый скот, а также лошади. Кроме продуктов питания греки получали от этого вида хозяйства кожу, шерсть, тягловую силу для обработки земли, переездов и военного дела. Практически в каждом архаическом жилище археологи находят кости разнообразных рыб, грузила и крючки для рыбной ловли. Приучившись на своей родине постоянно употреблять в пищу рыбу, греки, естественно, в первую очередь и на черноморско-боспорском побережье и берегах пролива занимались своим любимым промыслом. Тем более, что, судя по высказываниям древних писателей, эти мес-

та славились рыбными богатствами. Следует думать, что немаловажное значение на первых порах жизни греков на Боспоре имела охота на диких животных. На Восточнокрымских и Таманских, незаселенных в то время оседлым населением, территориях явно обитало множество диких животных и птиц.

Данных о развитии ремесла в ранних боспорских центрах очень мало и оно исследовано неравномерно. Следы металлообрабатывающего производства зафиксированы в Пантикапее и Торике. В первом из них обнаружены остатки четырех небольших бронзолитейных мастерских второй половины VI - начала V в. до н. э. на территории жилых кварталов. Уже в это время они располагались компактными группами и представляли собой ремесленный квартал. Судя по археологическим находкам, в таких мастерских изготовлялось оружие, что косвенно свидетельствует об усилении варварской, в первую очередь скифской угрозы. В конце VI в. до н. э. в Пантикапее началось производство предметов торевтики. Бронзолитейные мастерские существовали также в Фанагории, где отливались, по всей вероятности, даже

Реконструкция квартала ремесленников конца VI - начала V в. до н. э. Рисунок М.В.Львовой по М.Ю.Трейстеру

статуи скорее всего приезжими сюда скульпторами. Однако, как и в Пантикапее, они были небольшими и в них работало всего несколько ремесленников. Производство еще не было дифференцированным. В одной и той же мастерской Пантикапее изготовлялся металл,

велись кузнечные работы и готовые изделия окончательно оформлялись костью. Выделение на начальном этапе существования боспорских городов металлургии, как специализированной отрасли материального производства, позволяет предполагать, что ремесленники-металлисты занимали особое положение в обществе, как, например, в более позднее время в Эпидавре. В боспорских мастерских железо сыродутным способом получалось из местной керченской руды, которая предварительно брикетировалась, т. е. пресовалась с добавлением к руде связывающих масс. Таким образом, на Керченском полуострове с очень раннего времени руда добывалась, вероятно, открытым способом, и какая-то часть населения была связана с ее добычей.

Наличие в целом ряде боспорских центров гончарных печей VI—V вв. до н. э. свидетельствует о том, что уже в это время по привозным образцам было налажено производство керамики, которая широко использовалась греческим населением в быту. Здесь же нередко изготовлялись и терракотовые фигурки божеств. Однако самый большой размах получило строительное ремесло.

Развитие сельскохозяйственного производства и ремесла привело к появлению во второй половине VI в. до н. э. в Пантикапее серебряной монеты. Следовательно, к этому времени его внутренний рынок достиг такого уровня развития, когда возникла потребность в денежном эквиваленте. Денежное обращение раннего Пантикапее базировалось на серебряном статере, который чеканился по эгинской весовой системе. На начальном этапе монетной чеканки регулярно выпускались лишь диоболы и мелкие фракции

Монеты Боспора позднеархаического времени

обола. По-видимому, в это время количественно преобладали мелкие производители и отсутствовали значительные торговые сделки, для обслуживания которых нужна была монета крупных номиналов. В качестве международного средства платежа, вероятно, использовались кизикины. Начало монетной чеканки в Пантикапее также отражает его более быстрое экономическое развитие по сравнению с другими полисами Боспора.

Во все города шел интенсивный ввоз продукции в амфорах (вино и оливковое масло) из Хиоса, Самоса, Клазомен и других центров в обмен на продукты, товары и сырье, производившиеся на Боспоре (например, кожи и шкуры). Археологические слои Пантикапея, Фанагории и Гермонассы VI-V вв. до н. э. насыщены разнообразными высокохудожественными керамическими изделиями и амфорами. Сейчас трудно говорить об экспортных возможностях боспорских городов в VI-V вв. до н. э. Но учитывая колоссальный вывоз хлеба несколько позже, вполне допустимо, что и в это время сельскохозяйственная продукция была основой внешней торговли.

Уже в конце VII в. до н. э., - а возможно, и несколько раньше, - греки проникают в дельту Дона, где, как отмечено выше, в районе современного г. Таганрога открыты остатки греческой апойкии. Однако, на рубеже VI-V вв. до н. э., в данном регионе складывается локальный вариант скифской культуры и возникает Елизаветовское городище, которое становится крупным пунктом, через который осуществлялись экономические связи греков с варварским населением Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. По подсчетам исследователей, сюда морем в год привозилось не менее 1750-1900 амфор высокосортных вин Хиоса, Менды, Фазоса, Афин и других античных винодельческих центров. На Елизаветовском городище из амфор вино переливалось в бурдюки и вывозилось Далее к варварскому населению Причерноморья. Но торговля здесь велась не только вином, а и различными другими товарами.

Если в первой половине V в. до н. э. население Елизаветовского городища было в основном потребителем греческих товаров, то уже со второй половины этого столетия оно становится важным центром транзитной торговли. Отсюда какая-то часть товаров, прежде всего средиземноморские вина, поступала в Скифию. В свою очередь из боспорских центров к варварскому населению Прикубанья доставлялась продукция металлообрабатывающих мастерских. Главными торговыми партнерами боспорских греков в это время выступали не скифы, а синды и меоты.

На основании имеющихся данных об экономическом развитии Боспора VI-V вв. до н. э. можно заключить, что основную массу населения боспорских городов составляли греки-колонисты, которые являлись членами гражданских общин. Население боспорских городов состояло из первопоселенцев и вторичных колонистов (эпойков). Последние, как и в других районах греческой колонизации, не обладали всей полнотой прав. Не известны и социально-политические разногласия между ними. Нет оснований говорить и о наличии на Боспоре в это время сколько-нибудь значительной группы несвободного населения, в том числе и рабов классического типа - основных производителей материальных благ.

Культурные достижения эллинов. С заселением греками Причерноморья совпадает начало знаменательного периода в истории Эллады, который часто называют то «греческим чудом», то духовной революцией или культурным переворотом. Так что на Боспоре поселились те выходцы из Ионии, которым были известны достижения в различных сферах жизни. Этим они резко отличались от местного оседлого населения, а тем более пришедших с Востока воинственных кочевников - скифов.

В архаическое время религия особенно тесно была связана с искусством. Вообще не известны памятники, которые бы так или иначе не относились к почитанию божеств или погребальному культу. Такое же отношение к ним было и у боспорских греков. В свои новые города они переносили все то, что составляло на их родине осно-

ву духовной жизни: язык и письменность, мифы и религиозные культы, относящиеся к ним обряды и календарные празднества, иконографию и символику почитаемых божеств и героев, главные элементы в устройстве святилищ с храмами и алтарями, архитектурные ордера и декор для их украшений, погребальные ритуалы и т. п.

Естественно, что боспорские города, по сравнению с Милетом или Афинами, были значительно меньше и беднее. Вообще они никогда не достигали по архитектурному убранству и градостроительству уровня крупных городов Древней Эллады. И все же здешние жители стремились сразу показать, что они следуют общегреческим традициям как в религии, так и устройстве городов.

Особенно яркое проявление это нашло в сооружении храмов и алтарей. Совсем небольшие по своим размерам, они тем не менее, как это видно по архитектурно-строительным остаткам в Пантикапее и Нимфее, имели ионийский ордер, покрывались черепичной крышей. Капители для колонн изготавливались из местного известняка, в точности копируя милетские. Следует подчеркнуть, что зарождение ионийского ордера произошло только в первой половине VI в. до н. э. Но уже во второй половине этого века он становится хорошо известным и боспорским строителям, хотя у них еще не было возможности сооружать своим богам-защитникам большие каменные храмы. Обычно из камня сооружался только цоколь, стены были сырцовыми, перекрытия, а иногда и колонны - деревянными. Но «жилища богов» нередко копировались с тех храмов, которые уже стояли в метрополии. На боспорской земле в окружении варварских племен постепенно выростали города, каких ни по архитектуре, ни по благоустройству улиц и гаваней, ни строительству жилых, хотя еще и небольших домов, она еще никогда не знала. Эллина принесли сюда совершенно иное представление о жизни и культуре, религии и быте.

Они отличались от местных жителей не только внешностью, но и одеждой. Гиматий и хитон из разных тканей в зависимости от времени года являлись традици-

онной одеждой мужчин и женщин. Женская одежда была более длинной, пестрой и разноцветной, покрывалась орнаментами, дополнялась различными украшениями. На ноги одевали сандалии на деревянной подошве, ботинки и сапожки из кожи. Но более холодный климат на Боспоре, чем в Ионии, заставил греков все-таки, особенно в осенне-зимнее время, заимствовать такие виды костюма, которые носили синды, скифы, меоты: штаны, шаровары, куртки, высокие сапоги, меховые шапки.

В быту, на религиозных и семейных празднествах, а также в погребальном обряде с самого раннего времени на Боспоре применялась привозная расписная повседневная столовая и парадная посуда. Керамический импорт поступал в основном из Милета, Родоса, Хиоса, Самоса, Клазомен, Афин. Архаические расписные сосуды из боспорских городов поражают своим количеством, разнообразием форм и росписей. В VI в. до н. э. сюда привозились высокохудожественные образцы чернофигурных ваз, выполненных первоклассными афинскими вазописцами. Среди них прежде всего следует выделить Лидоса, Экзекия, Антимена, Тлесона, гончара Никосфена. Уже в то время, осознавая свои уникальные способности, эти мастера гордо подписывали сделанные ими росписи и придуманные оригинальные формы сосудов. На многих из них сохранились сюжетные композиции на мифологические, религиозные, военные и бытовые темы. Богатые горожане приобретали вещи, в том числе и посуду из драгоценных металлов и бронзы.

Довольно быстро боспорские греки наладили и свой быт. Помещения освещались в темное время факелами, но чаще всего глиняными светильниками. В качестве топлива для них использовались животный жир и оливковое масло. В богатых домах для освещения применялись дорогие бронзовые канделябры.

На Боспор, как и в другие греческие центры, из разных городов Эгеиды привозилась разнообразная столовая и кухонная посуда. Люди менее зажиточные пользовались лепной посудой, изготовленной на месте и более

пригодной для приготовления пищи на открытых очагах. Они употребляли в пищу хлеб, каши из пшена и ячменя, варили горох, бобы, чечевицу, мясо животных, рыбу и мидии, овощи, фрукты, мед, молочные продукты и др. Вино и оливковое масло импортировалось. Предпочтение отдавалось лучшему в то время хиосскому вину и афинскому оливковому маслу.

Мужчины во время отдыха любили собираться вместе на симпозиис для застольных бесед и дискуссий. Из-за отсутствия в раннее время больших домов, они, очевидно, устраивались в закрытых дворах. Общественные трапезы проводились во время религиозных праздников, связанных с окончанием полевых работ весной и сбором урожая летом и осенью. В каждой семье отмечались свои маленькие праздники: женитьба, рождение ребенка, новоселье, посвящение сыновей в граждане и т. п. Боспорцы нередко собирались в гаванях, куда приплывали корабли из разных городов Средиземноморья и новые группы переселенцев. Здесь царил оживленный мир новостей, встреч, радостных, а нередко и печальных событий. Следует думать, что немаловажное значение в каждом полисе имели рынки, где жители также часто общались. Только при постоянном общении и открытости граждан могло быть создано полисное единство.

Широкое развитие межполисных связей способствовало с самого раннего времени обогащению различных элементов культурного развития боспорских городов и их жителей. Языковая близость предоставляла все возможности для общения и понимания друг друга, заимствования новых открытий в письменности, литературе, искусстве. По эпиграфическим источникам складывается впечатление, что здесь в VI-V вв. до н. э. было мало грамотных людей. В боспорских городах не найдены письма на свинцовых пластинах или стенках сосудов, нет и такого множества посвящений различным божествам, как в Борисфене или Ольвии. По всей вероятности, это можно объяснить тем, что на Боспоре было намного меньше выходцев из собственно Милета и других разви-

тых городов. Основная часть их относилась к сельскому населению.

Известно на Боспоре и мифологическое творчество. Это, прежде всего, миф об Афродите, в основу которого положено более древнее сказание о борьбе Геракла с гигантами. По представлениям основателей Фанагории эта борьба происходила на их земле. Афродита заманивала по одному гиганту в пещеру, где их убивал Геракл. Тем самым объяснялось значение культового имени Владычица Апатура, под которым фанагорийцы почитали свою главную покровительницу и для которой устроили святилище. Позже оно стало общепоспорским центром культа Афродиты Урании. Правда, высказано мнение и о том, что вариант этой легенды создан боспорским писателем более позднего времени.

Вполне вероятно, что к мифотворчеству боспорских греков относится и легенда об амазонках, которую из какого-то более раннего сочинения переписал Геродот. Это, бесспорно, этиологический миф, объясняющий происхождение племени Савроматов, с которым им пришлось познакомиться после переселения на Боспор Киммерийский и где они увидели женщин, умеющих сражаться. В нем рассказывается, что после битвы эллинов с амазонками в Троянской войне (по современной хронологии это XII в. до н. э.) те захватили их в плен и везли на трех кораблях. Но амазонки перебили всех греческих воинов. Не зная, как управлять кораблями, они, носимые волнами и ветром, прибыли к берегам Меотийского озера и высадились на земле свободных скифов у каких-то Кремн. Отдельные археологи локализуют их на месте вышеупомянутого Таганрогского поселения. Если это так, то Кремны относятся к древнейшей греческой апойкии или первому эмпорию в Северо-Восточном Причерноморье. Однако для точного отождествления упомянутого Геродотом топонима с каким-либо поселением пока не имеется достаточно веских аргументов. Как бы то ни было, но, согласно сведениям «отца истории», Кремны были расположены на земле свободных скифов.

Далее в рассказе об амазонках сообщается о том, что, похитив у них табун лошадей, они начали грабить скифскую страну. «Скифы же не могли понять, - писал Геродот, - в чем дело: ведь ни языка, ни одежды, ни самого племени они не знали и были в недоумении, откуда те пришли; им казалось, что амазонки - это мужчины юного возраста, и потому они вступили с ними в битву. Когда скифы завладели трупами, оставшимися после битвы, они таким образом узнали, что это были женщины. Посоветовавшись, они решили больше их не убивать, но послать к ним самых молодых своих мужчин, числом приблизительно столько же, сколько было амазонок. Те должны были расположиться лагерем вблизи них и делать то же, что и они будут делать. Если же амазонки станут их преследовать, то не вступать в сражение, и уклоняться; когда же те остановятся, они должны, приблизившись, стать лагерем. Скифы задумали это, желая, чтобы от этих женщин родились у них дети.

Посланные юноши стали выполнять порученное. Когда же амазонки поняли, что те пришли безо всякого злого умысла, они не стали обращать на них внимания; и с каждым днем скифы приближали свой лагерь к лагерю амазонок. Юноши же, как и амазонки, не имели ничего, кроме оружия и лошадей, и вели тот же, что и они, образ жизни, занимаясь охотой и грабежом.

Амазонки в полуденный час делали следующее. Они расходились по одной и по две, рассеиваясь для естественных надобностей далеко друг от друга. Узнав об этом, и скифы стали делать то же самое. И кто-то приблизился к одной из них, оставшейся в одиночестве, и амазонка не оттолкнула его, но позволила вступить с ней в связь. И сказать она не могла (ведь они не понимали друг друга), но показала жестами, чтобы он на следующий день пришел на то же самое место и привел другого, показывая, чтобы их было двое и что она также приведет другую. Юноша, уйдя, рассказал это остальным. На второй день он сам пришел на то же место и другого привел и нашел амазонку, ожидавшую вместе с

другой. Когда остальные юноши узнали об этом, они также приручили остальных амазонок.

А после, соединив лагеря, они стали жить вместе, каждый имея жену ту, с которой он вступил в связь с самого начала. Мужчины не могли выучить язык женщин, женщины же усвоили язык мужчин. А после того, как они поняли друг друга, мужчины сказали амазонкам следующее: «У нас есть родители, есть и имущество. Теперь мы уже больше не будем вести такой образ жизни, но будем жить, уйдя к своему народу; нашими женами будете вы, и никакие другие женщины». Они же на это сказали следующее: «Мы не могли бы жить вместе с вашими женщинами, ведь у нас и у них разные обычаи. Мы стреляем из лука и мечем дротики и ездим верхом, женским же работам мы не обучены. А ваши женщины не делают ничего из того, что мы перечислили, но, оставаясь на повозках, занимаются женским трудом, не выезжая на охоту и вообще никуда. Так вот мы не можем ладить с ними. Но если вы хотите, чтобы мы были вашими женами и чтобы вы могли считать себя справедливыми, то, придя к родителям, получите свою часть имущества и затем, когда вернетесь, будем жить сами по себе».

Юноши послушались и выполнили это. Когда же, получив полагавшуюся им часть имущества, они вернулись назад к амазонкам, женщины сказали им следующее: «Мы в страхе и опасении, следует ли нам жить в той самой стране, где мы лишили вас ваших отцов, и сильно опустошили вашу землю. Но так как вы желаете иметь нас своими женами, то сделайте вместе с нами следующее: давайте уйдем из этой земли и поселимся, перейдя реку Танаис». Юноши послушались и этого.

Перейдя Танаис, они прошли к востоку на расстояние трех дней пути от Танаиса и на расстояние трех дней пути от озера Меотиды в направлении северного ветра. Прибыв в ту местность, в которой они теперь обитают, они заселили ее. И с того времени жены савроматов придерживаются древнего образа жизни, выезжая на охоту на лошадях и вместе с мужьями и отдельно от мужей;

они также ходят на войну и носят ту же одежду, что и мужья.

Языком Савроматы пользуются скифским, но говорят на нем издавна с ошибками, так как амазонки усвоили его неправильно. Относительно брака у них установлено следующее: никакая девушка не выходит замуж прежде, чем не убьет мужчину из числа врагов. Некоторые из них, не способные исполнить обычай, умирают в преклонном возрасте, прежде чем выйдут замуж».

Таким образом Геродот попытался объяснить грекам, откуда появилось и как произошло племя Савроматов, обитавшее к северо-востоку от Боспора и столь необычное для них по укладу жизни и культуре. Впоследствии эта древняя легенда найдет удивительное отражение во многих памятниках искусства на Боспоре, что косвенным образом подтверждает ее создание теми греками, которые хорошо и раньше других ознакомились с обычаями, нравами и образом жизни Савроматов.

Торговые связи способствовали их знакомству и с памятниками искусства. Кроме архитектуры и вазописи на Боспоре хорошо знали мраморную фигурную и рельефную

скульптуру. В Пантикапее, Нимфей, Фанагорию, Кепы привозилось много терракотовых статуэток, в основном земледельческих божеств Деметры и ее дочери Коры. Они украшали жилища, приносились в виде даров в святилища и клались в погребения. Уже в конце архаического времени в Пантикапее по привозным образцам изготавливались местные терракоты. Судя по множеству находок сидящей Деметры на

Терракотовая протома богини Коры из Феодосии. V в. до н. э.

троне, ясно, что ее культ занимал в среде земледельцев доминирующее место.

В полисной религии главная роль принадлежала Аполлону Иетросу - покровителю всепонтийской колонизации. Он выступал здесь, особенно в Пантикапее, как защитник и патрон новообразованного полиса. На пантикапейских монетах изображалась символика (голова или маска льва, звезда), отражающая, как и в Милете, космические начала этого бога. Одновременно на Боспоре почитались и другие олимпийские божества: Зевс, Гермес, Дионис, Афина, Артемида, а также малоазийская Мать богов Кибела. Для большинства из них были выделены отдельные участки земли под святилища. В раннее время на них чаще всего стояли только алтари для возлияний и жертвоприношений, небольшие деревянные столы для даров. В отдельных, чем-либо примечательных местностях устраивались загородные святилища, в частности Афродиты Урании на мысу близ Фанагории. Возможно, здесь же находилась и та пещера, о которой была сочинена легенда. На Майской горе поблизости от этого же города открыта большая культовая яма, наполненная терракотовыми изображениями женских божеств конца VI-IV вв. до н. э., курильницами, светильниками, ритуальной посудой. Все эти вещи принадлежали находившемуся рядом святилищу Деметры.

Боспорцы устраивали святилища в своих жилищах. Традиционно очаг считался священным местом, принадлежащим покровительнице семьи - Гестии. Самое яркое отражение этот культ нашел в VI в. до н. э. в одном жилище Тиритаки. Возле очага внезапно разрушенного дома так и остались стоять терракотовые статуэтки Деметры и Коры, глиняный алтарик для возлияний вином Гестии и этим богиням, чернолаковые чаши. Красноречивая характеристика этой семейно-очажной богини дана исследователем древнегреческой религии Ф.Ф.Зелинским: «Недвижно обитая на посвященном ей очаге, Гестия была настоящим символом хозяйки - деятельность которой, в отличие от деятельности мужа, про-

исходила внутри дома; ей она, поэтому, была сродни... Когда новобрачную вводили в дом ее мужа - впереди нее шествовала ее мать с факелом, возженным на очаге ее дома, и этим факелом она зажигала новый огонь на очаге своей дочери и зятя - красивый символ всей той хозяйственной традиции, которая отныне переходит от матери и тещи через дочь-невесту в новый дом. Так водруженная Гестия становится богиней-покровительницей дома, могучей и благосклонной...». В молитвах, обращенных ко многим божествам, ее имя ставилось на первое место.

В религиозном мировоззрении жителей Боспора заметно четкое представление о тех божествах, которых они считали своими защитниками на новых местах. Главным покровителем гражданских общин и полисной организации городов, как и всюду в Западном и Северном Причерноморье, считался Аполлон Иетрос. Земледельческий характер экономики способствовал распространению культа Деметры, Кору, Диониса; торговцы отдавали предпочтение Гермесу и Посейдону, рыболовы - Артемиде Агротере. С религиозными верованиями были связаны в основном и культурно-творческие процессы в городах. Богам сооружали храмы и алтари, устанавливали статуи. На празднества собирались все жители. На них нередко устраивались спортивные, музыкальные и поэтические состязания. Для даров божествам не только привозились разнообразные предметы изобразительного и прикладного искусства, но и возникали специальные мастерские для изготовления таковых. В общем такое отношение к религии способствовало более широкому развитию торговли и местного ремесла, давало возможность увидеть новые художественные образы почитаемых божеств.

Греки во всем придерживались тех традиций, которые бытовали на их родине. При исполнении погребальных обрядов устраивались небольшие процессии и тризны, одевались черные одежды, близкие родственники рвали на себе волосы, исполнялась сольная песня-плач. Покойника нередко сопровождала гражданская община. В могилу клали необходимые, по их представлениям, вещи, набор

которых зависел от социального ранга умершего. В потустороннем мире он должен был не испытывать недостатка в тех вещах, которыми пользовался при жизни. В погребениях VI в. до н. э. при раскопках обнаружены различные сосуды, украшения, оружие и многочисленные бытовые вещи.

* * *

Даже по имеющимся скудным материалам ясно, что аграрное хозяйство, - прежде всего земледелие, животноводство и садоводство являлось главной базой экономического развития всех боспорских полисов и основой благосостояния их граждан. Из этого можно сделать вывод, что греки переселились сюда не для завоевания варваров с целью наживы или налаживания только торговых операций, а для того, чтобы постоянно жить и обрабатывать свой участок земли. Это и был главный стимул их переселения.

Традиционно владелец земельного участка считался полноправным гражданином полиса, что обуславливало устойчивое социальное положение в обществе, экономическую независимость. «В гражданской общине существовала своя система ценностей. Сам полис сограждан был высшей ценностью. Противопоставление личности обществу, индивида коллективу не могло иметь места, ибо только благо и процветание целого обеспечивало благо и процветание каждого, - вслед за выдающимися греческими философами Платоном и Аристотелем считает Г.А.Кошеленко. - Земледелие рассматривалось как наиболее достойное гражданина занятие, иные занятия осуждались, осуждалось и стремление к богатству выше уровня, необходимого для нормального существования членов ойкоса. Гражданская община стремилась регулировать уровень благосостояния граждан, не допуская чрезмерного расслоения, угрожающего гомогенности гражданского коллектива. В системе ценностей, созданной гражданским коллективом, важное место занимали

традиционность, стремление сохранить все отношения неизменном состоянии».

Такие черты и особенности полисной организации наблюдаются в архаическое время и на Боспоре. Однако, если в последующем они во многом сохраняются в других греческих полисах на Понте Эвксинском, например, в Истрии, Аполлонии Понтийской, Ольвии, Херсонесе Таврическом, то на Боспоре в силу различных причин и обстоятельств принесенные из метрополии главные полисные традиции во многом нарушаются. Боспор в этом отношении представляет собой уникальное явление истории античного мира. Однако причина этого заключалась не в особом характере гражданских общин, а в появлении сильных политических личностей, стремившихся к единоличной власти в окружении воинственных варваров и стремлении выжить перед их угрозой. Впоследствии это получило совершенно иное непредсказуемое развитие, чуждое менталитету греков VI-V вв. до н. э.

ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ БОСПОРСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Людам различным разная плата за труд бывает сладкой.
Пастырь овец, землепашец, тот, кто птиц уловляет,
Тот, кого кормят моря - думают все об одном:
Как голод им утолить. Но для тех,
Кто на играх или в бою добивается славы, тому наградой
Высшей будет, если имя его на устах сограждан
Своих и чужих.
Пиндар

Начало скифской угрозы. Еще не завершилось окончательное покорение Ионии, как персидский царь Дарий I Гистасп, собрав огромное войско, при помощи милетских кораблей приблизительно между 519 и 512 гг. до н. э. летом двинулся на завоевание Скифии. Точная датировка его похода до сих пор не установлена. Кроме того, и относительно скифо-персидской войны существуют две противоположные точки зрения. Одни ученые, восприняв рассказ Геродота во всех деталях, как реальное событие, считают, что персы, преследуя кочевников, прошли степи нынешней Украины и преодолели все водные бассейны вплоть до Дона. Другие, наоборот, полагаются в основном на сведения Страбона о том, что этот поход завершился печально, в так называемой гетской пустыне между Дунаем и Днестром.

Так оно, скорее всего, и было. Косвенным свидетельством столь неудачного и непродолжительного похода персов может быть и то, что заселившие к этому времени все побережье греки, бежавшие от них же из Ионии, совершенно не пострадали, хотя, естественно, и претерпели немалый страх. В итоге они все-таки избежали персидского вторжения и разорения на новых местах обитания. Поскольку боспорские греки находились на самом большом отдалении, они, следует думать, оставались наименее обеспокоенными походом Дария.

Тот факт, что они беспрепятственно заселили в VI - начале V в. до н. э. обширные прибрежные территории в Восточном Крыму и на Тамани, указывает, что в этом регионе не было какого-либо оседлого или постоянно проживавшего здесь населения. Отдельные племенные объединения скифов в архаическое время размещались, с одной стороны, в степях Прикубанья и Северного Кавказа, а с другой, в Добрудже и Подунавье. Ни в одной из областей милетско-понтийской колонизации не зафиксированы военные захваты земли эллинами. Синдские земледельцы и скотоводы не препятствовали появившимся внезапно эллинам, будучи заинтересованными в их соседстве. Тем более, что пришлые переселенцы вначале не вмешивались в их внутренние дела, стараясь наладить с ними торговые и добрососедские отношения. Первоначально на всех поселениях отсутствовали какие-либо оборонительные сооружения. Создается впечатление, что переселенцы чувствовали себя здесь в безопасности.

Однако обстановка постепенно начала меняться уже в конце VI - начале V в. И более резкое ее изменение относится приблизительно к 490-450 гг. до н. э. Причем не только на Боспоре Киммерийском, но и во всех областях, заселенных греками в Северном и Северо-Западном Причерноморье. Прежде всего это проявилось в уходе переселенцев с сельских поселений, составлявших основную базу их жизни и экономической самостоятельности. На большинстве этих поселений не выявлено особенно сильных следов разрушений и гибели людей. Тем не менее хоры всех полисов на определенное время опустели. Население сосредоточилось в городах, где началось активное строительство и интенсифицировалась ремесленно-хозяйственная деятельность. Длительный период считалось, что главной причиной этих общих явлений было резкое обострение военно-политической ситуации в регионе. Она якобы была вызвана консолидацией скифских номадов после побед над персами, усилением их этнического самосознания и амбициями скифских вождей, стремившихся к лидерству и прямой эксплуатации

греков путем экономического протектората, откупа, сбора дани и дорогих даров для вождей, налогов и т. д.

В последнее время появляется все больше данных о том, что в это время в степи Северного Причерноморья вторглась новая группа кочевых скифов, которые, видимо, были более воинственные, чем пришедшие сюда ранее. Хотя они не обладали еще всеми возможностями, чтобы стереть с лица земли новообразованные города и поселения, молва об их продвижении явно облетела всех греков, если они заблаговременно покинули везде незащищенные места проживания в сельских округах. Во всяком случае, исходя из археологических реалий, вряд ли сейчас можно говорить о каком-либо большом этно-политическом образовании номадов в Северном Причерноморье - Скифском царстве, которое к тому же обладало мощным экономическим и военным потенциалом во второй четверти VI - первой половине V вв. до н. э. «Нельзя забывать, - считает К.К.Марченко, - что в первой половине V в. до н. э. новые группы пришельцев с востока находились еще на стадии завоевания родины. Они лишь сравнительно недавно появились в степном коридоре Северного Причерноморья и в силу этого обстоятельства не могли обладать достаточно длительным опытом культурных контактов с местными колонистами, способными пробудить действительный интерес туземной знати к столь упорядоченному контролю (имеется в виду протекторат) над хозяйством ионийцев».

Тем не менее на Боспоре в первые десятилетия V в. до н. э. начали происходить политические события, которые могли возникнуть только с началом военной угрозы. И поскольку в этом районе не было другого народа, который бы препятствовал мирной жизни греков, кроме номадов, то именно в них она заключалась. Несмотря на то, что скифы еще не обладали мощной военной силой, отдельные набеги на хору городов Боспора и даже сами города находят подтверждение в археологических материалах. Так, уже в первой четверти V в. до н. э. на семи из тринадцати населенных пунктах зафиксированы сле-

Карта Боспора Киммерийского в конце VI - первой половине V в. до н. э.: 1 - пункты со следами пожаров и разрушений; 2 - пункты со слоями и строительными остатками конца VI - первой половины V в. до н. э. по Ю.А.Виноградову

дм значительных пожаров и разрушений. Следы катастрофы, постигшей Мирмекий в конце первой четверти V в. до н. э., также связываются с нашествием варваров, скорее всего, скифов. По свидетельству Геродота, скифы в зимнее время через Керченский пролив переправлялись в Синдику. Этот переход даже мирно настроенных кочевников не мог не вызвать обеспокоенности у греков. А они, судя по всему, не всегда были настроены миролюбиво. В лучшем варианте необходимо было платить скифам дань.

Как показывает дальнейшая практика взаимоотношений греков с кочевыми варварами, именно дань и дорогие подарки служили тем ключевым звеном, благодаря которым более-менее мирно сосуществовали здесь разные народы. Скифские вожди прекрасно понимали, что только цветущие греческие города могли принести им наибольшую выгоду. Однако они не всегда держали в повиновении отдельные скифские отряды, которые все-таки время от времени совершали набеги на греческие земли. В таком окружении, при отсутствии хорошо защищенных границ, у боспорских греков не было иного

выхода, кроме консолидации и создания военно-оборонительного союза - симмахии. Вообще эллины издавна, во всяком случае с периода Троянской войны, создавали разнообразные, порой временные военные союзы.

Выбор главного пути. Следует думать, что поселившиеся вдали от родины греки прежде всего должны были позаботиться о том, чтобы действовать сообща в случае какой-либо опасности извне. Боспорских греков, как и переселенцев Западного и Северо-Западного Причерноморья, воодушевила надежда, что все они находятся под сакральной защитой одного бога Аполлона Иетроса (Спасителя), предназначенного им оракулом в главном святилище Аполлона Дидимского в Ионии. Общий культ, разумеется, способствовал созданию религиозных объединений понтийских эллинов (амфиктионий). Одна из них, как сейчас признано, возникла на основе этого культа в Северо-Западном Причерноморье, куда вошли такие крупные впоследствии государства как Аполлония Понтийская, Истрия, Ольвия, несколько позже Никоний и Тира. Во второй находились все ионийские апойкии Боспора. Центром первой являлась Истрия, второй - Пантикапей. Для религиозного мировосприятия эллинов на новой земле, как и их душевного спокойствия важно было такое сакральное объединение. Вера в силу божества играла важную роль в их жизни.

С самого раннего времени (около середины VI в. до н. э.) и на протяжении почти всего V в. до н. э. Пантикапей выпускал серебряные монеты в основном с символикой Аполлона. На их лицевой стороне изображалась морда льва, который одновременно являлся апотропеем для всего полиса, а на оборотной - звезда - как знак космической силы этого бога. При таком общепоспорском авторитете культа Аполлона среди населения, а особенно мыслящей молодежи и жрецов его святилища, не могла не возникнуть идея создания амфиктионий под его сакральной эгидой. В какой-то степени на это указывает то, что монеты с символикой Аполлона имели хождение во всех населенных пунктах греков.

Общий культ, согласно греческим традициям, требовал устройства календарных ежегодных празднеств с мусическими и спортивными состязаниями, жертвоприношениями и возлияниями. Таковые могли устраиваться не только в Пантикапее, но и в других апойкиях. Однако, если Пантикапей все же являлся на Боспоре главным полисом и более богатым, чем другие, а также центром амфикионии, то на празднества Аполлона сюда съезжались представители гражданских общин из других полисов. Обретя силу и авторитет, жрецы святилища Аполлона, которые чаще всего избирались из знатных аристократических родов, а возможно, как и в других святилищах, получали эту должность по наследству, могли вмешиваться и в государственные дела. Это тем более допустимо, поскольку в античных обществах существовала тесная взаимосвязь между политикой и религией. Именно перед угрозой внешнего нападения святилище общего главного бога становится пропагандистом объединения в делах защиты своей страны. О том, когда именно и каким образом боспорские греки впервые стали на путь создания симмахии, практически ничего не известно. О ней можно судить только по ряду косвенных источников, которые помогают раскрыть картину образования и ранней истории Боспорского государства.

Диодор Сицилийский, воспользовавшийся, очевидно, информацией неизвестного по имени боспорского хронографа, оставил весьма краткую заметку о первых правителях на Боспоре: «При архонте в Афинах Теодоре ... В Азии царствовавшие над Боспором Киммерийским и называвшиеся Археанактидами, правили 42 года; власть получил Спартак и правил семь лет». По общепризнанной и хорошо проверенной хронологии начало правления Археанактидов относится к 480 г. до н. э., Спартак (он же Спарток) получил власть в 438/437 гг. до н. э.

Эти сведения важны тем, что по ним устанавливается время смены двух династий - Археанактидов и Спартокидов. Если цари последней сравнительно хорошо известны, то относительно Археанактидов не имеется

никаких конкретных данных. В научной литературе высказано громадное количество гипотез и догадок об Археанактидах. Исходя из них, а также опираясь на собственные соображения, попытаемся представить читателю общую картину исторического развития Боспора при первой царствовавшей династии.

Археанактиды принадлежали к разветвленному аристократическому роду милетского происхождения. Вполне вероятно, что представитель этого рода возглавлял партию колонистов в Пантикапее. Согласно колонизационной практике, он запрашивал оракул Аполлона в Дидимах и по прибытии на новое место жительства являлся и главным жрецом верховного патрона переселенцев. Так как в период правления Археанактидов Аполлон занимал доминирующее место в пантеоне Пантикапея, то вполне возможно первенствующее положение этого рода как в религиозной, так и общественно-политической сфере VI-V вв. до н. э.

Традиционно потомки основателей полисов, а тем более ойкиста, пользовались большим авторитетом и уважением сограждан. Перед угрозой скифов Археанактиды явно выступили лидерами создания военно-оборонительной симмахии, как и религиозной амфикионии. Со стороны большинства полисов, а тем более апойкий, это не могло вызвать протеста. В такой ситуации исключается, если исходить из психологии гражданских общин греков времени опасностей, внутренняя социальная борьба между олигархами и демократами. Тем более, что демократический режим власти здесь вряд ли вообще первоначально был установлен. Как и в других припонтийских полисах, она, но всей вероятности, находилась в руках олигархов, среди которых наиболее влиятельными были Археанактиды.

Характер власти Археанактидов. Каким же образом Археанактиды начали единолично править на Боспоре Киммерийском? Правил ли сначала один из них и власть передавалась по наследству от отца к старшему сыну или же одновременно царствовали в разных регио-

нах Боспора отдельные представители этого рода? Предпочтение, очевидно, следует отдать тому, что около 480 г. до н. э. случился серьезный военный конфликт боспорской симмахии со скифами. Во главе объединения стоял стратег-автократор из рода Археанактидов, который воспользовался победой и захватил власть сначала в Пантикапее. Феодосия, Нимфей, Фанагория еще длительный период времени сохраняли свою автономию. Однако маленькие апойки типа Мирмекия, Тиритаки, Порфмия и некоторые другие могли вполне добровольно войти в такое военно-оборонительное образование, которое превратилось в государственное, ради своего спасения от варваров. В тех условиях создание военно-политической симмахии как оборонительной, а не наступательной федерации, представляло собой единственно возможный выход. Только в таком случае они могли противостоять вражеским нападениям и сохранить свою свободу.

Характер политической власти Археанактидов не совсем ясен. Если прямо воспринимать сведения Диодора Сицилийского, то они были «царствующими над Боспором Киммерийским». Однако перед этим определением историк поставил «в Азии», на что никто из исследователей не обращал особого внимания. А это вовсе немаловажный факт. Ведь странно и противоестественно было, что известный историк древности не знал, что значительная часть Боспора Киммерийского находится не в Азии, а в Европе. Поэтому такое географическое уточнение Диодора не случайно. Он знал, что Археанактиды именовались царями, как и Спартокиды, только по отношению к местным варварским племенам на азиатской части Боспора. Отсюда следует, что в интересах обороны и привлечения на свою сторону каких-то этнических групп Археанактиды силой или в процессе дипломатических переговоров подчинили какие-то этносы, названия которых проскальзывают в надписях последующих периодов боспорской истории. При Археанактидах только Пантикапеей периодически выпускал монеты с соответствующей своему верховному богу символикой. Ни одной

серии монет с именем Археанактидов или каким-либо другим именем правящего лица на Боспоре не отмечено.

Другое дело, что, захватив власть в симмахии и пользуясь незыблемым авторитетом среди эллинов, первый из Археанактидов в должности стратега, как и Перикл в Афинах, осуществлял и в некоторых входящих в союз полисах единоличную власть. Однако вряд ли эллины, даже если он передал правление и по наследству, начали бы считать их своими тиранами, а тем более царями. Скорее Археанактиды выступали здесь в роли архонтов или стратегов, как и последующие цари из династии Спартокидов. Но в своей основе такое правление действительно сходно с архаической или старшей тиранией, широко распространенной в VII-V вв. до н. э. в античном мире. При ней полисы сохраняли свои политические права. Народные собрания имели полномочия при многих тиранах. Однако это не значит, что они находились у власти лишь ради особой любви к демосу.

«Все тираны, сколько их ни было в эллинских городах, управляли только в своих личных интересах: их политика сводилась к заботам о собственной особе, своем семействе и к максимальному укреплению его положения. Они не совершали ничего достойного упоминания и каждый воевал со своими соседями», - отмечал известный греческий историк Фукидид. Причем тираны чаще всего происходили из аристократических родов. Большинство из них в молодости отличались победами в олимпийских или других календарно-религиозных спортивных состязаниях, а также военных стычках. Роль победителя повышала амбиции, возносила его над толпой, окружала массой поклонников. При удобном случае отдельные из них захватывали власть относительно легко при помощи нескольких десятков гоплитов или стражи. Чтобы привлечь на свою сторону народ, тираны широко использовали религиозные представления, заботились в первую очередь о возведении храмов и алтарей, обогащении сокровищниц, организации общеполитических празднеств. Особенно славились этим афинские Писист-

ратиды, о строительной и религиозной деятельности которых, бесспорно, знали боспорские греки.

Строительная и религиозная политика Археанактидов. Любопытно, что как раз ко времени правления Археанактидов относятся наиболее заметные археологические остатки монументальных сооружений оборонительного и религиозного характера. Поэтому нельзя исключить их роль в этих важнейших в ранней истории Боспора мероприятиях. К первым из них относится возведение Тиритакского оборонительного вала. Убежденность первого Археанактида как стратега в своей миссии спасти эллинов на Боспоре становится непоколебимой, хотя открытой вражеской угрозы как будто не существовало. Но создание первой мощной оборонительной линии говорит само за себя. Целиком захваченный идеей и проектами создания безопасной зоны, стратег, бесспорно, при поддержке граждан, в первую очередь богатых, осуществил свою мечту.

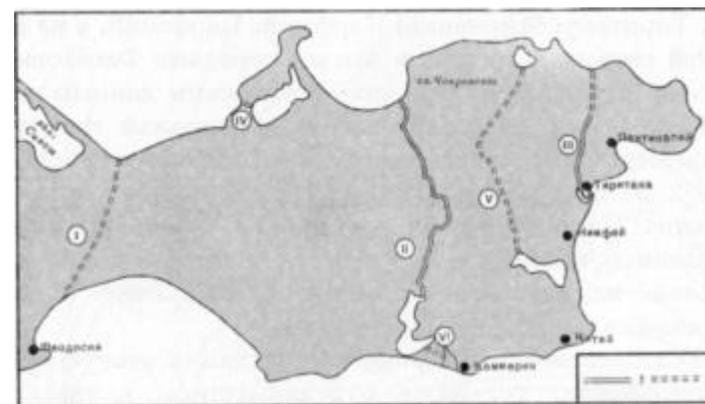
Боспорским оборонительным валам посвящена обширная литература. Нередко считается, что они были построены до освоения греками современного Керченского полуострова «потомками слепых», упомянутыми Геродотом, а в античное время лишь приспособлены к обороне рубежей Боспорского государства. Не вдаваясь в подробное рассмотрение этого вопроса, хотелось бы подчеркнуть, что, если наличие целой системы валов в этом районе невозможно однозначно связать со строительной деятельностью носителей кеми-обинской культуры или киммерийцами, несмотря на все старания исследователей, то их возведение сравнительно легко объяснимо, исходя из того, что известно о боспорской истории.

Топография этих земляных оборонительных сооружений, возведенных, вне всякого сомнения, для защиты территории Боспора с запада от кочевников, и некоторые их конструктивные особенности (наличие в основании каменных кладок - крепид) убеждают в том, что их построили греки. Они отражают постепенный территориальный рост Боспорского государства и находившихся

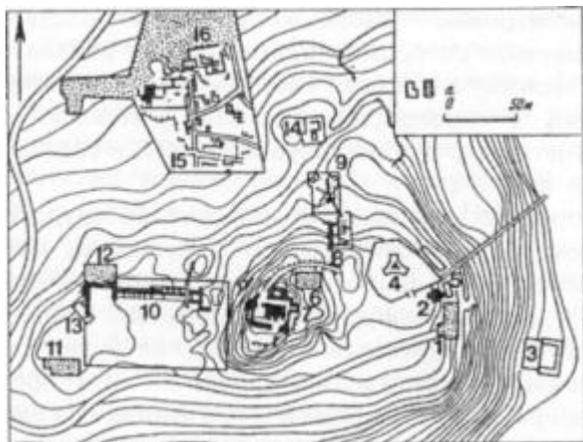
под его контролем сельскохозяйственных владений. Об этом, в первую очередь, свидетельствует расположение, как греческих сельских поселений под прикрытием валов, так и топография погребений кочевых скифов VI-V вв. до н. э., концентрировавшихся в своей массе к западу от них.

Естественно, по расположению столь трудоемких и дорогостоящих оборонительных сооружений, которыми были валы, нельзя точно выяснить хронологические изменения границ Боспорского государства. Однако, учитывая их долговременный характер, не будет большим преувеличением предположить, что по ним проходили реальные границы на определенных этапах его развития. Вместе с тем они являются ярким показателем стратегического подхода к обороне сельскохозяйственных территорий государства на западе.

Характер наиболее ранней Тиритакской оборонительной линии и ее внушительная длина свидетельствуют о том, что это было чрезвычайно трудоемкое и сложное фортификационное сооружение. Его возведение, разуме-

Расположение валов на Керченском полуострове:
 1 - существующие валы; 2 - несохранившиеся валы.
 I - Акмонайский; II - Узунларский; III - Тиритакский;
 IV - Акташский; V - вал «Безкровного» (Чокракский);
 VI - Элькенский. По А.А.Масленникову

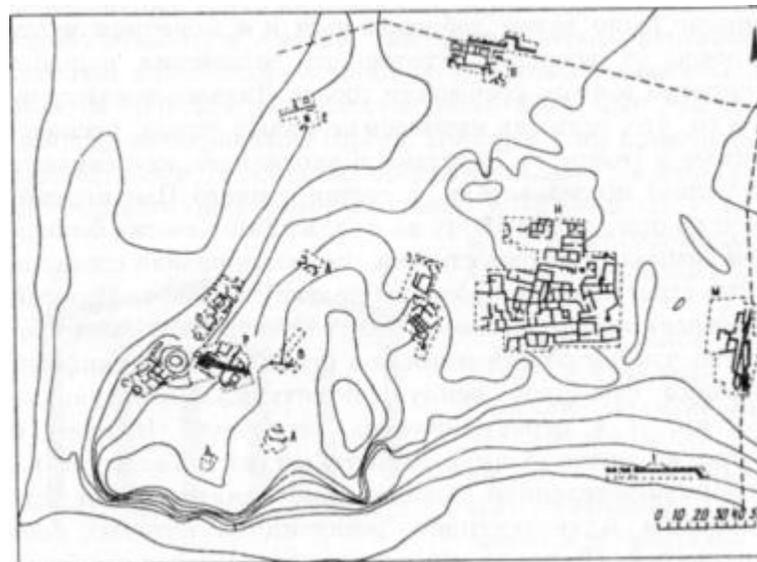
Схематический план Пантикапея: 1-16 - раскопы на территории древнего городища по В.П.Толстикову

ется, требовало эффективного централизованного руководства и могло быть выполнено только в период объединения боспорских греков при Археанактидах. Тиритакский оборонительный рубеж защищал прежде всего Пантикапей, Тиритаку, Мирмекий, Порфмий, Парфений, а на азиатской стороне - острова и мысы с городами Фанагорией, Кепами, Гермонассой. По археологическим данным города в это время занимали еще незначительные площади. Например, Пантикапей - около 9 га, где в общем проживало 2-3 тыс. человек. Из них граждан было несколько меньше. По некоторым подсчетам во всех боспорских населенных пунктах в то время жило всего около 15 тыс. человек, из которых, возможно, только менее 5 тыс. составляли боеспособные мужчины.

Если такая демографическая ситуация отвечает действительности, то, даже объединившись, эллины не смогли бы за два года, как считается отдельными исследователями, соорудить столь мощную оборонительную линию. Нельзя, конечно, исключать, что для особенно трудоемких работ использовались местные племена. Следует думать, что поскольку скифы устраивали зимники

в кубанских плавнях, синды и особенно синдская знать, успевшая узнать преимущество соседства с цивилизованными эллинами и даже породниться с ними путем заключения брачных союзов, были также заинтересованы в строительстве такой оборонительной системы. Однако при этом такая дорогостоящая акция, как строительство целой стратегической линии, не могла быть осуществлена за два года, а потребовала более длительного времени и значительного напряжения сил боспорской симмахии.

Можно предположить, что косвенно о сроках сооружения вала может свидетельствовать тот факт, что ранняя оборонительная стена Мирмекия, построенная в конце первой трети, только в третьей четверти V в. до н. э. потеряла свое оборонительное значение. Не исключено, что это было связано с началом действенного функционирования общеполисной стратегической оборонительной линии, проходившей по линии Тиритакского вала, которая обеспечила более или менее надежную защиту целого ряда

Схематический план Мирмекия с местами раскопов по Ю.А.Виноградову

населенных пунктов Европейского Боспора и затруднила проникновение скифов через Керченский пролив в Синдику. А это, в свою очередь, привело к стабилизации военно-политической обстановки и постепенному изменению характера взаимоотношений со скифами. По самым приблизительным подсчетам на сооружение Тиритакского вала должно было уйти около 20 лет. Косвенным аргументом в пользу сказанного может служить отсутствие четких следов вала в северной части Керченского полуострова. Возможно, что в связи с изменением военно-политической ситуации на Боспоре его сооружение вообще не было доведено до конца.

За пределами этой оборонительной линии остался Нимфей - один из богатейших боспорских полисов. Возле него скифы создали новый проход на противоположный берег Керченского пролива. Таким образом, Нимфей и другие античные центры, расположенные в южной части Керченского полуострова, остались вне защищенной территории. Это показывает, что надполисное объединение было делом добровольным и в конечном итоге зависело от военно-политического положения каждого конкретно взятого греческого города. Весьма показательно и то, что, если так называемые малые города, расположенные к северу от Тиритаки и входившие, как считают некоторые исследователи, в состав единого Пантикапейского полиса, около 480 г. до н. э. вошли в состав боспорской симмахии и совместными усилиями начали создание линии стратегической обороны против скифов, то Нимфей и поселения, находившиеся под его контролем, очевидно, не стал членом объединения, а в отношениях со скифами проводил свою собственную политику. Последующие события, и в первую очередь вступление Нимфея в Афинский морской союз, свидетельствуют о наличии на Боспоре определенной оппозиции объединительным устремлениям Археанактидов, резиденцией которых был Пантикапей. По-видимому, со стороны Нимфея это была долговременная целенаправленная политика, базировавшаяся на поисках сильных союзников, так как противо-

стоять боспорской симмахии этот центр мог только благодаря поддержке извне.

В общем же возведение Тиритакского оборонительного вала имело чрезвычайно важное значение для консолидации боспорских греков и обеспечения их безопасности. В конце концов более длинный и трудный для nomadов путь к переправе в Синдику в его обход вскоре свел на нет эффективность и интенсивность их походов. И в этом следует видеть немалую заслугу Археанактидов, что, разумеется, не могло не оценить большинство эллинов, превыше всего ценивших свободу и автономию.

Как представляется, возвышение и стремительный рост экономического потенциала Пантикапея в V в. до н. э. явился не столько причиной, сколько следствием объединения греческих городов в симмахию, хотя ранняя пантикапейская монетная чеканка свидетельствует о том, что этот центр, безусловно, был экономическим лидером региона. Но только сконцентрировав средства и ресурсы объединения греческих городов, направляемые на совместную оборону, в условиях постоянной угрозы варварских набегов, а несколько позже и на культовое строительство, Пантикапей мог развиваться более быстрыми темпами, чем другие боспорские города. Вместе с этим проведенные совместными усилиями оборонительные мероприятия объективно способствовали росту в 70-30-е гг. V в. до

н. э. благосостояния и других боспорских центров.

Значительное внимание Археанактиды уделяли религиозным мероприятиям. В частности, с их деятельностью связывают сооружение монументального храма Аполлона Иетро-са в Пантикапее около середины V в. до н. э.

*Храм Аполлона в Пантикапее.
Реконструкция И.Р.Пичикяна*

Сохранившиеся архитектурные детали, позволившие осуществить его реконструкцию, дают право относить его к самым грандиозным культовым сооружениям этого времени в масштабах Причерноморья. Скорее всего, такой храм рассматривался эллинами как символ религиозно-политического объединения, благодаря которому была достигнута решающая победа над кочевниками. Строительство храма, потребовавшего затраты значительных средств, очевидно, проводилось не только пантикапейцами, но и жителями других полисов. Однако примечательно, что собственно в Пантикапее, являвшемся резиденцией Археанактидов, строительство жилых домов сократилось. Видимо, основные ресурсы уходили на возведение оборонительной линии и храма. В городе наблюдается рост количества металлургических мастерских, связанных с изготовлением вооружения.

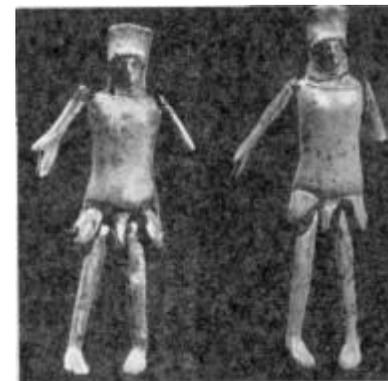
Важное значение храма и культа Аполлона в правление Археанактидов подчеркивается выпусками монеты с легендой АП и АПОЛ (сокращенное имя бога или святыща) и его символикой. Как и другие пантикапейские монеты, они имели обращение на территории Боспора. Скорее всего, Археанактиды традиционно исполняли в нем должности жрецов. Храм являлся главным центром почитания Аполлона всеми боспорскими греками, сакральной базой объединения, проходившей под эгидой этого бога.

* * *

Сложившаяся в Северном Причерноморье ситуация в результате вторжения новой волны кочевников с востока вызвала резкий поворот в истории Боспора. Впоследствии соприкосновение эллинского и иранского миров вообще изменило культуру их социальной верхушки и политическое устройство. В период скифской угрозы на Боспоре выделяется неординарная личность из рода Археанактидов. Вполне вероятно, что этот будущий стратег завоевал доверие сограждан не только своим благородным и знатным происхождением, но и победами то ли в

спортивных состязаниях, то ли в бою со скифами или другими варварами, угрожавшими безопасности эллинов. Помимо уже отмечавшегося, при Археанактидах продолжалось развитие сельского хозяйства, хотя в связи с набегами враждебно настроенных групп скифов оно было убыточным. В большем объеме развиваются ремесла, особенно изготовление вооружения. Существовала и межполисная торговля. На первое место во внешней торговле выходят Афины, начавшие после побед над персами контролировать черноморские проливы. Как и в другие районы, на Боспор привозилось также большое количество вина и оливкового масла в амфорной таре их Хиоса, Фасоса, Коринфа, Менды и иных центров. Боспорские греки покупали терракотовые статуэтки, скульптуру, ювелирные украшения и различные предметы греческих мастеров. Нередко среди них попадались уникальные полихромные терракоты, например, протома Деметры из Феодосии.

Во взаимоотношениях с местным населением ведущую роль играли контакты с синдами. Эллы более всего ценили занятие земледелием, в котором синды достигли определенного прогресса. Рядовое сельское население Синдики относилось к новым соседям миролюбиво. При Археанактидах местная знать установила тесные, в том числе и родственные связи с аристократией греческих городов, особенно азиатской части Боспора и Нимфея. Не исключено, что Археанактиды породнились с вождями или царями Синдики. Если в определенный момент ее истории сложилась такая ситуация, когда не было прямого наследника, то один из Археанактидов мог стать здесь царем.

Терракотовые куклы с подвесными ногами. V в. до н. э.

Все города Боспора при Археанактидах развивались более или менее равномерно, поддерживая между собой разносторонние контакты. Пантикапей выделялся только монументальными сооружениями, как появившимися здесь еще в конце VI в. до н. э., так особенно храмом Аполлона V в. Что представляла собой резиденция Археанактидов и где они были погребены после смерти, не известно. Хотя не исключено, что представители рода Археанактидов могли быть похоронены в так называемом Золотом кургане, который был включен в систему Тиритакского оборонительного рубежа, построенного при деятельном их участии. Исходя из всего сказанного, Археанактиды не сумели еще создать сильное Боспорское государство, куда бы вошли все проживавшие здесь эллины. Их консолидация носила в основном религиозный и оборонительный характер. Однако то, что эллины встали на путь дальнейшего развития под эгидой Аполлона и Археанактидов, спасло их от возможного покорения скифами. Археанактиды не сумели продержаться у власти больше 42 лет, предназначенных их роду судьбой и историей. Но они открыли для своих последователей возможные пути создания сильного и самого большого территориального эллино-варварского государства, равно которому еще не было в Причерноморье.

Создание и расцвет Боспорского государства при

Ничто не является случайным,
все события возникают вследствие
разумной причины и в силу необходимости.

Левкипп

Происхождение Спартока. Из «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского известно о царствующих Археанактидах и о том, что после их 42-летнего правления власть получил Спартак и правил всего семь лет. Начиная с него - то есть с 438/437 г. до н. э., на Боспоре появились новые правители из династии Спартокидов, которая находилась у власти более 300 лет. Кем же был этот Спартак или, согласно боспорской ономастике, Спарток? Каким образом он получил власть и начал править на Боспоре?

Ответ на первый вопрос как будто не содержит никаких трудностей. Имя Спарток фракийское. Но был ли он на самом деле выходцем из европейской Фракии или же все-таки малоазийской? Как показывает изучение личных имен, в ономастике Боспора архаического и классического периода оно по сути единственное. Фракийские имена чаще встречаются здесь в позднеэллинистический и римский период, когда фракийцы служили наемниками. Тем не менее исследователи до сих пор дискутируют о том, к какому же этносу следует относить основателя династии и предка последующих ее представителей. Греческие авторы, - в редких случаях, - называли их просто варварами. В их понимании, как и вообще всех эллинов с древнейших времен, таковыми являлись любые народы, для которых был свойственен чуждый им язык. Однако вряд ли Спартокиды не общались на том же языке, что и подвластные им боспорцы.

Как бы то ни было, но конкретное этническое происхождение Спартока в конечном итоге не сыграло никакой заметной роли в его кратковременном правлении, и он, как фракиец, ничем особым не проявил себя. Исходя из этой завуалированности, Спартока сейчас относят к разным этносам: синдов, скифов, фракийцев, каких-то неопределенных местных племен. Однако все без исключения ученые считают его представителем знати. Высказаны мнения о его смешанном фракийско-скифском или вообще чисто эллинском происхождении. В таком расхождении нет ничего удивительного. И в те времена имя человека не могло быть решающим показателем при выяснении этнического происхождения династии.

На наш взгляд, одним из главных доказательств родства Спартокидов с фракийскими царями является государственная эмблематика, связанная с религией Диониса и Аполлона. К тому же Спартокиды, как фракийские цари, вели свою мифологическую генеалогию от сына Посейдона Эвмолпа. Вполне вероятно, что один из представителей одрисского царского рода Фракии появился на Боспоре вследствие заключения династического брака с дочерью последнего из Археанактидов, у которого не было прямых наследников по мужской линии. И тут наше внимание должно сосредоточиться на том, что Спарток, согласно сведениям Диодора Сицилийского, «получил (принял) власть». Получить - это не значит совершить государственный переворот путем убийства или изгнания прежнего правителя, что, бесспорно, вызвало бы другой резонанс на Боспоре. Он правил всего семь лет и передал власть своему сыну Сатиру. А это в свою очередь может указывать на то, что он принял правление, будучи уже немолодым. Находясь длительный период в семье Археанактидов и имея детей от эллинки, фракиец Спарток все же в определенной степени сохранил приверженность к традициям своего рода, которые проявились в постепенном внедрении культа Диониса, начиная хотя бы с наречения преемника Сатиром. Беспрепятственное получение власти Спартоком объясняется, види-

мо, и тем, что его здесь уже хорошо знали. При Археанактидах он мог исполнять главные государственные должности. А если в последние годы жизни правитель из этого рода был очень стар, то Спарток вообще номинально правил на Боспоре, если потом власть просто перешла к нему. Во всяком случае пока нет веских доказательств того, что Спарток насильственным путем захватил ее в Пантикапее, а тем более в симмахии. При такой ситуации было бы странным, если бы греки молча восприняли столь феноменальный государственный переворот и легко примирились с вторжением фракийца в их государственные дела.

Столь же маловероятна и роль Афин, в частности Перикла, в смене династий на Боспоре. В это время наоборот они обратили внимание на те полисы (Нимфей, Феодосия, Фанагория), которые не подчинялись Спартаку. При нем не произошло заметных изменений ни в политике, ни в экономической жизни. Он, скорее всего, так и не стал полновластным властителем полисов. Под его контролем остались только те населенные пункты, которые находились под защитой Тиритакского вала. Судя по всему, он и не стремился к территориальному расширению государства. Спарток, очевидно, продолжал прежнюю политику Археанактидов. Да и время его правления было очень непродолжительным, чтобы оставить память о каких-то значительных переменах. Его имя не упоминается никем из древних писателей, кроме Диодора. Он оказался как-то странно вычеркнутым из истории своего государства. Ведь древние греки вели отсчет времени правления новой династии не от Спартока, а только от его внука - Левкона I.

Сатир как символ нового государства. После Спартока первоначально правили два его сына - Селевк и Сатир I. Сколько находился у власти Селевк и что с ним случилось, точно не известно. Согласно имеющимся данным, Сатир правил Боспором дольше всех - с 433/432 до 390/389 гг. до н. э. Очевидно, взяв власть в свои руки еще молодым, он сначала остерегался резко менять

политику своих предшественников. По свидетельству Страбона, до него боспорские тираны владели небольшой областью возле устья Меотиды, от Пантикапея до Феодосии. Сатир первым из боспорских правителей начал военные действия по присоединению автономных полисов, которые, возможно, при смене династии вышли из симмахии, если, конечно, вообще в ней состояли. В первую очередь это коснулось азиатской части Боспора, заселенной эллинами. Фанагория прекратила чеканку полисной монеты где-то в конце V в. до н. э. В это же время окраины города, судя по результатам археологических раскопок, подверглись массовым разрушениям и пожарам. Очевидно, трагический период в истории Фанагории был связан с ее захватом Сатиром. Ясно, что фанагорийцы сдались только после сопротивления.

Подчинив своей власти более слабые в военном отношении города, Сатир принял за близлежащий к Пантикапею Нимфей. История этого города в V в. до н. э. изобилует такими оригинальными свидетельствами источников, что уже не одно поколение историков пытается прийти к единой точке зрения. Из всех многочисленных исследований все же ясно, что этот город в последней четверти V в. до н. э. чеканил собственную монету, что само по себе является свидетельством его автономии. Всего лишь одна серия этих монет с совершенно отличной от пантикапейских эмблематикой говорит как о независимости, так и о кратковременности их выпуска. В последнее время отдельные нумизматы начали приписывать Нимфею еще одну серию монет с надписью. Относительно них развернулась бурная дискуссия, которая пока не привела к какому-то единому мнению.

Однако самое интересное в истории Нимфея заключается в том, что он входил в Афинский морской союз и платил один талант денежного взноса. В V в. до н. э. он достиг наивысшего расцвета. В городе стоял афинский вооруженный отряд, что и стало главной причиной выжидания Сатира. Возможно, афинские и нимфейские купцы скупали зерно и у населения азиатского Боспора,

экспортируя его в Афины. Во всяком случае такое преимущественное экономическое положение Нимфея как главного конкурента в поставках хлеба Афинам не могло не вызвать у Сатира крайнее раздражение и недовольство.

Овладесть им окончательно и, очевидно, без особого кровопролития помогло случайное стечение обстоятельств. Приблизительно между 410 и 405 гг. до н. э. представитель Афин в Нимфее Гилон нарушил ведение дел, был вызван в свой родной город и предан суду. Поскольку Афины находились в состоянии развала созданной ими морской державы и потерпели поражение в борьбе со спартанцами и их союзниками, Гилону удалось избежать наказания. Он снова перебрался на Боспор и при помощи гарнизона путем измены передал Нимфей Сатиру. В благодарность за это Сатир подарил Гилону городок Кепы на азиатской стороне Боспора. Здесь Гилон женился на очень богатой и знатной скифянке, принесшей ему много золота и родившей двух дочерей. После того, как они выросли, он отправил их в Афины, снабдив большими деньгами, как сообщает известный оратор Эсхин. Старшая дочь Гилона Клеобула вышла замуж за Демосфена. У них родился сын Демосфен, ставший самым знаменитым греческим оратором и защитником в судах. К нему мы еще не раз вернемся. А сейчас можно сказать, что благодаря его врагу Эсхину, завидовавшему таланту и популярности оратора, стало известно не только о родителях Демосфена, но и то, как поступил его дед по материнской линии.

Возможно, между Афинами и Сатиром из-за подчинения им Нимфея сначала установились натянутые, но вряд ли враждебные отношения. Как только Сатир начал войну с Феодосией, поддерживаемой Гераклеей Понтийской, у которой с Афинами из-за торговых операций на Понте и ее союза с Персией были далеко не дружественные отношения, афиняне в своей политике начали постепенно сближаться с боспорскими правителями. Прежде всего в 394 г. до н. э. был заключен договор о взаимной выдаче преступников. О нем известно из речи знамени-

того оратора Исократ, защищавшего неизвестного по имени сына Сопея, отправленного им с Боспора в Афины. Сатир заподозрил их семейство в измене и связях с какими-то изгнанниками, якобы бежавшими в Феодосию. После выяснения всех обстоятельств боспорский правитель снял свои подозрения, наделил Сопея дополнительной властью во вверенной ему области Боспора и даже отдал ему в жены свою дочь. «Надо отметить дальновидность и политическую мудрость Сатира I, не спешившего вступать в конфликт с могущественной афинской державой, а предпочитавшего дожидаться, когда вследствие ее ослабления добыча сама упадет к нему в руки», - резонно отметил исследователь Боспора времени ранних Спартокидов Ф.В.Шелов-Коведяев.

Передача Гилону греческого городка Кепы явно не случайна. Хотя в источниках нет никаких сведений о присоединении земель на азиатской стороне Боспора, из этого факта ясно, что Сатир уже владел здесь определенными областями еще до присоединения Нимфея и начала войны за Феодосию. С самого начала Феодосия, как ни один из полисов на Боспоре, выступала самостоятельно в своей внешней политике. Разнолика символика ее первых монет отражает экономические связи с Гераклеей Понтийской, Афинами и Северной Элладой. По ней трудно сказать, какое из божеств являлось главным в пантеоне этого центра. Во всяком случае это был не Аполлон Иетрос, символика которого на монетах Боспора изображалась в виде львиной головы или маски. И Демосфен, и Страбон писали о Феодосии как об известном городе, особенно отмечая его незамерзающий порт, пригодный даже для сотни судов, а также плодородную равнину в окрестностях города. Благодаря этому феодосийцы быстро наладили производство зерна на продажу. Местные землевладельцы, обогатившись, сумели укрепить город оборонительными стенами и организовать собственные вооруженные силы.

Осознав важность овладения этим полисом и его плодородными землями, Сатир начал войну с феодосийца-

ми. Эта война оказалась длительной, тяжелой и даже смертельной для самого царя. Подробности хода боевых действий неизвестны. Но из разных письменных источников, особенно рассказов «Военные хитрости» Полиэна, почерпнутых им из более ранних сочинений греческих писателей, можно в общем представить эту кровопролитную оборонительную войну граждан Феодосии за свою независимость еще в период правления его сына Левкона. Сатир, осадив город, так и не смог его захватить. Возможно, ему удалось бы в конце концов одолеть феодосийцев, если бы он одновременно не стал вмешиваться в дела Синдики.

Вот что рассказывает об этом Полиэн. Меотянка Тиргатао вышла замуж за царя синдов Гекатея, которые по неизвестной причине лишили его власти. Сатир, очевидно, с помощью своего войска возвратил ему престол, выдав за него свою дочь и потребовав, чтобы он убил Тиргатао. Однако Гекатей из-за любви к ней послушался Сатира и заточил ее в крепость, откуда она бежала к своим родственникам. Вступив на своей земле в брак с приемником умершего отца, она подняла на борьбу против Гекатея и Сатира многие воинственные племена и сильно опустошила набегами территории своих противников.

Цари начали думать, как утихомирить меотянку. Не придумав ничего лучшего, они послали к ней в заложники младшего сына Сатира - Метродора и в то же время уговорили двух своих друзей убить ее. Покушение не удалось только потому, что золотой пояс Тиргатао отразил удар меча. Узнав, кто подослал убийцу, меотянка умертвила сына Сатира и снова начала войну, «подвергла страну всем ужасам грабежа и резни, пока сам Сатир не умер от отчаяния; сын его Горгипп, наследовав престол, сам явился к Тиргатао с просьбами и богатейшими дарами и так прекратил войну», - писал Полиэн.

Согласно Демосфену, Сатир умер у стен осажденной Феодосии. Вероятно, здесь он узнал о смерти сына, опустошительных набегах, финансовых затруднениях из-за ведения войны, что окончательно сломило его дух

и силу. Хотя Сатир в общем оставил много незавершенных дел, разоренные меотами земли, неоконченную войну с Феодосией, нарастающее недовольство эллинов новой династией, он вместе с тем фактически заложил основы создания Боспорского государства. В него входили уже все города и земли эллинов, кроме Феодосии. Синдская эллинизированная знать также во многом подчинялась ему. Царь синдов Гекатей явно был синдо-эллинского происхождения. Отдав ему в жены свою дочь, Сатир тем самым еще больше укрепил свои позиции, имел право и вообще прямо вмешивался во все дела этого небольшого царства.

Необходимо обратить внимание еще на два возможных свидетельства, связанных с личностью Сатира, как неординарного политического деятеля. Согласно сообщению Страбона, между Ахилловым селением и Патреем был установлен ему памятник. Нам неизвестно, был ли он поставлен в последние годы его правления по его личному желанию в ознаменование присоединения земель в азиатской части Боспора или же памятник установили его сыновья. В частности, это мог сделать и сам Горгипп, умиротворивший Тиргатао большими дарами и управлявший этим районом Боспора.

Гораздо более сложным выглядит вопрос о времени выпуска первых серебряных монет с головой бородастого сатира в венке из листьев плюща, как «говорящего» символа этого царя. Одни нумизматы относят их ко времени последних лет царствования Сатира, другие - к несколько более позднему времени. Однако в общем контексте важно, что они чеканились от имени Пантикапея. А это скорее всего значит, что его гражданская община выпуском монет с головой сатира демонстрировала свою приверженность правителю, одобрение его устремления создать единое государство эллинов на Боспоре Киммерийском. Тем самым выражалась поддержка религиозным воззрениям, в основе которых, бесспорно, находился культ Диониса с его свитой. Не случайно образ сатира в самых ранних художественных изображениях становится

на долгие десятилетия, - вплоть до конца III в. до н. э., - основным монетным типом Боспорского государства.

Из всего сказанного следует, что не только наследники Сатира, но и граждане Пантикапея как столицы созданной им державы долго сохраняли о нем память, возводя омонимическую связь его имени с образом любимого спутника бога Диониса во взаимосвязи с грифоном - символом Аполлона в государственную эмблематику. В окончательном варианте политика Сатира по созданию единого государства, предпринятые им шаги по налаживанию торговых связей с городами Эгеиды, в первую очередь с Афинами, и установлению мирных взаимоотношений со скифами представляли особый интерес для многих эллинов, особенно пантикапейцев, которые надеялись при сильном правителе достичь процветания. В общем так оно и получилось, но уже при наследниках Сатира.

Левкон - архонт и царь. Получив власть на Боспоре после смерти отца в 390/389 г. до н. э., Левкон правил очень долго - до 349/348 г. до н. э. По всем данным видно, что он не только продолжал экспансионистскую политику своего отца, но и во многом превзошел его. Эллинское имя нового правителя Левкон (буквально - «белый», «сверкающий», в переносном смысле - «приносящий счастье») не могло не импонировать его греческим подданным. В нем они видели надежду на улучшение собственной жизни. То, что Сатир дал своему первенцу такое имя, видимо, было не случайным. Обычно в царских династиях выбору имени уделялось особое внимание. Если Спарток нарек старшего сына греческим теофорным именем Сатир, то в этом можно усматривать его особую

Изображение сатира и стоящего на колесе грифона с копьем в зубах на монетах Боспора. IV в. до н. э.

приверженность веселому божеству из свиты Диониса, рождение сына в дни дионисийских празднеств, его брак с эллинкой и желание угодить своим подданным из греческих городов. Происхождение имени второго сына Селевк не совсем ясно. Большинство ученых связывает его с северо-македонским происхождением.

Однако Сатир, будучи также женатым на знатной элинке, именами своих сыновей (Левкон, Горгипп и Метродор) еще более упрочил традиции греков в своем роду. Нельзя исключать, что имя Левкон хотя бы косвенно связывается с нимфой Ино, больше известной как Левкотея (белая богиня). Если Спарток, а затем и Сатир почитали Диониса, то, естественно, хорошо знали его мифологию. Именно Левкотея после смерти своей сестры Семелы взяла на воспитание ее сына Диониса, провозглашая всюду его божественность. Небезынтересно и то, что на монетах Нимфея времени Сатира с лицевой стороны изображена женская голова, на обороте виноградная лоза. Скорее всего, это образ Ино-Левкотеи, как спасительницы Диониса, будущего бога виноградарства и виноделия, и вместе с тем морское божество, спасающее всех терпящих бедствие на воде. Такое сочетание символики наталкивает на мысль, что Сатир был женат на знатной нимфеянке. Этим самым объясняется его нежелание вести лично прямые военные действия по захвату Нимфея. Разумеется, это всего лишь предположение. Но попытка разгадки настоящего смысла имени правителей всегда привлекает интерес.

Несмотря на то, что Левкон получил в наследство во многом экономически подорванное государство, он сумел наилучшим образом и довольно быстро преодолеть все трудности. Прошлое в его сознании никогда не было отделено от настоящего. Прежде всего он закончил войну с Феодосией и присоединил все ее земли к Боспору. Феодосийцы активно защищались, и война, по-видимому, продолжалась с перерывами несколько лет. На их стороне выступала Гераклея Понтийская, заинтересованная в получении отсюда хлеба. Поняв, что без посторон-

ней помощи взять Феодосию не удастся, Левкон заключил союз со скифами. Из рассказа Полиэна известно, что он приказал скифским конным лучникам расстреливать своих воинов-гоплитов, если те начнут отступать под давлением высадившихся на берег гераклеотов. Таким образом войско Левкона победило защитников Феодосии. В 80-е годы IV в. до н. э. Феодосия была присоединена к Боспору. Однако, исходя из титулатуры Левкона, «архонт Боспора и Феодосии», только этот город сохранил еще какую-то самостоятельность. Возможно, на таких условиях гражданская община Феодосии согласилась войти в состав Боспорского государства. К 355 г. до н. э. ее самый большой на Понте порт был полностью отремонтирован и переоборудован. Отсюда Левкон также отправлял корабли с хлебом в Афины.

Если Сатир хитрыми и не всегда удачными уловками налаживал связи с воинственными восточными племенами, то Левкон подчинил их силой. Об этом красноречиво свидетельствует вотивная эпитафия на небольшом известняковом постаменте для статуи, обнаруженном на окраине Семибратнего городища в Синдике. В ней сообщается, что Левкон, сын Сатира, исполнив обет, поставил изваяние Фебу Аполлону - владыке города лабритян; будучи архонтом Боспора и Феодосии, он одолел в битве и изгнал из земли синдов Октамасада, сына синдского царя Геактея. После публикаций и интерпретаций данной эпитафии известными эпитафистами Ю.Г.Виноградовым и С.Р.Тохтасевым не может быть сомнения в том, что именно Левкон окончательно завоевал Синдику, присоединив ее земли к Боспорскому государству.

Вполне вероятно, что аристократия и граждане отдельных полисов после своего вхождения в государство и его значительного расширения поддерживали Левкона как потенциального вождя для окончательного подчинения соседних варваров, время от времени совершавших грабительские набеги на их земли. Очевидно, не только военные действия, но и различные другие акции и мероприятия (переговоры, интриги, подарки вождям, обеща-

ния, заключения межэтнических браков) сыграли роль в том, что к Боспору были присоединены самые разные племена. В титулатуре Левкона, как их царя, перечислены синды, маиты, тореты, дандарии, псессы. Среди них особое место принадлежало синдам из-за их, в основном, дружественных отношений с греками, основавших на прибрежной части их территории свои города, и занятий земледелием. Считается также, что немаловажную роль в присоединении этих племен сыграл брат Левкона Горгипп, в честь которого греческий городок на месте современной Анапы был переименован в Горгиппию, став резиденцией царских наместников в азиатской части Боспорского государства. Как опорному пограничному пункту в его юго-восточной части, этому городу всегда уделялось особое внимание верховными правителями.

Впервые в истории Боспора при Левконе появляются посвятельные надписи различным божествам. Из них следует, что на Боспоре по отношению к грекам Левкон именовался архонтом и выступал в качестве эпонима. Самые ранние надписи: вышеупомянутая эпитафия и посвящение Демарха, сына Скифа, Афродите Урании, Владычице Апатура содержат указание на то, что Левкон являлся архонтом Боспора и Феодосии. Однако в недавно найденном в Нимфее посвящении Дионису агнофета Теопротида сообщается, что Левкон - архонт Боспора и Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев, псессов. Исследователи резонно считают, что в это время он еще не был провозглашен царем варваров, что зафиксировано в более поздних посвящениях Аполлону Иетросу, Деметре, Артемиде Эфесской. Вместе с этим высказано мнение, что под термином архонт необходимо понимать единоличного правителя.

Не известно, исполняли ли представители рода ранних Спартокидов должности жрецов в храмах Аполлона или других божеств. Но Левкон ввел новое правило ставить свою полную титулатуру в посвятельных надписях жрецов и жриц, в том числе и верховного бога Аполлона Иетроса. Занимавший важное место в государ-

ственной политике и культурно-религиозных связях, будучи главным патроном амфикионии, культ Аполлона при первых Спартокидах вряд ли потерял свое особое значение и влияние в государстве, хотя, возможно, уже и не пользовался столь большой популярностью в среде боспорской элиты. Судя по всему, Левкон перед походом в Синдику давал обет, что поставит там статую этого бога, если он будет способствовать ему в свершении задуманной операции по ее подчинению. Однако, исходя из размеров известнякового постамент, памятник, несмотря на его победу, был явно очень маленьким и скромным. Обращает также внимание и то, что была прекращена не только монетная чеканка Аполлонова храма, но и вмешательство его жрецов во внутренние дела Сатира и особенно Левкона.

Нельзя исключать, что именно при этом храме, где базировалась наиболее проэллинская и просвещенная группировка пантикапейских граждан, возникла оппозиция. Согласно рассказу того же Полиэна в сопоставлении со сведениями других авторов, выясняется, что в начале правления Левкона, во время войны с Феодосией, недовольные его политикой представители многих социальных группировок государства составили против него заговор с целью лишить его жизни. Хитростью, но чаще всего коварством и жестокостью, опираясь и на союз со скифами, Левкон сумел расправиться со своими противниками и укрепить власть на Боспоре. В итоге при Левконе территория государства выросла приблизительно до 5 тыс. кв. км. После Сиракуз Боспор стал самой большой державой классического времени. Он сумел окончательно приспособить полисное устройство городов к надполисной государственной структуре с тираническим режимом. Идеи воссоединения всех эллинов и соседей варваров, стремление к гегемонии во всем регионе определяли политику Левкона. Он, как будет показано дальше, обеспечил Боспору ведущую роль в Понтийском регионе торговлей хлебом с Афинами.

Левкон в итоге создал могущественное греко-варварское государство на Боспоре. Оно отличалось от всех припонтийских полисов не только размерами и подчинением многих разноэтнических объединений, но и своей политически-правовой структурой. Для нее было характерно своеобразное слияние власти архонта над эллинами, но царя над местным варварским населением. Созданную им державу, из-за четко выраженной авторитарной власти, называют территориальной монархией. В своем руководстве страной Левкон опирался на хорошо подобранную и организованную администрацию, наемное войско и впоследствии храмы различных божеств. Возможно поэтому древние авторы вели отсчет династии от его имени и называли последующих правителей Левконидами.

Перисад - продолжатель политики Левконидов.

Как внук Спартока, Левкон назвал своих старших сыновей фракийскими именами: первого явно в честь деда - Спарток, а второго - Перисад. Младшего сына звали Аполлоний. Оно примечательно тем, что бесспорно указывает на почитание Левконом Аполлона Иетроса, примирение с новыми жрецами его храма и соблюдение греческих традиций. Соответственно с ними, если ребенок родился в праздники бога, то он получал теофорное имя. Какое этническое происхождение имела его жена, сказать трудно. Очень тесные союзнические отношения Левкона со скифами, их поддержка в наиболее сложных ситуациях дают повод предполагать, что таковой могла быть скифская царица. Очевидно, именно со времени прихода к власти этого правителя начинается особый поворот в сторону мирных взаимоотношений со скифскими номадами, укрепившимися в степях поблизости от границ Боспора.

Так как Левкон правил сорок лет, его сыновья принимали самое деятельное участие в государственных делах. В конце его жизни Перисад управлял азиатским Боспором и Феодосией. Из афинского декрета 347 г. до н. э., то есть по истечении года после смерти Левкона, известно, что он был соправителем Спартока II на Боспо-

ре. Однако уже в 344 г. до н. э. в речи Демосфена Перисад упоминается как единоличный правитель. Спарток, согласно Диодору Сицилийскому, умер, процарствовав пять лет, а его брат находился у власти до 309 г. до н. э.

В посвячительных надписях из Пантикапея, Фанагории и Гермонассы от имени жрецов Аполлона, почитателя Афродиты Урании, Владычицы Апатура, Перисад именуется архонтом Боспора и Феодосии, царем синдов и всех маитов, как и его отец. Особенно интересно посвящение Местора, сына Гиппосфена, который, исполнив должность агонифета, посвятил статую Аполлону за своего отца, очевидно, бывшего его жрецом. Агонифеты обычно занимались устройством празднеств и агонов в культе Аполлона. Как и посвящение Сатириона - жреца храма Аполлона Иетроса в Пантикапее, оно свидетельствует, что традиционно греческий культ верховного патрона и сакрального защитника колонистов не был упразднен ни Левконом, ни его сыном. Хотя на монетах превалировала голова то бородатого, то молодого сатира на лицевой стороне, являвшаяся выражением приверженности Спартокидов дионисийской религии, а на их оборотной стороне все же часто изображался грифон на колесе, реде - лук и стрела как атрибуты Аполлона. Они олицетворяли собой символы защиты хлебных полей и всего государства. Понятно, что в этом сказывается немалая заслуга пантикапейских граждан, продолжавших сохранять традиции своих предков, которые уважали и Спартокиды.

Главным содержанием политики Перисада было укрепление власти архонта над греческими полисами и царя над подчиненными отцом варварскими территориями, к которым он присоединил еще земли досхов и фатеев. Полиэн называет его даже царем Понта, что подчеркивало могущество Боспора в морской торговле. В одной из боспорских эпитафий Перисад вообще величался «правителем земли, границы которой - вершины таврических скал и горы Кавказа». Но в общем он проводил миролюбивую политику как по отношению к греческим городам,

Украшения: 1 - золотая височная подвеска с головой Афины Партенос; 2 - золотая серьга роскошного стиля. Курган Куль-Оба. IV в. до н. э.

так и скифам. В речи Демосфена упоминается один случай, когда отношения со скифами ухудшились и произошла кратковременная военная стычка. Впрочем, она не сказалась как-либо на жизни боспорцев. Экспансионистская политика Спартокидов не исключает и того, что они пытались после покорения многих племен подчинить и кочевых скифов, вождям которых им явно приходилось платить дань и преподносить богатые дары в виде разнообразных золотых изделий, которыми Скифия прославилась после раскопок царских курганов на протяжении XIX и XX вв.

О том, что в Боспорском государстве во время правления Левкона и Перисада произошло в определенной степени смешение этнического состава элиты, свидетельствуют курганы поблизости от Пантикапея. Среди них особое место занимает богатейший из них - Куль-Оба. Найденные в нем вещи поражают не столько разнообразием и количеством, но уникальностью и высоким мастерством изготовивших их греческих ювелиров

Изображения скифских всадников на концах золотой гривны. Курган Куль-Оба. IV в. до н. э.

и художников. Это прежде всего такие всемирно известные сейчас шедевры эллинского искусства, как золотые серьги, выполненные в микротехнике, височные золотые подвески с головой Афины Партенос. Здесь же находились разнообразные серебряные чаши и кубки с позолоченными рельефами, золотая гривна с изображением скифских всадников на концах, многочисленные бляшки с разнообразными изображениями, предметы вооружения и т. п. Несмотря на плохую сохранность, особое значение для искусства Боспора раннеэллинистического времени имеют росписи на длинных досках и костяных пластинах. Очевидно, в кургане Куль-Оба был похоронен выходец из скифского царского рода и его жена - царица из рода Спартокидов.

Золотой кубок. Курган Куль-Оба. IV в. до н. э.

В период правления Перисада Боспорская держава, и в первую очередь ее правитель, еще больше обогатилась за счет торговли хлебом. Одновременно обогащались и связанные родственными и союзническими узами с боспорской элитой и скифские вожди. Популярность Перисада стала настолько значительной, что незадолго до смерти или вскоре после нее его начали почитать как бога. Впрочем, очевидно, с божеством отождествлялся уже

Изображение возничего на квадриге на пластине из слоновой кости. Курган Куль-Оба. IV в. до н. э.

Изображение богини на пластине из слоновой кости. Курган Куль-Оба. IV в. до н. э.

Сатир, о чем свидетельствует его изображение, иногда очень сходное с образом пожилого человека без каких-либо отличительных признаков спутника Диониса.

Основа экономического расцвета. Объединение под властью династии Спартокидов к началу IV в. до н. э. значительных территорий в Восточном Крыму, на Таманском полуострове и в прилегающих к нему районах, безусловно, является поворотным пунктом в истории Боспорского государства. Неудивительно поэтому, что именно со второй четверти IV в. до н. э. начинается стремительный рост количества сельских поселений и организация сельскохозяйственной территории государства.

Многолетние археологические работы позволили получить достаточно полное представление о типах поселенческих структур и об организации сельской территории. Количество поселений в Восточном Крыму возрастает со второй четверти IV в. до н. э., хотя некоторые греческие населенные пункты в Приазовье, как, например, на мысе Зюк (Зенонов Херсонес), возникли еще на рубеже V-IV вв. до н. э. Вне всякого сомнения, этот процесс был связан с завершением войны за Феодосию. После ее подчинения Боспорское государство вышло к своим естественным западным рубежам.

Имеющиеся источники свидетельствуют о достаточно сложном экономическом и финансовом положении Боспора в первой четверти IV в. до н. э. Видимо, только после окончания изнурительной войны с Феодосией и умиротворения меоты началось интенсивное строительство в Пантикапее и других городах Боспора, а также сооружение Узунларского вала. С началом его возведения,

безусловно, связано резкое увеличение количества сельских поселений на Керченском полуострове.

Земли, прилежавшие к полисам и небольшим городкам, находились во владении греческих горожан соответственно их традициям. Нарушить их значило бы лишить греков всех их прав на свободу и экономическое самообеспечение. Сооружение новой общегосударственной линии стратегической обороны протяженностью более 37 км относится, вероятно, ко второму этапу правления Левкона. Узунларский вал служил границей между оседлым и кочевым скифским населением, а менее монументальные валы, так называемый Акташский и, возможно, Элькенский, следы которых прослежены на Керченском полуострове, были дополнительными оборонительными линиями, препятствовавшими проникновению кочевников на густо заселенную сельскую территорию Европейского Боспора. К востоку от Узунларского вала сконцентрировано подавляющее большинство сельских поселений, в то время как к западу от него в основном зафиксированы памятники местного варварского населения. При этом интересно, что укрепления античных поселений к востоку от вала не были рассчитаны на долговременную осаду. Они, скорее всего, служили временными убежищами. Поселения варварского, возможно, скифского населения - сравнительно небольшой площади с остатками простых жилищно-хозяйственных комплексов. Постройки на таких памятниках в своем большинстве были многокамерными, но с одним или двумя очагами. Сами же селища имели хаотичную планировку, а жилища группировались «гнездами». По мнению исследователей, здесь жило около десяти больших семей, которые занимались экстенсивным земледелием. По-видимому, значительное количество варварского населения было лишь экономически связано с Боспором.

Высказано мнение, что под его влиянием скифы разделились на два хозяйственно-культурных типа. Скифская знать в IV в. до н. э. сохранила военно-кочевой

уклад жизни, а обедневшие общинники осели на землю. Причем по договоренности с боспорскими тиранами они могли быть расселены в пределах государства, к востоку от Узунларского вала. Земли к западу от него, кроме района Феодосии и ее окрестностей, оставались под юрисдикцией союзных Боспору скифских царей и здесь достаточно долго продолжал сохраняться традиционный кочевой уклад жизни. Стабилизация взаимоотношений Боспора со скифами и оседание обедневших кочевников на землю к востоку от Узунларского вала объясняется обоюдной экономической заинтересованностью в этом как скифской правящей верхушки, так и боспорских царей. Сельское население, жившее на территориях, которые контролировались боспорскими тиранами, безусловно, платило им определенный форос, как это было в других эллинистических государствах.

Наряду с появлением в Восточном Крыму поселений скифского населения, со второй четверти IV в. до н. э. здесь увеличивается количество памятников, которые свидетельствуют о расширении сферы сельскохозяйственной деятельности греков. Но если раньше на Керченском полуострове преобладали сельские поселения, то в IV—III вв. до н. э. в окрестностях античных центров, в Крымском Приазовье и округе Феодосии фиксируются сельские усадьбы различных размеров. На месте некоторых более ранних поселений появляются сравнительно крупные усадьбы.

Этот весьма показательный факт убеждает в том, что после организации хоры Боспорского царства происходят определенные изменения в формах землевладения. Видимо, став верховными собственниками земли, боспорские тираны передали часть земли во владение своему ближайшему окружению или, как они называются в письменных источниках, «друзьям», с чем, вероятно, и следует связывать возникновение в ряде мест больших усадеб. По всем формальным признакам их можно рассматривать в качестве центров сравнительно крупного в масштабах Боспора землевладения. Вместе с этим нель-

зя утверждать, что сельскохозяйственное производство в этих хозяйствах осуществлялось с помощью исключительно рабского труда. Скорее всего в большинстве случаев использовался труд каких-то зависимых слоев населения, а не исключительно рабов классического типа.

Помимо различных зерновых культур, главным образом пшеницы и ячменя, на сельской территории Боспора большой популярностью пользовались огородничество, садоводство, виноградарство. По сведениям Теофраста, близ Пантикапея росло «много высоких смоковниц и раскидистого гранатника, а больше всего груш и яблонь разнообразных и превосходных сортов». Продукты этих видов сельского хозяйства шли на внутренние рынки и для удовлетворения запросов рода Спартокидов и его администрации. Особая роль, безусловно, отводилась животноводству. Полибий среди товаров, идущих на экспорт в города Средиземноморья, указывал и скот. Из других источников известно о вывозе с Боспора кожи.

Таким образом, после образования Боспорского централизованного государства земельный фонд на современных Керченском и Таманском полуостровах стал в основном собственностью Спартокидов. Здесь жило население широкого правового спектра, которое за пользование землей выплачивало определенный форос, преимущественно поставками зерна, служившего основой экспортной деятельности боспорского правящего дома.

Боспор и Афины. Важнейшее значение в истории Боспора времени правления Сатира, Левкона и Перисада занимали активные взаимоотношения с Афинами. Вообще это удивительный пример необычной дружбы между афинскими демократами в лице гражданской общины с боспорскими тиранами. Во всех известных эпиграфических документах из Афин и речах Демосфена они именовались архонтами или их титулатура вообще не указывалась. В то же время хорошо известны термины других авторов, которые определяли единоличную власть Спартокидов. Среди них наиболее известно обозначение тиран. Очевидно, не только в угоду боспорским

эллинам, но и афинянам эти правители сами себя нарекли архонтами, но они не стеснялись присваивать себе титул царя над покоренными варварами.

Еще в позднеархаическое время, как видно из находок аттической керамики, Афины вели интенсивную торговлю с боспорскими городами. Более того, как уже отмечалось, Нимфей какое-то время находился в составе Афинской архэ. После его присоединения, а также городов на азиатской стороне Боспора к государству Сатира афиняне, видимо, начали ориентироваться уже на Спартокидов. Насколько регулярной была торговля хлебом при Сатире, в источниках не указывается. Но поставленная в Афинах в его честь стела несомненно свидетельствует, что уже этот правитель поставлял сюда большое количество зерна.

Декрет в честь сыновей Левкона говорит о том, что афиняне старались отблагодарить Спартокидов за их беспошлинную торговлю хлебом и первоочередность в погрузке кораблей. В Афинах и Пирее, а также в Пантикапее, были поставлены стелы с декретами на постаментах Левкону и его сыновьям. На одной из них, найденной в портовом городе Пирее, Спарток II и Перисад, как царствующие личности, сидят на тронах, но без каких-либо царских регалий, в греческих хитонах и гиматиях. Рядом с ними стоит Аполлоний. Этот рельеф с текстом декрета является одним из главных документов, свидетельствующих о той значительной роли, которую сыграли сыновья Левкона и он сам в жизни Афин.

Спартокиды ежегодно продавали Афинам около 400 тыс. медимнов (16 380 т) беспошлинно, то есть фактически презентуя им 300 медимнов (540 т) зерна. По свидетельству Страбона, из Феодосии при Левконе также было вывезено 86 тыс. т зерна. Этого тирана вообще называли хозяином боспорского хлеба. Согласно декрету, Перисад тоже постоянно «заботился об отправке хлеба, как и отец, с готовностью способствовал афинскому народу во всем необходимом». Теснейшие связи Спартокидов с демократическими Афинами, которые устанавливали

декреты и стелы в их честь, позволяют видеть в их политике на Боспоре приверженность к демократическому режиму власти. Благодаря этому в городах все еще пользовались многими правами гражданские общины.

Говоря об отношении с Афинами, нельзя не вспомнить Демосфена, внука Гилона, предавшего Нимфей. Этот знаменитый оратор, защищавший в Афинах Спартокидов и боспорских купцов, лично получал от них ежегодно 41 т бесплатного хлеба. В его речи, произнесенной в суде в 355/354 г. до н. э. против закона Лептина, предложившего уничтожить свободу от пошлин, звучит пафос, убежденность и стремление защитить тех лиц, которым Афины предоставили права почетных граждан за их заслуги перед городом, и прежде всего Спартокидов. Среди них он особенно выделял Левкона и его сыновей. «По происхождению Левкон, конечно, чужеземец, но по вашему постановлению - афинский гражданин, - говорил Демосфен. - Но по этому закону ни первое, ни второе не дает ему права на свободу от повинностей. А между тем, если поразмыслите, то окажется, что он постоянно оказывает вам благодеяния, и при том такие, которые наиболее нужны нашему городу, тогда как каждый из других благодетелей был вам полезен лишь в течение некоторого времени. Вы ведь, конечно, знаете, что к нам привозится хлеба гораздо больше, чем ко всем другим. Хлеб, привозимый водой из Понта, по количеству равняется всему привозимому из прочих районов. И понятно: это происходит не только от того, что эта земля производит огромное количество хлеба, но и потому, что ее правитель Левкон даровал беспошлинность купцам, везущим хлеб в Афины, и обнародовал приказ, чтобы отплывающие к вам грузились первыми».

Дальше Демосфен приводит вышеназванные цифровые данные о количестве вывозимого хлеба, о том, что на Боспоре с других купцов взимается пошлина в 1/30 стоимости товара, и подсчеты, сколько на самом деле получается дарового зерна для афинян. Немало говорится им и о других благодеяниях Спартокидов, возможном недо-

вольстве боспорских правителей после того, как они узнают о законе Лептина. В конце речи Демосфен обращается к председательствующим здесь афинянам: «Рассмотрите же, до какой степени позора доводит вас этот закон, выставляющий весь народ менее верным своему слову, чем один человек ... Ну, а если Левкон пришлет к вам послов с вопросом, за какую вину вы лишили его беспощадности, скажите ради богов, что мы ответим им, что напишет автор сделанного в нашу пользу постановления? Что некоторые оказались недостойными приобретенной ими льготы?».

Судя по тому, что и Перисад, приняв власть от отца на Боспоре, объявил о беспощадной торговле с Афинами, Демосфен сумел убедить афинян сделать исключение для Спартокидов, которые действительно обеспечивали своим хлебом половину населения крупнейшего в Средиземноморье города. В лице Демосфена Спартокиды имели талантливого, энергичного и смелого защитника. Он импонировал им и тем, что являлся одним из лидеров антимакедонской партии в Афинах. Естественно, поддерживая интересы Боспора, он также имел выгоду, занимаясь торговыми операциями и получая много беспощадных товаров.

В обмен на хлеб, соленую рыбу, шерсть, кожи или за деньги, полученные от их продажи, Спартокиды получали из Афин драгоценные ювелирные изделия, одежду, оружие, высокохудожественные расписные сосуды, мрамор и скульптуру, вино и оливковое масло, ткани и т. д.

В позднеклассическое время Боспор торговал и с другими греческими центрами - Гераклеей, Хиосом, Фасосом, Паросом, Пепаретом, Аркадией, Фасисом в Колхиде, но ни один из этих центров не пользовался такими льготами, как Афины. Спартокиды вели в общем оптовую продажу хлеба и других товаров и поэтому для времени их правления столь редки проксении отдельным торговцам. Вообще они относятся лишь к последнему периоду жизни Перисада, когда он уже правил совместно с сыновьями. Как видно из речи Демосфена, Левкону и его

сыновьям в Афинах были предоставлены все гражданские права. Поскольку приходилось продавать хлеб и в кредит, здесь хранились их деньги. Вполне вероятно, что сыновья Левкона получили образование в Афинах или хотя бы посещали этот город.

Чрезвычайно важным во взаимоотношениях Боспора с Афинами является укрепление флота при помощи набранных в этом полисе при Перисаде матросов. Афиняне могли поддержать его и в кратковременном военном конфликте со скифами. Именно во второй половине IV в. до н. э. скифские вожди и элита получали от боспорского царя столько золотых, а подчас и первоклассных художественных изделий, каких они никогда не имели ни раньше, ни после правления других Спартокидов.

Культурные новшества. В период правления первых Спартокидов изменились не только территориальные границы государства, но и внешний облик городов, материальное благосостояние их жителей. Во многом обогатилось и духовное мировоззрение граждан, имевших возможность получать начальное образование не только в открывшихся школах и гимназиях в крупных городах Боспора, но и высшее - в Афинах. Разумеется, поехать туда учиться могли только дети богатых жителей, приближенных к царскому двору.

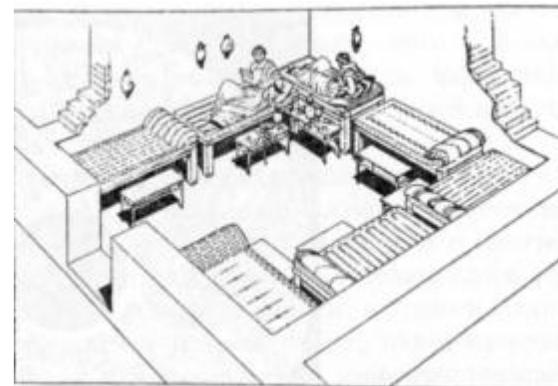
Так, сын упоминавшегося выше Сопея учился в риторской школе Исократа в Афинах. В одной из своих речей этот оратор упомянул также учеников с Понта, которыми могли быть юноши с Боспора. Вполне вероятно, что высшее образование в Афинах получали сыновья царей и их родственников. Понятие образования считалось идеалом греческой культуры, кредо духовной жизни античных городов. Большое внимание уделялось прежде всего ораторскому искусству и философии, праву, математике, истории, медицине. Каждый грек в государстве с денежным обращением должен был читать и считать. В Пантикапее сосредотачивались основные интеллектуальные силы. Сюда приглашались художники, скульпторы, ювелирных дел мастера из других гре-

ческих городов. Они работали для удовлетворения различных запросов царя, боспорской, скифской и синдской элиты. Пантикапей становится городом - столицей всего государства. В строительстве каменных домов, благоустройстве улиц и дворов было занято большое количество населения. Очевидно, по примеру других городов здесь существовала специальная охрана, обеспечивавшая защиту горожан и приезжих.

Происходило постоянное расширение городской застройки в связи с ростом населения. А вместе с этим начали уделять большое внимание благоустройству. Появилось много колодцев, водосточков, в том числе и канализационных. Склоны горы Митридат в Пантикапее террасировались и застраивались домами. В ее центре был сооружен царский дворец и, вероятно, храм почитаемых царской семьей божеств. Недалеко располагался театр, другие общественные и культовые сооружения. По мнению И.Р.Пичикяна и В.П.Толстикова, можно считать установленным тот факт, что именно около середины V в. до н. э. на верхнем плато акрополя был сооружен большой периптериальный храм Аполлона Врача. Этот величественный ансамбль, хорошо просматриваемый со всех сторон, был окружен мощной оборонительной стеной с башнями. Он составлял культурную доминанту Пантикапея.

*Акрополь
Пантикапея.
Реконструкция
В.П.Толстикова*

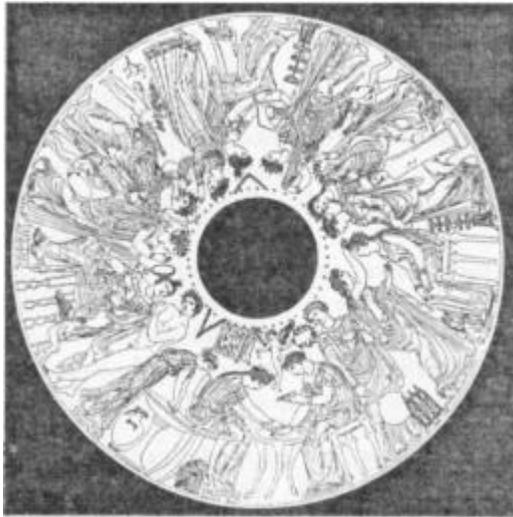

*Андрон.
Реконструкция
Г.Томпсона*

Жилые дома становятся более просторными. Интерьер отдельных из них оформляется как в богатых греческих домах Афин. Стены штукатурились и красились в разные цвета, а нередко и расписывались. Мебель - деревянные лежа, кресла, столы, сундуки - украшались коస్తяными и бронзовыми рельефами или ажурными накладками. В каждом доме жилые помещения в вечернее время освещались светильниками, большинство из которых также составляло афинский импорт.

Дома богатых жителей строились с колоннадой портиков в дорическом и ионическом ордере. Такие же ордера применялись при сооружении храмов. Во многих домах Пантикапея, Фанагории, Нимфея и других городов в классическое время обязательным являлось устройство андрона - комнаты для хозяина. Здесь он отдыхал и устраивал симпозиумы для своих друзей и гостей. Поэтому в андронах стояло по 6-8 лож и столики для вина и яств. Полы нередко покрывались мозаикой. Здесь же хозяин дома демонстрировал шкуры убитых им диких животных; подушки и покрывала, изготовленные в его доме; приобретенные на рынке расписные вазы, терракоты, мраморные статуэтки; редкие вина и чаши. Симпозиумы сопровождалась игрой на флейте, лире или кифаре, песнями, составлением коротких стихов, играми, рассказами о войне, путешествиях, охоте и т. д.

*Краснофигурная
крышка леканы с
изображением
свадебного обряда.
IV в. до н. э.*

Женщины обитали в другой половине дома - гинекее, занимались хозяйством и домашними ремеслами, воспитывали детей, готовились к проведению разнообразных обрядов, в том числе и свадебных. В основном, как и в предшествующее время, пища была скромной, но разнообразной: пшеничные и ячменные лепешки, каши, рыба (свежая, соленая, вяленая, сушеная, маринованная), овощи, фрукты, мясо, сыр, различные острые соусы, приправы и, естественно, разбавленное водой вино. Употреблялось не только привозное, но и местное.

Многочисленные изображения трапез на посвященных и надгробных стелах дают ясное представление о сервировке стола и отдельных деталях интерьера. Чаще всего мужчина, полулежа на ложе с подушками и покрывалами, держит в руке чашу для питья вина. Рядом в кресле в парадном драпированном костюме сидит жена, поставив ноги на маленький стульчик. На столе лежат хлебные лепешки, несколько сосудов с пищей. Рядом стоит большой кратер или гидрия, из которых мальчик-прислужник черпает вино киафом с длинной ручкой. В царских семьях сервировка стола отличалась, конечно, богатством и разнообразием сосудов из золота,

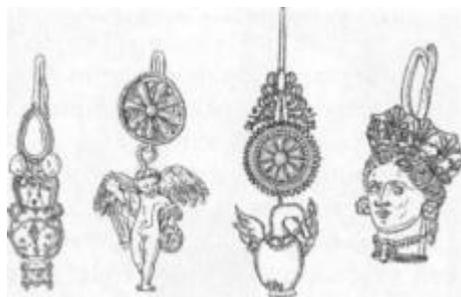
серебра и бронзы. В их владении находились и высокохудожественные краснофигурные, чаще всего с позолотой сосуды. Краснофигурные сосуды для вина через посредство боспорских купцов или в виде даров поступали и к скифской элите.

По-видимому, при Спартокидах получил окончательное оформление и так называемый боспорский мужской костюм, известный по многим изображениям в надгробной скульптуре. Он состоял из плотно облегающих тело штанов, заправленных в мягкие сапоги, куртки и плаща, застегнутого фибулой на правом плече, переброшенном через левое плечо и спускающемся в виде треугольника на груди. Короткие куртки или рубашки, широкие или узкие штаны носили также земледельцы, ремесленники, торговцы и представители других слоев населения. Зажиточные имели верховых лошадей и повозки. Костюм женщин изменился меньше. Возможно, они чаще носили гиматий, покрывающий и голову. Очевидно, многие боспорянки пользовались привозными ароматическими маслами. Они хранились в разнообразных небольших сосудах. И лишь в редчайших случаях, очевидно, богатые гречанки покупали масла в расписных фигурных лекифах, изготовленных в Афинах первоклассными мастерами. В некрополе Фанагории найдены три таких сосуда в виде сирены, сфинкса и Афродиты в раковине.

*Расписные
фигурные
сосуды: 1 -
Афродита в
раковине;
2 - сфинкс.
IV в. до н. э.).*

Во второй половине V-IV в. до н. э. появилось значительно больше украшений: бусы, серьги, перстни, кольца, ленты, заколки для волос и даже шейные гривны из драгоценных металлов. Большой популярностью на Боспоре пользовались золотые перстни-печатки с резными геммами. Подписные геммы выдающегося мастера V в. до н. э. Дексамена из Хиоса, найденные на Боспоре, представляют собой уникальные произведения античной глиптики. Среди них особую известность получила пантикапейская инталия «Летящая цапля», которая считается жемчужиной коллекции гемм в Эрмитаже. Изображение стоящей цапли на подписной гемме из Фанагории также принадлежит Дексамену.

Золотые серьги. Пантикапей. IV-III вв. до н. э.

Золотой перстень-печатка с изображением летящей цапли работы мастера Дексамена. V в. до н. э.

На Боспоре найдены лучшие образцы серег, выполненных в роскошном стиле и сделанных в греческой микротехнике. В настоящее время известно четырнадцать пар таких серег из разных уголков античной ойкумены, хранящихся в больших музеях мира. Из них - семь происходят из погребений Крыма и Тамани, в частности Куль-Обы и Большой Близницы, одна - из некрополя Херсонеса Таврического. Однако всемирной известностью пользуется пара роскошных серег из гробницы в окрестностях Феодосии. Как и другие серьги, они обильно украшены

миниатюрными пальметками с розетками, растительным орнаментом, внизу свисают два ряда зерновидных и в виде бутонов подвесок, покрытых филигранью. Но особое внимание привлекает искусно исполненная сюжетная сцена над ладьей или лунницей: квадрига с Никой и вооруженный воин в позе собирающегося соскочить с колесницы. По бокам от них размещены два крылатых эротау широко раскинувшихся проволочных завитков и роз, которые обрамляют главную скульптурную группу. Исследователи серег роскошного стиля до сих пор не пришли к однозначному решению, в каком из греческих городов они изготовлялись во второй половине IV в. до н. э. В последнее время высказано мнение, что серьги этого типа из Северного Причерноморья изготовлялись по заказу в Херсонесе Таврическом приезжим ювелиром из Южной Италии. Такие серьги могли покупать лишь очень богатые жители Боспора и Херсонеса.

Золотые серьги роскошного стиля. Феодосия. IV в. до н. э.

Вместе с тем надгробная расписная стела Апфы, жены Афиней IV в. до н. э., дает яркое представление о более простом женском и детском костюме, любовно-ласковом отношении матери к ребенку. Она одета в светло-коричневый длинный хитон и плащ, накинутый на голову поверх диадемы. На плаще - розовая кайма. На ребенке белая, плотно облегающая тело, с длинными рукавами одежда и красная шапочка. В общем боспорские греки и в период правления первых Спартокидов сохраняли основные традиции в устройстве городов и быта. Некоторые изменения в их мировоззрении диктовались

Краснофигурная пелика.
IV в. до н. э.

как соседством с варварскими племенами, так и экологическими особенностями региона.

Очевидно, после знакомства с «Историей» Геродота, в частности его рассказом об амазонках, здесь проявился к ним необычный интерес. Вообще образы амазонок в разных сценах интересовали афинских вазописцев еще со времени архаики. Но в IV в. до н. э. в основном

для боспорских жителей в Афинах была изготовлена целая партия пелик, на которых изображались пешие и конные амазонки в скифских, реже греческих костюмах. Они показаны в схватках то с грифонами, то с греками. Нередко представлена большая женская голова рядом с головой коня или грифона. Почти все эти сосуды найдены в богатых погребениях на Боспоре. Как и изображения на саркофагах, рисунки на пеликах, очевидно, выполняли защитные функции и связывались с потусторонним миром.

Видимо, при царях Левконе, Перисаде и Евмеле велись исторические хроники. Во всяком случае подробные описания отдельных моментов из их правления, особенно рассказы о борьбе за власть сыновей Перисада, были оставлены неизвестным по имени историком из Пантикапея. Выступление Евмела перед народным собранием в этом городе и их умиротворение косвенным образом свидетельствует, что он был знаком с риторикой

и умел провозглашать речи-увещевания, которым специально обучали будущих политических деятелей в Афинах.

В это же время на надгробных памятниках появились первые стихотворные эпитафии. Одна из них была высечена на невысокой известняковой стеле в Пантикапее: «Я, Санон, сын Главкиона, покинул свет солнца двадцати пяти лет». Памятники ставились не только грекам. В Пантикапее обнаружена стела с редчайшей эпитафией: «Под этим памятником лежит муж, для многих желанный, родом тавр. Имя же его Тихон». Вполне вероятно, что он был гомосексуалистом. В основном же на некрополях боспорских городов стояли скромные стелы, иногда с архитектурным оформлением и простыми надписями: «Алкифон, сын Комона», «Анаксистрат, сын Гистиэя», «Анна, дочь Теодора», «Афинаида, хиянка» - то есть уроженка острова Хиоса (Пантикапей); «Буласт, сын Дионисодора», «Пасафиликата, флейтистка» (Мирмекий); «Диа, жена Дия», «Анаксипол, сын Фания», «Пирр, сын Эвринома, гераклеот» (Нимфей); «Гекатони-ма (памятник)» (Фанагория); «Архипп, сын Хрисиппа», «Полемарх поставил (памятник) Исократу ахиллею» (Гермонасса) и другие.

Следует отметить, что на Боспоре надгробные памятники с надписями появились позже, чем, например, в Нижнем Побужье, где уже в архаическое время ставились стелы со стихотворными эпитафиями. Тем не менее желание боспорских греков оставить память о своих близких хотя бы краткой надписью, высеченной на вечно «живущем» камне, свидетельствует об их принадлежности к цивилизованному миру. И благодаря этому мы через 24-25 веков имеем представление о том, какие имена носили жители Боспора, как они относились к своим родным и друзьям даже после смерти.

В IV в. до н. э. в Пантикапее, а возможно, и в других городах были организованы специальные мастерские скульпторов, торевтов, художников, в которых создавались разнообразные произведения искусства. Особенно

Известняковая надгробная статуя Аристофонта, сына Формиона. IV в. до н. э.

тысячелетий.

Еще при Археанактидах в Пантикапеей привозились в основном из Афин первоклассные культовые скульптуры. Среди них великолепен круглый мраморный алтарь, украшенный рельефными фигурами движущихся по кругу в торжественной процессии женщин, закутанных в гиматии. При первых Спартокидах здесь была установлена мраморная статуя Диониса, в которой прослеживаются отдельные стилистические приемы, характерные для творчества великого Праксителя. Свободной копией афинской статуи Афродиты этого скульптора является ее мраморная статуэтка из Пантикапея. Тщательная моделировка тела, грациозность движения и мягкий наклон головы, трактовка приспущенного в виде жгута гиматия дают представление о творчестве этого мастера. К произ-

много изготовлялось статуи, в том числе и портретных, а также в зависимости от социального статуса семьи различные типы надгробий. Среди них выделяется надгробная статуя Аристофонта, сына Формиона, высеченная из одного блока известняка. Постановка фигуры и тщательность в ее изготовлении указывают, что она скорее всего была сделана профессиональным скульптором, имевшим опыт работы с мраморными изваяниями. Однако на Боспоре встречается немало крайне примитивных антропоморфов с едва намеченными чертами лица. Остатки красок, правда, свидетельствуют о том, что они расписывались и вы-

ведениям выдающегося ваятеля IV в. до н. э. Скопаса или его школы относится мраморная голова Геракла тоже из Пантикапея. В этом же городе найден мраморный рельеф какого-то афинского скульптора с изображением сидящей на троне Деметры и стоящей рядом Персефоны с факелом в руке. Перед богинями стоят участники праздника в их честь с факелами. Уже эти произведения показывают, что Пантикапеей являлся не только политическим и экономическим, но и культурным центром Боспорского государства.

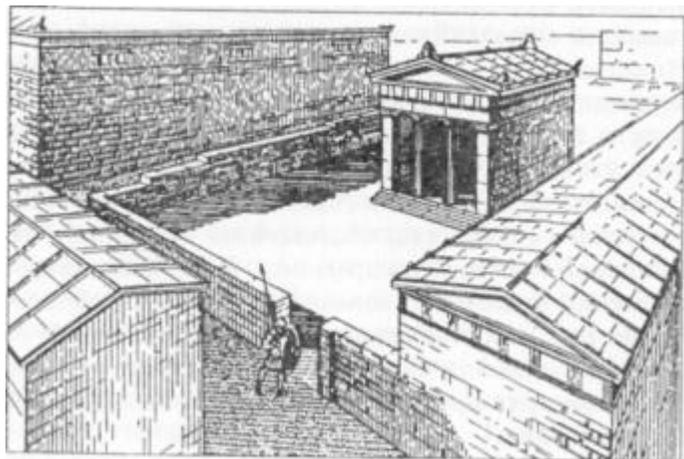
Примечательной особенностью художественной жизни на Боспоре являлась торевтика. Многие золотые украшения и разнообразные предметы изготовлялись в мастерской, организованной при царской резиденции. В ней работали талантливые ювелиры и художники, которые по специальным заказам царей изготовляли вещи для посольских даров, брачных подарков, откупа и дани варварским царям. Именно здесь при Левконе и Перисаде были созданы настоящие шедевры ювелирного искусства, которые до наших дней сохранились в погребениях скифских вождей под высокими курганами. Этими произведениями пантикапейские мастера внесли значительный вклад в общеэллинское художественное творчество.

Никогда более боспорская торевтика не достигала таких выдающихся успехов, как в период правления Левкона и Перисада. Художественная обработка драгоценных металлов, появление на Боспоре выдающихся мастеров стали возможны благодаря экономическому процветанию государства, обогащению его правителей и определенной прослойки населения. Для удовлетворения их запросов привозились ювелирные изделия из многих греческих городов. А обогащение многих шло, как известно, за счет торговли хлебом и рыбой, хорошо налаженным вывозом этих продуктов в города Эгеиды и в первую очередь - Афины.

Боспорские мастера достигли больших успехов в художественной обработке кости и дерева. Здешняя знать проявляла все больший интерес к памятникам искусст-

ва, желание украсить ими свои жилища, туалетные принадлежности и даже саркофаги для счастливого продолжения жизни в потустороннем мире. Именно благодаря этому мы знаем, какие прекрасные рельефные и резные сюжеты выполняли здесь по специальным заказам богатых людей художники и каких успехов они достигли в своем творчестве.

В религиозном мировоззрении боспорских греков происходит также ряд изменений. Они продолжали почитать своих исконных богов-покровителей и защитников, прежде всего Аполлона Иетроса, Афродиту Уранию и Деметру. О существовании их святилищ известно по посвячительным надписям жрецов и жриц или их детей, ставивших статуи за отцов, отбывших срок жречества. Редкая вотивная эпитафия сохранилась на беломраморном постаменте в Пантикапее: «Твою статую, Антистасий, поставил (по обету) Фаномах Фебу, воздвигнув смертному отцу бессмертный памятник, при Перисаде, правителе всей земли, которая лежит между крайними пределами тавров и Кавказскими горами». Она важна прежде всего тем, что дает яркое представление о том,

Храм на акрополе Пантикапея. Реконструкция В.П.Толстикова

какие территории входили в состав Боспорской державы при Перисаде I, и поэтому используется как главный источник при характеристике его власти. Вместе с тем, эта эпитафия еще раз подтверждает то, что на Боспоре было известно и второе имя Аполлона - Феб. Боспорские сочинители вотивных эпитаграмм явно были хорошо знакомы с воспевающими Феба Аполлона гомеровскими и более поздними гимнами, которые звучали и на его празднествах в северопонтийских полисах. Наряду с Аполлоном, в Пантикапее особенно в IV в. до н. э. большую роль играли культы Артемиды Эфесской и Диониса. Последнему было присвоено редчайшее культовое имя Арей. Этим самым подчеркивался не только воинственный характер Диониса, его военные функции, что отвечало экспансионистской политике Спартокидов, но и мифологические родственные связи с Афродитой Уранией. Очевидно, этим божествам рядом с дворцом был сооружен небольшой храм.

На пантикапейском акрополе были сосредоточены статуи многих богов и героев, их святилища. Чрезвычайную популярность завоевал культ Геракла. Обычно к нему обращались, надеясь на его помощь и защиту те, кому приходилось принимать участие в битвах. Вероятно, таким был некий Манис, который поставил здесь скромную статую этого героя на невысоком известняковом постаменте за свое спасение.

Очень богатые граждане посвящали любимым божествам храмы, о чем сообщалось в надписях на каменных плитах, которые вывешивались на его стенах или выставлялись в них при входе. Одна из таких надписей найдена на Тамани: «Ксеноклид, сын Посия, посвятил храм Артемиде Агротере при Перисаде, сыне Левкона, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, торетов и дандариев». Не исключено, что посвячитель занимался рыбным промыслом и на продаже рыбы в Афины разбогател. Ему явно было известно, что Артемида с такой эпиклезой почиталась афинянами, и он в ее честь, вероятно, близ Фанагории построил на свои средства храм.

Сейчас в Нимфее проводятся исследования монументального архитектурного ансамбля на террасном южном склоне плато, где, очевидно, стояли храмы и другие культовые сооружения не только в эллинистическое, но и более раннее время. Совсем недавно здесь найдена посвятельная надпись на архитраве: «Теопропид, сын Мегакла, этот вход посвятил Дионису, будучи агонифетом, при Левконе - архонте Боспора и Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев, псессов». Она красноречиво свидетельствует о том, что в Нимфее после его присоединения к Боспору уделялось большое внимание строительству новых сооружений. Очевидно, на празднествах в честь Диониса проводились спортивные и мусические состязания, которыми в то время руководил специально избранный агонифет Теопропид. Найденные там же отдельные архитектурные полихромные детали дают представление о том, что построенный им вход (пропилеи) в святилище этого бога был украшен водосливами в виде львиных масок, расписанных желтой и красной краской на синем фоне.

В городах на Таманском полуострове, судя по надписям, в IV в. до н. э. было построено немало храмов и алтарей. В Гермонассе существовали святилища Аполлона Иетроса и Аполлона Дельфиния. Введение культа последнего можно связать с усилением торговых связей с Ольвией или Милетом, где этот бог особенно широко почитался, будучи верховным патроном полиса. В святилище Артемиды Эфесской стояло несколько статуй, посвященных ее жрицами и богатыми гражданами.

Дети боспорских царей также нередко ставили в святилищах статуи божеств и преподносили дорогие дары. Они же избирались на должности жрецов и жриц в главных святилищах не только в Пантикапее, но и Фанагории, Гермонассе. Так, Акия, дочь Перисада I, служила жрицей в общепоспорском святилище Афродиты Урании в Апатуре на Тамани, владычицей которого она часто именовалась. Афродита на Боспоре постепенно превратилась в универсальное божество, наделенное многими функциями

защитницы и спасительницы гражданских общин, семейных уз и покровительницы мореплавания. В общем она была далека от той богини, которая в представлении многих связывалась лишь с любовными утехами.

В свою очередь боспорские земледельцы, достигнув материальных благ, почитали свою любимую богиню Деметру и ее дочь Кору не только в домашних святилищах. Во многих городах появились общественные святилища, более ранние благоустраивались, в них сооружались новые храмы и алтари. По примеру других святилищ ее жрицы ставили посвятельные статуи с надписями на постаментах. Особенно большое значение культ Деметры Элевсинии совместно с Корой и Дионисом приобрел на Боспоре при ранних Спартокидах, когда хлебная торговля с Афинами достигла своего апогея. Этот мистериальный культ специально пропагандировался среди боспорской, эллинизированной синдской и скифской знати. Множество источников из разных областей Боспора являются тому свидетельством. Из Афин и других греческих городов доставлялись ритуальные терракоты, отражающие разные грани культа элевсинских божеств, связанных между собой родственными узами. Среди них выделяются своей неординарностью и загадочностью отдельные фигурки актеров в женских костюмах, которые связывают с театрализованными действиями в культе этих богинь. Вместе с тем в разных городах Боспора в это время значительно расширилось местное производство разнообразных терракот с изображением в основном женских божеств, среди которых большинство

Терракоты актеров в женских костюмах. IV в. до н. э.

по изготовлению этих терракот принадлежит, несомненно, мастерским пантикапейских и фанагорийских коропластов. Большинство votивных терракот найдено при раскопках святилищ, в том числе и зольников, а также некрополей.

Однако наибольшего признания в аспекте изучения элевсинских божеств заслуживают вне всякого сомнения уникальные позолоченные вазы, расписанные в краснофигурном стиле первоклассными афинскими художниками. Они специально были изготовлены по просьбе одного из главных святилищ на Боспоре или же именитой боспорской жрицы, посвященной в элевсинские таинства. Не исключено, поскольку и Афины, и рядом расположенный Элевсин во многом зависели от импортного боспорского хлеба, что в числе посвященных в эти таинства были и боспорские цари или их близкие родственники. На одной из vaz изображены сцены из элевсинских мистерий, которые ввиду их чрезвычайной редкости привлекаются многими учеными мира при изучении культа Деметры.

Изображение элевсинских божеств на краснофигурной с позолотой ритуальной вазе. IV в. до н. э.

Возможно, именно в V-IV вв. до н. э. с целью привлечения варваров к интенсивным занятиям зерновым хозяйством создавались локальные мифы о том, как плоносящая Деметра послала Триптолема со своими зерновыми дарами в Скифию. В кургане Большая Близица на Тамани были похоронены жрицы - представительницы знатных эллино-синдских родов. О том, что они служили в святилищах Деметры, свидетельствуют многочисленные изделия, по которым можно изучать особенности элевсинского культа этой богини во взаимосвязи с Дионисом и другими греческими божествами. Но самым замечательным произведением искусства IV в. до н. э. является бюст Кору, написанный на известняковом плафоне в уступчатом склепе второго кургана Большой Близицы. Весенние цветы (красные маки, желтые лилии и повилика), вплетенные в волосы богини, и такие же лилии в ее поднятой вверх правой руке ярко символизируют мифологическое возвращение богини из подземного мира, а вместе с ней и возрождение жизни на земле. Весь комплекс вещей из погребений Большой Близицы дает достоверное представление о том, что на Боспоре хорошо знали гомеровский гимн Деметре.

Функции импровизированных алтарей выполняли также большие зольники в Мирмекии и Китее. Здесь сжигались жертвоприношения и дары с пшеничной соломой во время больших празднеств, выносилась зола из священных домашних очагов, сбрасывался вышедший из употребления культовый инвентарь. Посвятительные граффити и терракоты из зольных алтарей указывают на их связь с богинями плодородия Деметрой и Афродитой. Имена, производные от имен богов Аполлона, Зевса, Диониса, Афины, Артемиды, Деметры, все чаще дают новорожденным мальчикам и девочкам. При их написании, как и вообще в надписях V-IV вв. до н. э., сохраняются ионийские диалектные формы языка. А это значит, что еще более сильны они были в разговорной речи. Боспорские греки, несмотря на тесные связи с Афинами, не вое-

Дромос Царского кургана.
IV в. до н. э.

приняли сразу аттический диалект, ставший основой общегреческого языка (койне).

В V-IV вв. до н. э., в связи с ростом благосостояния населения Боспора, усложняется погребальный обряд. Как правило, представителей царских семей хоронили в каменных подкурганых склепах вместе с большим количеством дорогостоящего погребального инвентаря. Они имели уступчатые перекрытия, особенно тщательно сделанные в величественной усыпальнице Царского кургана, скромнее в Юз-Обе и Мелек-Чесменском кургане.

Считается, что автор Царского кургана был талантливым зодчим, сумевшим воплотить в сооружении гробницы глубокие духовные идеи, связанные с заупокойным культом. В истории погребального зодчества Северного Причерноморья нет ничего подобного Царскому кургану. Начиная с IV в. до н. э. на Боспоре использовались для захоронений деревянные и даже мраморные саркофаги, украшенные росписью и резьбой. Среди них встречаются подлинные шедевры греческого инкрустационного искусства.

Над могилами зажиточных боспорян ставятся надгробные стелы и статуи. Большой интерес представляет монументальная стела из кур-

Дромос Мелек-Чесменского кургана.
IV в. до н. э.

гана «Три брата» на хоре Нимфея. На известняковой плите размерами 2,7 x 1,6 м высечено рельефное многофигурное изображение. На переднем плане - квадрига с маленькой фигурой возничего, за ним - с левой стороны как бы возвышается полуфигура женщины в покрывале на фоне портика храма, рядом с которым стоит невысокая колонна с горитом. У правого края плиты изображен всадник с горитом на левом боку. Относительно ее назначения высказаны разные точки зрения. Одни исследователи считают ее надгробным памятником, поставленным над захоронением знатной скифянки; другим представляется ее культовое назначение, связанное с почитанием Деметры. Не исключено, что после разрушения какого-то культового сооружения, например, алтаря, которому могла принадлежать эта стела, она была привезена к месту захоронения под курганом.

Для простых боспорцев выкапывались более скромные грунтовые могилы на территории некрополей, которые располагались вне пределов городской черты. Вместе с умершими клались разнообразные сосуды, украшения, а иногда оружие и орудия труда. Причем следует особо подчеркнуть, что в сравнении с предшествующим периодом набор вещей, который обычно находят в могилах, стал в общем богаче и разнообразнее. Судя по нему, греки, погребая своих умерших родственников, старались снабдить их всем тем, что, по мнению боспорцев, могло пригодиться им в потустороннем мире. Ведь греки верили в продолжение загробной жизни, которую они представляли себе наподобие земной.

Известняковая стела. Трехбратный курган. IV в. до н. э.

На основании имеющихся в настоящее время источников можно заключить, что в первой четверти IV в. до н. э. на территории Керченского, Таманского полуостровов и в Синдике окончательно сложилось Боспорское государство территориального типа, близкое в отдельных чертах, но не адекватное эллинистической монархии. Оно инкорпорировало в свой состав как многочисленные греческие полисы, так и варварское население, по отношению к которому боспорские тираны выступали в качестве царей. Видимо, для укрепления международного престижа вновь созданного государства ими были предприняты определенные дипломатические шаги, нашедшие отражение в эпитафических памятниках начала IV в. до н. э. Особо следует подчеркнуть, что централизующие тенденции здесь не были обусловлены объективными причинами социально-экономического и военно-политического развития. Их, очевидно, навязали греческому населению определенные социальные силы во главе с боспорскими правителями. С помощью военной силы и уговоров, обещаний свободы гражданам они были объединены в единое государство.

Экономической основой нового государственного образования, от которой в значительной степени зависело благосостояние правящей династии, был хлеб. Зерно, преимущественно пшеница, в качестве фороса поступало от покоренных синдов и других племен, а возможно, и греческого населения подвластных городов. Оно и было основным богатством Боспора. Немаловажное место в обогащении тиранов имели взимаемые за вывоз сельскохозяйственной продукции через контролируемые Боспором порты пошлины. Следовательно, основным эксплуататором населения как греческих полисов, так и варварского населения на этапе образования и расцвета Боспора выступали не крупные частные собственники, о владениях которых нельзя сказать ничего определенного, а в первую очередь государство в лице тиранического режи-

ма, опиравшегося в своей внутренней политике на государственный аппарат. Причем в этом отношении показательно, что в критический момент Левкону помогали удержаться у власти именно купцы, заинтересованные в развитии хлеботорговли.

Очевидно, в это время эксплуатация населения Боспорского царства и сопредельных территорий, населенных варварским населением, осуществлялась преимущественно на основе налогового механизма. Именно доход от вывоза хлеба, в первую очередь, в Афины, поступавший в распоряжение Спартокидов, позволил им, опираясь на администрацию и воинов-наемников, укрепить свою власть и превратить Боспор в самое могущественное государство в Северном Причерноморье. Благодаря этому широкое развитие получила культура. В результате строительства каменных общественных и жилых домов, храмов и алтарей, благоустройства площадей, улиц, гаваней, установки статуй преобразился облик всех боспорских городов. Сосредоточение в Пантикапее различных художественных мастеров и произведений искусства, как привозных, так и местного изготовления, выделяло этот город как столицу государства и главную резиденцию его правителей во всем Причерноморье.

Нарушение престолонаследия и угасание династии Спартокидов

Война, лишив людей житейских удобств

в повседневной жизни, оказывается
насильственной наставницей и
настраивает страсти большинства
людей сообразно с обстоятельствами.

Фукидид

Междоусобная война сыновей Перисада. Особый тиранический темперамент самого младшего из сыновей Перисада, стремившегося во что бы то ни стало единолично править в Боспорском государстве, поставил его на грань катастрофы. Подробный рассказ о его борьбе за трон сохранился у Диодора Сицилийского, который он несомненно взял из каких-то боспорских хроник III в. до н. э. Весьма подробное изложение событий дает право всем ученым относиться к нему с доверием. Поэтому воспользуемся рассказом Диодора Сицилийского, чтобы яснее представить, что же на самом деле произошло на Боспоре после смерти Перисада в 309/308 г.

Как и у предшественников по правлению, у него было три сына, старшего из которых, согласно эллинской традиции, в честь деда называли Сатиром. Остальные носили необычные для Спартокидов и вообще Боспора греческие имена Евмел и Притан. «Старший из них, Сатир, получил власть от отца, царствовавшего 38 лет; но Евмел, вступив в дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов и собрав значительные военные силы, стал оспаривать у брата власть, - писал Диодор. - Сатир, узнав об этом, двинулся против него со значительным войском; перейдя через реку Фат и приблизившись к неприятелям, он окружил свой лагерь телегами, на которых привез огромное количество провианта, затем выстроил войско и сам по скифскому обычаю стал в центре боевого строя.

Союзниками Сатира в этом походе были греческие наемники в числе не более двух тысяч и столько же фракийцев, а все остальное войско состояло из союзников-скифов в количестве более 20 тыс. пехоты и не менее 10 тыс. всадников. На стороне Евмела был царь фатеев Арифарн с 20 тыс. конницы и 22 тыс. пехоты. Когда произошло упорное сражение, Сатир, окруженный отборными воинами, завязал конную стычку со свитой Арифарна, стоявшего против него в центре боевого строя, и после значительных потерь с той и другой стороны принудил, наконец, варварского царя обратиться в бегство».

Дальше Диодор сообщает, что Сатир начал преследовать Арифарна, но узнал, что его наемников на правом фланге обратил в бегство Евмел. Он бросился туда и вторично добился победы, разбив все неприятельское войско и доказав, «что и по старшинству происхождения, и по храбрости он был достоин наследовать отцовскую власть». Однако ни Евмел, ни Арифарн не примирились с поражением. Собрав уцелевшие силы, они укрылись во дворце Арифарна, окруженного высокими утесами и огромным лесом. Кроме того, замок был хорошо укреплен оборонительными стенами и башнями; к нему вели только два труднодоступных прохода.

Сатир со своими войсками опустошил земли Арифарна, предал огню селения, откуда взял пленных и много добычи. После этого попытался овладеть замком, заставив своих воинов вырубать лес для создания к нему дороги. Арифарн в свою очередь расставил своих воинов так, что те поражали стрелами вырубавших деревья. Три дня шла напряженная работа по прокладке прохода через лес при потере многих людей. Умный и храбрый Мениск - предводитель наемников Сатира почти достиг крепостной стены со своими воинами, но был отброшен силами противника. Сатир отважно и безрассудно бросился ему на помощь, но был ранен копьем в руку. Возвратившись в лагерь, он при наступлении ночи скончался от раны, пробыв царем лишь девять месяцев. Мениск снял

осаду замка, отвел войско в город Гаргазу, а сам оттуда по реке перевез тело Сатира в Пантикапей.

Его брат Притан, похоронив Сатира с большими почестями, отправился в Гаргазу, где принял царскую власть и руководство над войском. Евмел предпринял попытку к переговорам, чтобы получить половину государства. Но Притан отверг его притязания и возвратился в Пантикапей. Евмел воспользовался случаем и со своим войском захватил значительную территорию азиатского Боспора. Притан выступил на борьбу с братом, потерпел поражение, капитулировал, отдал ему войско и отказался от власти. Его никто не поддержал и в Пантикапее, когда он решил укрепиться в царской резиденции. Отсюда он сбежал в Кепы, где ему тоже не помогли и вскоре убили. «После смерти братьев, - пишет далее Диодор, - Евмел, желая упрочить свою власть, приказал умертвить друзей Сатира и Притана, а также их жен и детей. Удалось спастись от него одному Перисаду, сыну Сатира, очень молодому человеку: бежав из города верхом на коне, он нашел убежище у скифского царя Агара».

Так, жертвуя благом и жизнью братьев, всех их родственников и друзей, тысяч воинов, Евмел захватил власть. Даже если цифры воюющих с одной и другой стороны преувеличены, они тем не менее показывают, сколь значительные силы были втянуты в эту междоусобную войну. Несмотря на то, что в итоге победил правонарушитель Евмел, он по сравнению с Сатиром в рассказе Диодора показан крайне жестоким и осторожным. Историк постоянно подчеркивает смелость и мужество Сатира, взаимовыручку, личное участие в схватках на передовых позициях. Евмел, явно стараясь сохранить свою жизнь, действовал через Арифарна.

В борьбе за власть нашло четкое проявление расстановки этнических группировок. На стороне законного престолонаследника выступили воины-наемники греческого, фракийского и союзного скифского происхождения. Исходя из этого, а также то, что сын Сатира укрылся у скифского царя Агара, можно еще раз напомнить, что

правящая верхушка на Боспоре была тесно связана с царской и аристократической элитой этих трех народов. На протяжении смены нескольких поколений путем установления смешанных браков родственные узы укрепились, переплелись межэтнические традиции и семейные связи. Но во всех случаях преобладала более высокая эллинская культура, что нашло отражение во многих памятниках письменности, искусства, религии и погребального обряда. Евмела, наоборот, поддерживали многочисленные и, видимо, хорошо вооруженные воины из племени фатеев, которых нередко отождествляют с сираками и меотами. Как те, так и другие выступают в общем как реальная политическая сила, способствующая разрешению усобиц между братьями. Однако наиболее странно и удивительно то, что пока продолжалась эта война, граждане боспорских городов как будто затаились и выжидали, не протестуя против чрезвычайных нарушений традиций и незаконных действий Евмела. Ничем не смогли помочь жители Кеп сбежавшему к ним Притану, хотя он явно надеялся спастись в этом городке.

Очевидно, пассивность граждан крупных городов указывает, с одной стороны, на сильную власть Спартокидов и отсутствие гражданского ополчения, характерного для демократических полисов, а с другой, их отстраненность от политической жизни и понимание своего бесправия, неуверенность и отсутствие сплоченности. И только после того, как закончилась драматическая борьба за власть и было уничтожено много семейств, пантикапейцы вышли из состояния апатии. По сведениям того же Диодора, в Пантикапее начались серьезные волнения граждан. В чем и как они проявлялись, историк не сообщает. Но это заставило Евмела созвать народное собрание. Такой феноменальный акт при тираническом режиме свидетельствует о том, что определенные элементы полисных законов все-таки сохранились на Боспоре. Евмел не решился силой покорить пантикапейцев. Наоборот, выступив перед ними на народном собрании, он пообещал сохранить образ правления своих предков и подтвердил

привилегии пантикапейцев, в частности их права на освобождение от налогов и беспошлинную торговлю. Касалось ли это обещание только жителей столицы государства или относилось ко всему свободному населению городов, ничего определенного сказать нельзя.

Непродолжительное (309/308-304 гг. до н. э.) правление Евмела, обладавшего жестким и энергичным характером, в итоге принесло много различных благ боспорцам в основном за счет увеличения торговли и территориального расширения государства. Как и при его предшественниках, продолжался в основном вывоз зерна и разных товаров в Афины. Сюда в значительных количествах вывозилась и рыба, в частности осетрина, славившаяся среди афинян. Евмел, по-видимому, в своей политике стремился подражать правителям македонской династии и готовил почву для создания еще большего государства. «Он присоединил значительную часть соседних варварских земель и доставил своему царству гораздо большую известность, - отмечал Диодор. - Он задумал было вообще покорить все племена, окружающие Понт, и скоро привел бы в исполнение свой замысел, если бы скорострительная смерть не пресекла его жизнь». Возвращаясь из Синдики для участия в празднествах с жертвоприношениями, он погиб от несчастного случая, когда лошади чего-то испугались и понесли. Он попытался выпрыгнуть из колесницы, но его меч застрял в колесе и Евмела протянуло на быстром скаку лошадей.

Евмел, как самый жестокий из всех правителей Боспора, не известно по каким причинам за свое непродолжительное царствование всячески старался угодить не только эллинам Боспора, предоставив им льготы, но и разным греческим городам. В противовес экспансионистской политике македонского царя Лисимаха, он помогал Византие, Синопе, другим городам на Понте. Во время осады Каллатиса воинственными македонянами Евмел сумел вывезти из него тысячу каллатийцев. Для их поселения он выделил местность Псою и разделил ее землю на отдельные участки. Все попытки археологов локали-

зовать ее не увенчались успехом. Из этого ясно, что Евмел, как и его предшественники, лично распоряжался своими земельными владениями. Наделив землей новых греческих переселенцев, он в значительной степени укрепил гражданский коллектив на Боспоре. Кроме того, Евмел, как и его отец, всеми доступными методами укреплял авторитет Боспора на Понте. Его войска боролись с разбоями и пиратством гениохов, тавров, каких-то ахейцев, как сообщает все тот же Диодор. При Евмеле море было очищено от пиратов, за что он получил похвалу от всех торговцев, посещавших Боспор и понтийские города, что, бесспорно, улучшило торговые контакты.

Благодаря своей деятельности Евмел прославился как филэллин и достиг больших успехов в управлении государством. Очевидно, чтобы не оставить по себе дурную память, он старался своими последующими действиями сгладить вину за убийства братьев и оправдать себя в глазах всех греков. К сожалению, Диодор, говоря о завоевании Евмелом многих варварских земель и его планах покорения всех племен, обитавших вокруг Понта, не привел их названия. Поэтому никто не может точно сказать, кого же из варваров он включил в свое государство. В отличие от Левкона и Перисада, ни в одной посвяtitельной надписи его титулатура не значится. Вообще, в эпиграфических памятниках Боспора его имя как правителя почти не упоминается. Судя по всему все боспорские святилища этим самым выражали немой протест против правителя-убийцы.

Не исключено, что поскольку скифы выступили на стороне старших братьев и спасли сына Сатира, Которого Евмел также собирался убить, в его планах, наряду с покорением припонтийских варваров, стояли и скифы. К концу IV в. до н. э. они уже были значительно ослаблены. И немалую роль в этом ослаблении сыграли боспорские цари и междоусобная война между ними. Вполне вероятно, что, укрепившись на Боспоре, Евмел воевал и со скифами с целью присоединить их к Боспорскому государству. При нем оно в наибольшей степени соответ-

ствовало эллино-варварской державе эллинистического типа, в которой армия состояла из наемников и существовал культ Перисада. Тем не менее Боспор все же не стал эллинистической монархией в полном значении этого слова. Евмел вынужден был считаться с гражданами городов, для которых он был архонтом. Пантикапей по-прежнему выпускал монеты с головой Сатира, Аполлона и разнообразной культовой символикой. Феодосия сохраняла особенный статус и держалась обособленно от внутренней политики Евмела.

Если Евмел в своей деятельности использовал богатства, накопленные его предками, и в основном за их счет вел войны и покорял новые народы, то, судя по тому, как после его смерти начался спад экономики и территориальное уменьшение Боспорского государства, своему сыну Спартоку III он не оставил в наследство того, что получил сам. Фактически, несмотря на то, что Боспор при Евмеле процветал, именно этот правитель, ввергнувший страну в кровавую войну, поставил ее перед порогом кризисов и экономических трудностей.

От Спартака III до Перисада V. Последующие правители Боспора унаследовали многое от своих предков, но не сумели приумножить свои богатства. В античной литературной традиции о них сохранилось крайне мало сведений, а некоторым из них даже не нашлось в ней места. Чем больше старела династия Спартокидов, тем слабее проявляли себя династы и тем меньше они становились известными среди греков Понта и Средиземноморья.

Находясь у власти двадцать лет, сын Евмела Спарток III, скорее всего, потерял кое-что из того, что было завоевано и создано его дедом и отцом. В отличие от Перисада, он именуется в посвященных надписях по-разному: архонтом Спартаком, сыном Евмела, архонтом и

Монета с изображением Сатира и головы быка с рыбой. IV-III вв. до н. э.

царем Спартоком, сыном Евмела. Во всех случаях выдержана греческая традиция ставить возле имени правителя имя его отца. Если при Евмеле эпонимия была нарушена, то его сын возобновил установленные ранними Спартокидами правила. Нам неизвестно, являлся ли Спарток архонтом Феодосии и какие именно варварские племена все еще входили в Боспорское царство, по отношению к которым его называли царем.

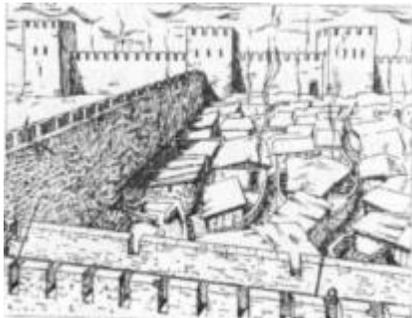
Самое интересное, пожалуй, заключается в том, что в афинском декрете 288 г. до н. э., в отличие от более ранних документов, где Спартокиды именовались архонтами или их титулатура вовсе не указывалась, Спарток III назван царем. Из этого следует, что он предпочитал именно этот титул и его мало заботило отношение к этому в Афинах. Он продолжал торговлю с Афинами, однако она не приносила уже таких колоссальных доходов, как это было в IV в. до н. э. Не только Боспор потерял свое могущество и огромный хлебный рынок, но и Афины уже не имели в античном мире былого политического и экономического влияния.

После освобождения этого некогда цветущего полиса из-под кратковременной власти македонца Деметрия Полиоркета афиняне обратились с просьбой к Спартоку III предоставить им продовольственную помощь. В почетном декрете, вынесенном на Народном собрании в его честь, указывалось, что «Спарток, узнав от прибывшего посольства, что народ возвратил себе город, радовался вместе счастьем народа и преподнес в дар 15 тыс. медимнов хлеба, также обещал и в будущем делать услуги афинскому демосу насколько это будет возможно». Как всегда в таких случаях, Спарток был увенчан золотым венком. Две бронзовые статуи царя установили рядом с памятниками его предков в Афинах на акрополе и агоре. Афины также обещали помогать Боспору «всеми силами и на суше, и на море» в случае нападения врагов. Отсутствие каких-либо документов о дальнейшем развитии боспоро-афинских контактов, по всей видимости, свидетельствует о том, что по сути после хлебной помощи

освобожденным Афинам они значительно сократились. У Спартока не было возможности вывозить туда такое большое количество хлеба, какое экспортировали Левкон и Перисад.

В конце правления этого царя начался денежный кризис. Хотя при нем несколько меняется типология, эмблематика и весовая система золотых и серебряных монет, они по-прежнему имели традиционные признаки. Гражданская община пантикапейцев все же сохраняла право их чеканки и ставила на них свою легенду. При Спартоке III прекратилась жизнь на Елизаветовском городище. Длительный период оно служило главным центром греко-варварской торговли в районе Северо-Восточного Приазовья - Подонья. Через непродолжительное время здесь возникла боспорская колония греческого типа. Основным занятием ее жителей считается промысел ценнейших сортов рыб из Дона. В общем боспорцы очень быстро заняли свободную нишу. Видимо, торговля донской рыбой приносила немалые прибыли. Основными поставщиками товаров в новую колонию являлись Синопа, Гераклея Понтийская, Херсонес Таврический, Фасос, Колхида, а также малоазийские города. Контакты с Афинами не зафиксированы.

Внутренняя колонизация боспорцев самое яркое проявление нашла в основании города Танаиса в конце IV - начале III вв. до н. э. Это самая поздняя колония греков. Танаис с самого начала пытался существовать самостоя-

Оборонительные стены и жилая застройка Танаиса эллинистического периода. Реконструкция В.П.Толстикова

тельно от своей метрополии. Однако в экономическом отношении он во многом зависел от Боспора. Находясь в центре расселения воинственных варваров, Танаис служил опорной точкой для тех боспорских купцов, которые торговали с местным населением. Существование этого политически независимого от Спартокидов полиса может свидетельствовать о том, что его основали оставшиеся в живых при Евмеле защитники законной власти на Боспоре. Значительная отдаленность города от боспорских, а тем более других греческих городов, связи с соседними племенами создавали благоприятные условия для развития смешанных черт во всех сферах жизни, определенной ассимиляции эллинов.

Таким образом, Спарток III проводил в основном мирную политику по отношению к грекам и варварам, видимо, даже врагам своего отца. Если в составе Боспорского государства еще оставались какие-то племена, то в его титулатуре они не указывались. В это время с исторической арены почти полностью исчезла Великая Скифия, как ее нередко называют. Казалось бы, с уходом кочевых скифов как наиболее сильного врага всех греков на Северном Понте должна была наступить пора небывалого расцвета. Но все случилось наоборот. Времена менялись не только на Боспоре, но и во всем окружающем мире. Они несли с собой новые войны и разруху, засухи и неурожаи.

После 284/283 г. до н. э. в Боспорском государстве сменялся один династ за другим. Точные годы их царствования устанавливаются приблизительно. О былом расцвете, славе и могуществе Левконидов остались лишь воспоминания. Но несмотря ни на какие трудности, переживаемые Боспором, неукоснительно оставалась суверенная власть Спартокидов. Правонарушитель Евмел был осужден, видимо, последующими царями. Его именем не был назван ни один наследник престола. Тем не менее имеются свидетельства и о том, что в III-II вв. до н. э. здесь снова происходила борьба за власть. Законным наследником Спартока III стал его старший сын

Перисад II. Названный в честь знаменитого и даже обожествленного прадеда, он, видимо, стремился продолжать его политику. В посвященных надписях греков он именовался то архонтом Перисадом, сыном Спартока, то царем Перисадом, сыном Спартока. И только в посвященной надписи его сына Левкона, отбывшего срок жречества в святилище Аполлона Иетроса, Перисад II имеет ту же титулатуру, что и его прадед: архонт Боспора и Феодосии, царь синдов, всех маитов и фатеев.

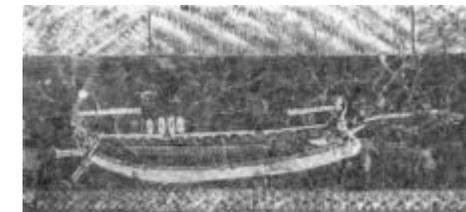
В этом случае, разумеется, трудно безоговорочно утверждать, оставалась ли неизменной такая же титулатура у его отца и у него самого с начала правления или же он снова завоевывал эти племена и после этого возобновил старые титулы. Во всяком случае как раз при Перисаде II в 270-260 гг. до н. э. окончательно прекратила свое существование боспорская колония на Елизаветовском городище в связи с набегами новых кочевников - сармат. Интересно также и то, что Спартокиды сохраняли культ Аполлона Врача, и наследники престола при правлении своих отцов исполняли должности жрецов, которые не являлись наследственными в их роду.

Видимо, у Перисада II вообще сложилось особое отношение к культу этого бога. Стараясь добиться успехов в своих государственных делах и не зная, какие решительные шаги следует предпринять, он, очевидно, обратился за прорицанием к Пифии Делосского святилища Аполлона, куда в 250 г. до н. э. преподнес драгоценную чашу. Скорее всего, что после этого его сын Левкон поставил статую Аполлона Врача в его святилище в Пантикапее. Обращает на себя внимание также и то, что на монетах его времени, свидетельствующих о денежном кризисе, увеличилось количество экземпляров с головой Аполлона и его атрибутов. Особенно в этом плане важна надчеканка в виде треножника. Пифия, как известно, даровала прорицания, сидя на треножнике. Возможно, Перисад получил обнадеживающий оракул на Делосе, если в монетной чеканке Пантикапея расширилась аполлоновская символика и появилось изображение треножника.

Перисад проявлял особый интерес к взаимоотношениям с Египтом и Родосом. В период его длительного правления произошли большие изменения в античном мире. Македония и Птолемеевский Египет являлись главными соперниками, оказывавшими политическое влияние и давление на греческие полисы. Афины, время от времени поддерживаемые Египтом, воевали с македонскими царями, которые то захватывали сам город, то отдельные гавани в Аттике. Обессиленные этими войнами, Афины больше не интересовали боспорских царей. По всей видимости, Перисад II ничем не помогал тому народу, который так много дал для расцвета Боспора в IV в. до н. э. Отныне Александрия Египетская стала главным центром эллинистической культуры.

У Перисада II были свои интересы в Египте. В известном документе - папирусе 254 г. до н. э. «из архива Зенона» сообщалось о посольстве Перисада II в Египет. Относительно него высказаны разные точки зрения. Одни исследователи полагают, что Египет выступал опасным конкурентом в боспорско-афинской хлебной торговле, из-за чего пошатнулось экономическое положение Боспора. Вследствие этого Перисад II отправил к Птолемею Филадельфу своих послов, чтобы урегулировать вопросы хлебного экспорта. Другие считают, что никакой торговой конкуренции между столь отдаленными друг от друга государствами существовать не могло. Оба правителя старались установить дружественные отношения.

Египет в то время вел бесконечные войны или находился во враждебных отношениях с Македонией, Селевкидским и Пергамским государствами. Поддержка Боспора, стоявшего особняком, вероятно, что-то значила для

Изображение корабля «Изида» на стене нимфейского святилища. III в. до н. э.

Птолемя. В святилище боспорского города Нимфей обнаружена фреска с изображением египетского корабля «Исида» и граффито с именем Перисада на ней. Эти памятники в значительной степени дополняют разнообразные источники о налаживании дружеских контактов и обменах посольствами между Боспором и Египтом. Однако это был кратковременный период в истории правления Перисада II. Отношения с Египтом не способствовали улучшению жизни. Несмотря на усилия Перисада, экономическое положение государства постепенно ухудшалось.

После его смерти история Боспора и его царей известна еще меньше. По образному выражению А.В.Орешникова, она «покрыта истинно киммерийским мраком». Хронология правления Спартокидов во второй половине III-II вв. до н. э. предположительно. Каждый исследователь, базируясь в основном на редких надписях, монетах и черепичных клеймах, старается представить свои взгляды и уточнить время прихода к власти того или иного царя.

Из посвященных надписей известно, что у Перисада было два сына, Спарток и Левкон, которые правили один за другим, а возможно, какое-то время были соправителями. Однако обнаружение имени Сатир на нимфейской штукатурке дало повод к тому, чтобы считать, что именно он, как брат Перисада, около пяти лет правил на Боспоре после его смерти. Поскольку на этой штукатурке стоит и имя Перисада, вполне вероятно, что они были братьями и Сатир при нем являлся наместником в азиатской части Боспора. Насильственный захват власти при том, что у Перисада было два взрослых наследника, вряд ли был возможен. Тем более, что ни в одном из источников царствование Сатира не отмечено. Поэтому более правомерным следует считать, что после смерти Перисада вначале совсем недолго правил Сатир IV, которого якобы убил брат Левкон из-за любви к его жене Алкатее. В свою очередь через какое-то время она убила Левкона.

Если Спарток IV упомянут как царь и эпоним в посвященной надписи Дионису, то о Левконе сохранилось несколько больше сведений. О нем мы уже упоминали, как о жреце в святилище Аполлона Иетроса. Это вообще единственная надпись, к тому же сделанная от его имени. Однако впервые были выпущены монеты, на которых в противовес монетам гражданской общины Пантикапея стояла надпись «царь Левкон». Символика на них была совершенно иной, чем пантикапейская, но в ней прослеживается явное сходство с феодосийской. Обращает внимание, что она содержит воинские атрибуты.

Одновременный выпуск монет от имени гражданских общин Пантикапея и Феодосии и единолично Левкона II, очевидно, был направлен на преодоление денежного кризиса и финансовые операции, связанные с какими-то военными действиями. Если Левкон II на самом деле убил своего брата, то тем самым он вызвал недовольство граждан Пантикапея. Видимо, для того, чтобы утвердиться на престоле, он бежал в Феодосию, которая всегда противостояла Пантикапею. Чтобы выпустить свои монеты, он предоставил право временной чеканки и городу, приютившему его. Поскольку уже Спарток IV именовался только царем, то такой же титул присвоил себе и Левкон II. Конец его царствования относится приблизительно к 220 г. до н. э.

Затем совершенно неожиданно появляется архонт Гигиенонт, время правления которого тоже весьма приблизительное. Однако не это смущает всех исследователей, а его необычное имя и титул архонта. Ведь Спартокиды уже давно присвоили себе двучленную титулатуру архонтов и царей, а последние из них вообще наделялись только титулом царя даже по отношению к грекам. Если принять во внимание смысловое значение имени Гигиенонт, как «здравомыслящий, разумный», то в его действиях и желании быть таковым и понятым гражданами греческих городов нет ничего удивительного. По своим этическим принципам, морали, духовным запросам и религиозным взглядам он был истинным эллином, возможным сторон-

ником демократической системы правления. Поскольку редкие имена в царских семьях давались самым младшим сыновьям, как бы предостерегая их от стремления к захвату власти, то вполне возможно, что Гиgienонт был сыном Перисада II и братом двух быстро ушедших Спартока IV и Левкона II. Он стал правителем благодаря лишь тому, что его старшие братья рано ушли из жизни. Надпись «архонт Гиgienонт» как нельзя лучше перекликается с изображением на золотом статере Афины на троне с копьем, щитом и Никой в правой руке. Новый правитель продемонстрировал этим свою приверженность Афинам и демократии, возродив взгляды ранних династов. Возможно, ему удалось побывать в этом городе и увидеть стоявшие там памятники и декреты своим предкам, которые произвели на него большое впечатление.

Интересно также и то, что на его золотых и серебряных монетах впервые в монетной чеканке Боспора появляется изображение мужской головы без каких-либо украшений. Идеализированный образ с греческой прической и женственными чертами лица не дает права считать его реалистическим портретом Гиgienонта. Но, возможно, именно в таком виде представили его резчики монет. Титул и имя Гиgienонта отмечены также на черепичных клеймах боспорского производства. Таким образом, Гиgienонт был не только первым правителем, который выпустил монеты из драгоценных металлов, благодаря чему стабилизировалось денежное обращение, но и уделил внимание изготовлению местной кровельной черепицы.

На протяжении II в. до н. э. на Боспоре правили Спарток V, Перисад III, IV и V. Последовательность их правления, а тем более время по сути дела не ясны. Из одной надписи, найденной в святилище Аполлона в Дидимах близ Милета, известно, что в 178-176 гг. до н. э. Камасария и Перисад III сделали какие-то посвящения. В почетном декрете из Дельф, датированном около 170 г. до н. э., вынесена им благодарность за дары. Исходя из этих дат считается, что Камасария какое-то время правила единолично, потом была соправительницей своего

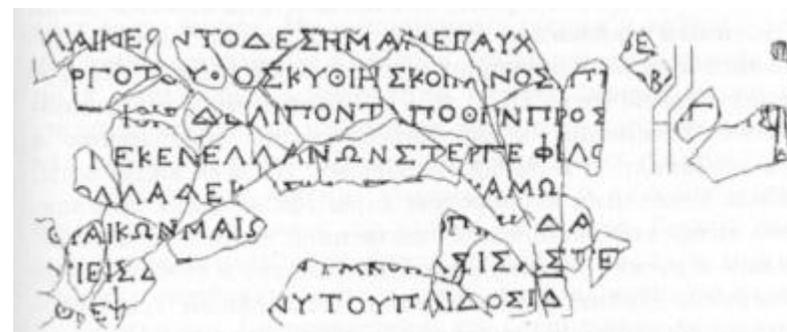
мужа и сына, пока не вышла замуж за Аргота, упомянутого в синхронной боспорской надписи. Согласно понтийско-эллинистической традиции, Камасария и Перисад в греческих надписях наделены эпитетами Филотекна и Филометор (букв. «любящая сына» и «любящий мать»).

Совсем недавно в Неаполе Скифском обнаружена уникальная для скифского мира стихотворная эпитафия, свидетельствующая о том, что в этой крепости был похоронен могучий Аргот, повелитель Скифии. Имя этого вождя такое же, как и у второго супруга Камасарии. Поэтому исследователи эпитафии уверенно считают, что боспорская царица была замужем именно за этим Арготом. Однако почему он оказался похороненным не на Боспоре и почему в боспорской надписи не отмечен его титул, остается пока не ясным.

Относительно последних Спартокидов известно, что начиная со Спартока V, они на монетах ставили соответ

Посвятительная стела Афродите Урании при царе Перисаде, царице Камасарии и Арготе. II в. до н. э.

Фрагментированная надпись с эпитафией Аргота. II в. до н. э. по Ю.Г.Виноградову и Ю.П.Зайцеву

ствующую легенду: «царь Спарток», «царь Перисад». На лицевой стороне всегда изображались головы царей в диадемах. Традиционным становится изображение Афины на троне в отличие от преобладающей аполлоновской эмблематики на монетах Пантикапея. Где-то в пределах 130-125 гг. до н. э. власть перешла к последнему царю из династии Спартокидов Перисаду V. Из всех царей на Боспоре такое имя, наряду с именем Спарток, пользовалось наибольшей популярностью, но только о Перисаде I история сохранила сравнительно много реальных сведений. Вполне вероятно, что его культ процветал особенно в роду царей и их приближенных, если о нем знал и Страбон.

Гибель хоры и финансовый кризис. Существенные изменения на хоре Боспорского царства происходят около второй четверти - середины III в. до н. э., когда подавляющее большинство поселений в Восточном Крыму гибнут или покидаются жителями. Иногда этот процесс сопровождался военными действиями. Судя по результатам изучения памятников в Крымском Приазовье, жизнь на них прекратилась на четверть столетия. Гибель сельских поселений и кризисные явления в экономике в это время фиксируются во всех античных центрах. Общая дестабилизация военно-политической обстановки в Северо-Западном Причерноморье была вызвана угрозой галатов и скифов, упоминаемых в декрете в честь Протогена из Ольвии. А в Крыму эти процессы начались в связи с военным давлением скифов и сарматов на сельскохозяйственные территории античных государств. Так, к концу первой трети III в. до н. э. скифы разгромили полностью поселения хоры Херсонесского государства в Северо-Западном и Западном Крыму. По всей видимости, гибель поселений боспорской хоры также была обусловлена скифской экспансией, вызванной не только изменениями в военно-политической обстановке в степной зоне Северного Причерноморья, но и дальнейшей трансформацией социального развития скифского общества.

Определенные изменения в положении Боспорского государства прослеживаются и на его восточных грани-

*Побережье
в Крымском
Приазовье*

цах, которые в конце IV в. до н. э. проходили по линии Новороссийск - Крымск - Кубань - Старонижестеблиевская - Азовское побережье. Здесь это было связано с передвижениями сарматских племен. По некоторым данным в III в. до н. э. был создан сирако-меотский союз. В связи с этим боспорские цари все больше теряют контроль над территориями в азиатской части государства, откуда до этого в качестве дани поступало значительное количество хлеба. Трансформация военно-политической обстановки в Северном Причерноморье совпала с определенными климатическими изменениями. Сейчас установлено, что с конца IV до рубежа III-II вв. до н. э. климат стал более сухим. Многочисленные засухи и войны - вот две взаимосвязанные причины, из-за которых города теряли свои хоры, а кочевники начали перемещаться по степным просторам поближе к античным городам в поисках добычи и взимания дани с обедневших греков.

Резкое сокращение вывоза хлеба и соответственно поступлений в казну привело к тому, что Боспор был вынужден искать поддержки против варваров в других районах античного мира и привлекать на военную службу наемников. Не исключено, что расширение контактов боспорских царей с другими эллинистическими государствами, в частности Родосом и особенно Египтом, в то

время было обусловлено желанием получить финансовую поддержку, так как объемы торговли Боспора с Египтом были не особенно велики. Как свидетельствуют источники, такая практика была сравнительно широко распространена в эллинистическом мире. В 279 г. до н. э., например, гераклеоты дали Византию 4000 золотых. Истрия и Ольвия в III в. до н. э. получали кредиты от частных лиц, по которым должны были выплачивать проценты, а, исходя из восстановления текста тирского декрета первой четверти III в. до н. э., некто Автокл был послан в Истрию с просьбой о помощи зерном жителям Никония. Даже гордые афиняне попросили Спартока III дать им в дар хлеба, обещая ему за это, как уже отмечалось, военную поддержку в борьбе с врагами.

Столь сложное экономическое положение сказалось на финансах Боспора. Здесь в первой половине III в. до н. э. начался серьезный денежный кризис, который выразился в частой смене типов, уменьшении веса медных монет, их надчеканке и перечеканке, а также прекращении выпуска денег из драгоценных металлов. Относительно конкретных причин ухудшения денежного обращения и качества монет высказывались разные мнения.

Одна группа исследователей считала, что кризис был вызван упадком внешней торговли Боспора хлебом из-за поступления на рынки Средиземноморья более дешевой египетской пшеницы. Другие объясняли его нехваткой денег в государственной казне, что было связано еще с междоусобными войнами сыновей Перисада I и передвижением племен в степной зоне Северного Причерноморья. Третьи полагали, что сложившееся положение следует рассматривать в качестве показателя недостаточного количества в обращении монет из драгоценных металлов, перехода меры стоимости от серебра к золоту или нехватки меди и увеличения удельного веса во внешней торговле экономических связей с варварами, которая осуществлялась на натуральной основе.

Однако денежный кризис в III в. до н. э. имел место не только на Боспоре, но и в Ольвии. Заметны отдельные

его проявления и в Херсонесе. Поэтому его причины на Боспоре необходимо искать в общем контексте истории северопричерноморских государств. Особенно наглядное представление дает Ольвия. Все сложности ее экономического и финансового положения обрисованы в знаменитом декрете в честь Протогена. Из него следует, что основной причиной упадка Ольвии во второй половине III в. до н. э. была активизация воинственных варваров, обитавших в непосредственной близости от города, а также длительные засухи. Своими набегами на хору и вымогательством дани они терроризировали полис. Около середины III в. до н. э. подавляющее большинство его сельских поселений прекращают свое существование. Все это привело к сокращению поступления в город сельскохозяйственной продукции - основы благосостояния ольвиополитов и истощению казны государства. Оно было вынуждено, как свидетельствует декрет в честь Протогена, выплачивать весьма значительные суммы предводителям варваров. Причем интересно, что в середине III в. до н. э. в Ольвии, как и на Боспоре, была прекращена чеканка монет из серебра.

Ольвийская гражданская община осуществила меры по преодолению кризиса и по упорядочению поступлений в казну. Помимо этого был предпринят ряд операций с ольвийской медной монетой, что, видимо, первоначально дало некоторый экономический эффект. Ведь в античную эпоху выпуск новой серии медных монет даже в условиях нормального экономического развития приносил казне весьма значительный доход. Аналогичный, если не более ощутимый, но кратковременный эффект давали выпуски медных монет по принудительному курсу, частая смена монетных типов, изменение их веса, надчеканки и перечеканки, хотя все это не могло устранить причины кризиса и в конечном итоге еще больше осложняло положение.

В Ольвии и на Боспоре в денежном обращении имели место одни и те же тенденции. Если для Ольвии денежный кризис был обусловлен главным образом

внешнеполитическими событиями, то, очевидно, положение, сложившееся на Боспоре, объясняется сходными причинами. Не исключено, что после усиления военного давления скифов на Боспор его правители, пытаясь избежать новых военных столкновений, выплачивали варварам дань, размеры которой постепенно увеличивались. Все это в конечном итоге и привело к кризису денежного обращения.

Возрождение сельского хозяйства, ремесел и торговли. После бурных событий середины III в. до н. э., в ходе которых исчезают неукрепленные поселения варварского населения, а также целый ряд античных городищ и усадеб, население хоры Боспорского государства в Восточном Крыму значительно сокращается. Однако в последней четверти этого века жизнь на поселениях в окрестностях Феодосии, в Крымском Приазовье и других местах Керченского полуострова возрождается. Возникают новые хорошо укрепленные городища. Часть памятников этого времени в Крымском Приазовье представлена небольшими усадьбами и хорошо укрепленными городищами.

Планировка последних характеризуется линейностью, квартальной или блочной застройкой. Такие городища

*Строительные остатки на городище
Генеральское*

расположены на мысах, в хорошо укрепленных природой местах. Важным дополнением к этому были оборонительные стены, башни и форты. В Крымском Приазовье городища состояли из нескольких частей. Основная, хорошо укрепленная, служила сво-

еобразной цитаделью и располагалась на склоне. К ней примыкала «пригородная» зона, находившаяся в долинах, но и она была укреплена. Очевидно, они стали центрами своеобразных укрепленных районов на территории Боспорского царства, как и в других античных государствах. Это позволяет говорить о типично эллинистических традициях, лежавших в основе организации сельскохозяйственной территории царства в Восточном Крыму.

Возрождение в III в. до н. э. жизни на поселениях, расположенных в прилегающих к Азовскому морю районах, и отсутствие их в глубинке Керченского полуострова, за исключением окрестностей Нимфея, в немалой степени объяснялось соображениями безопасности. В случае массированного военного нападения население таких поселений могло быстро покинуть обжитые места и морем добраться до более безопасных районов.

Неблагоприятная внешнеполитическая ситуация в Восточном Крыму привела к определенным изменениям в структуре сельскохозяйственного производства. Сокращение площадей обрабатываемой земли обусловило падение объемов производства зерна. Вместе с тем значительно увеличился удельный вес виноградарства, скотоводства и рыболовства.

В общем двум основным типам поселенческих структур, зафиксированным на хоре Боспора в эллинистический период, должны были соответствовать разные формы землевладения. Укрепленные городища более или менее точно можно интерпретировать в качестве местожительства сельских общин. Судя по имеющемуся материалу, они являлись крепостями типа катойкий. Имущественное и социальное положение их обитателей было почти одинаковым. Как и в других областях эллинистического мира, эти городища, по-видимому, располагались на царской земле. Их жители вследствие этого должны были не только нести военную службу, но и платить определенный форос в казну.

Сложнее дело обстоит с атрибуцией поселений «усадьбного» типа, которые нередко связывают с использованием рабского труда. Наиболее показательной является усадьба рубежа IV—III вв. до н. э. площадью 2700 кв. м, раскопанная в Солдатской Слободке, недалеко от Мирмекии. Основой хозяйства здесь было виноделие, а не производство зерна. В.Ф.Гайдукевич предполагал, что хозяину усадьбы принадлежали земельные угодья, на которых, помимо всего прочего, выращивался виноград. По Катону и Варрону, для обработки 100 югеров виноградника (чуть больше 25 га) требовалось около 16 рабов. Это дало повод считать, что выращивание винограда и производство вина в таких усадьбах базировалось на рабском труде.

Но отсутствие каких-либо следов размежевки эллинистического времени на Керченском полуострове и тем более виноградных плантажей в окрестностях усадьбы не позволяет даже приблизительно говорить о размерах земельных владений ее хозяина. Не исключено, что такие усадьбы были не центрами выращивания и переработки винограда, а лишь производства вина. А сырье для этих целей поступало с близлежащих сельских поселений и, возможно, от населения небольших боспорских городов.

Наличие значительного количества виноделен в таких городках, как, например, Мирмекий, и на сельских поселениях Крымского Приазовья свидетельствует о том, что производство вина было достаточно выгодным делом, а находки монет при раскопках усадьбы в Карантинной Слободке позволяют говорить о его товарной направленности. Скорее всего жилищно-хозяйственные комплексы, где были открыты винодельни, в первую очередь являлись центрами товарного виноделия на Боспоре в эллинистический период. Это привело к налаживанию производства амфор в боспорских керамических мастерских. Бесспорно, что жители занимались изготовлением вина и для своих нужд.

Сокращение населения Восточного Крыма вследствие ухудшения взаимоотношений со скифами неизбежно должно было привести к тому, что значительные массы

неполноправного населения покидали обжитые места и переселялись в более спокойные районы царства. Часть его осела в городах, где увеличила тот слой свободного, но неполноправного населения, труд которого мог быть использован при расширении ремесленного производства и промыслов, в том числе и виноделия. Сейчас трудно говорить о конкретных формах эксплуатации этой категории населения в силу крайне ограниченного количества источников, но неустойчивое развитие товарного производства не позволяет предполагать широкое развитие в это время рабовладельческих форм эксплуатации. Напротив, в периоды дестабилизации экономического развития в античном мире шел процесс освобождения рабов и илотов, которые, как правило, пополняли ряды свободного, но неполноправного населения. Именно эти социальные слои использовались на сезонных работах и являлись объектами частнособственнической эксплуатации в различных отраслях производства.

Четкие следы ремесленного производства, в первую очередь металлообработки и за редким исключением гончарства, пока зафиксированы только в Пантикапее, Нимфее, Фанагории, Горгиппии. Такое положение обуславливалось тем, что в крупных античных центрах Боспора ремесленное производство было специализированным и носило товарный характер. При этом особо показательным является производство такого массового строительного материала, как кровельная черепица, которая в IV—III вв. до н. э. в значительных количествах изготовлялась в мастерских этих городов. О его организации можно судить по остаткам производственных комплексов и клеймам, которыми маркировались эти керамические строительные материалы. Здесь же изготовлялись и амфоры для транспортировки местного вина.

Вместе с тем развивались и домашние ремесла, особенно в так называемых малых боспорских городах. Здесь изготовляли несложные костяные изделия, лепную керамику, бусы. Основной его целью было удовлетворение потребностей обитателей ойкоса, в рамках ко-

торого производилось все или почти все необходимое. Даже в тех случаях, когда на территории малых городов Боспора открыты следы ремесленного производства, как, например, керамического в Кепях, оно было рассчитано на внутреннее потребление, а не на вывоз. Ярким примером такого хозяйства может служить усадьба, раскопанная у Солдатской Слободки, где, помимо винодельческих комплексов, производивших вино на продажу, зафиксированы следы ткачества, носившего домашний характер.

Судя по керамическим клеймам, в IV—III вв. до н. э. на Боспоре черепица изготовлялась не менее, чем в 70 мастерских. А это значит, что они не были особенно большими и, следовательно, в них работало ограниченное количество рабочих, как и в других городах Греции. Так, например, в Афинах в период наивысшего экономического расцвета в ремесленных мастерских использовался труд, как правило, не более 20-30 рабочих-рабов, а эргастерии, насчитывавшие сотни рабов, были исключительным явлением. Естественно, нельзя полностью отрицать использование какого-то количества рабов и в ремесленном производстве на Боспоре. Причем его удельный вес мог увеличиваться в периоды расширения товарного производства и увеличения доходов, что позволяло сделать труд рабов рентабельным.

Черепица с царскими клеймами изготовлялась в Пантикапее, Фанагории и Горгиппии. Боспорские правители были не только крупными землевладельцами, но и собственниками целого ряда производственных комплексов, которые приносили значительный доход царской семье. В связи с сокращением доходов от экспорта хлеба, контроль за производством керамических строительных материалов являлся одним из путей получения средств в новых экономических условиях. Помимо царских и мастерских, которые, по-видимому, принадлежали частным лицам, на Боспоре обнаружены клейма, свидетельствующие о выпуске черепицы в конце III в. до н. э. от имени гражданской общины Пантикапея. Столь широкий выпуск кровельной черепицы являлся при-

быльным делом при увеличении строительства и росте населения.

Перестройка хозяйства Боспора, увеличение удельного веса в экономике производства вина и ремесла, безусловно, активизировали торговую деятельность. Если раньше внешняя торговля Боспора базировалась на вывозе зерна, то при последних Спартокидах расширились экономические связи с варварским населением Северного Причерноморья. Оно являлось основным потребителем вина и ремесленной продукции, производившейся на Боспоре. Основными центрами посреднической торговли по-прежнему являлось Елизаветовское городище на Дону, Танаис и Фанагория.

Сокращение боспорского хлебного экспорта привело к увеличению торговли с античными центрами Южного Причерноморья и Средиземноморья. Сюда импортировались продукты скотоводства, рыба и, вероятно, рабы. Однако масштабы вывоза рабов в Средиземноморье с территории Боспора и сопредельных территорий ни в коем случае нельзя преувеличивать. Исходя из сообщения Полибия и упоминания рабов северопричерноморского происхождения в эпиграфических документах островной и материковой Греции можно говорить, что это явление имело место лишь в эпоху позднего эллинизма.

Культурные новшества. Несмотря на войны и экономические неурядицы, боспорские греки продолжали помнить, что они частичка великого эллинского мира. Он также подвергался разрушительным войнам и грабёжам. Завоевания Александра Македонского внесли существенные изменения во все сферы жизни. Восточные культурные элементы проникали даже в самые консервативные гражданские общины. Тем более они заметно сказались на жителях Боспора.

Познакомиться и овладеть передовыми достижениями культуры и науки боспорцы отправлялись как в Афины, так и в Александрию Египетскую, а также в малоазийские города. Так, философ Сфер Боспорский, написавший около сорока книг на разные темы, сначала жил в Афи-

нах и Спарте, потом уехал в Александрию к Птоломею Филопатору в 221 г. до н. э. Он был наставником спартанского царя - реформатора Клеомена и молодежи Лакедемона.

О пребывании Сфера в Александрии сохранилось два анекдота в передаче античного биографа Диогена Лаэртского. Один из них, например, касался стоического тезиса: «Мудрец не станет придерживаться мнения» - то есть он всегда говорит истину и все знает. Птолемей решил испытать Сфера, положив на стол восковые гранаты, которые тот принял за настоящие. Царь торжествовал, уличив его в ложном представлении. Но Сфер остроумно ему парировал: он «согласился» не таким образом, что это гранаты, но лишь, что есть основание полагать - это гранаты, поскольку постигающее представление отличается от основательного предположения. В своей деятельности Сфер много внимания уделял пропаганде стоического учения, его основным направлениям, писал сочинения, хотя они, судя по сохранившимся у других авторов выражениям, не отличались философской глубиной.

Выходцем из Боспора был и философ Дифил, который в III в. до н. э. учился у мегарика Евфанта Олинфского, учителя царя Антигона Гоната, а затем у Стилпона. Одна из боспорских эпитафий этого же времени была посвящена Смикру, «который велик был (внушаемым к себе) доверием и у которого справедливость внедрена была в уме природой от рождения, его воспитали Музы, а он учил на распутьях дорог и дал согражданам наилучший образ мысли». Смикр, таким образом, владел философскими знаниями, возможно, подражал Сократу и излагал свои мысли там, где собирались слушатели.

Как уже говорилось, интересные рассказы о борьбе сыновей Евмела за власть на Боспоре оставил неизвестный по имени историк, которыми воспользовался Диодор Сицилийский. Граждане, в основном, видимо, Пантикапея получали образование в местных школах и гимназиях. Не исключено, что сюда для наставлений и обучения приглашались хорошие преподаватели и философы, что

получило особое распространение в царских семьях во многих государствах. Очевидно, как и ранее, большая роль в культурной жизни отводилась театру, где устраивались представления, ставились трагедии и комедии. Большое количество статуэток актеров в разных масках, терракотовые трагические и комедийные маски отражают этот вид искусства на Боспоре.

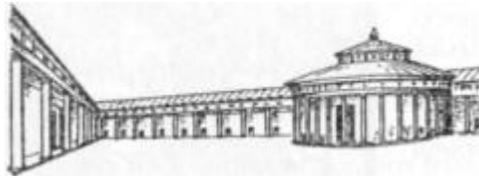
Терракотовые театральные маски

О любви боспорцев к музыке рассказал Полиэн. Чтобы узнать, сколько людей проживает на Боспоре, полководец персидского царя Дария III отправил туда своего посла Архивиада и знаменитого кифареда Аристоника. Плывя вдоль берегов Боспора, он должен был своей игрой привлечь внимание жителей. Они начали собираться у театров, где их можно было легко сосчитать. Боспорские музыканты принимали участие в музыкальных соревнованиях в Дельфах. Один из них - учитель музыки Иссил, сын Хрисолая, отличился искусной игрой на кифаре.

Несмотря на все трудности, в отдельных городах Боспора производилось новое строительство не только жилых домов и общественных сооружений, но и храмов, алтарей, других культовых построек. Так, по данным раскопок и реконструкции В.П.Толстикова, на акрополе Пантикапея появились дворцовое сооружение на вершине и ряд ордерных построек на более низких террасах холма Митридат. Среди них сравнительно неплохо сохранились строительные остатки пританея

Остатки пританея в Пантикапее. III-II вв. до н. э.

Таманский толос. 2-ая полов. III
середина II в. до н. э.
по Н.И.Сокольскому

лей моряков. Там же открыты строительные остатки и архитектурные детали других ордерных сооружений. На Тамани находился большой культовый комплекс, в центре которого стояло монументальное сооружение круглой формы (толос). Внешний портик был обрамлен 32-мя дорическими колоннами. Остатки сравнительно небольших храмов открыты также в Мирмекии, Кепях, Горгиппии и на Майской горе у Фанагории.

В эллинистическое время на Боспоре появляется привозная скульптура из Александрии Египетской, Пергама, Родоса. Для нее характерны небольшие размеры, но более свободная трактовка тела божеств. Особенно привлекательна мраморная статуя Афродиты родосского производства из Кеп. В изящном изгибе тела богини ощущается тонкая моделировка всех его деталей.

Мраморная статуя
Афродиты из Кеп.
III в. до н. э.

Однако наибольший интерес представляет местная скульптура, в частности надгробные памятники. В силу этносоциальной специфики Боспора здесь сложился оригинальный стиль и взгляд на художественное воспроизведение мужских и женских полуфигур и бюстов. В ряде случаев образы на

нея с дорическими колоннами. В Нимфее на южном, открытом к морю плато, на остатках более ранних сооружений было устроено святилище Аполлона и Афродиты - покровите-

погребальных памятниках имеют портретный характер и ярко выраженные реалистические черты. Они дают представление об этническом типе и характере одежды боспорцев.

Женская фигура изображалась в фас одетой в высоко подпоясанный под грудью хитон и гиматий, накинутый поверх головы, иногда в остроконечном башлыке. Правая рука прижата к груди, левая придерживает гиматий или держит какой-либо предмет. Мужские изображения немногочисленны, представлены с оружием или полностью задрапированы в гиматий. Нередко встречаются скульптурные надгробные

Известняковая
надгробная скульптура
женщины в покрывале. IV-
III вв. до н. э.

памятники, которые считаются принадлежащими синдам. На одном из них из известняка высечена в горельефе мужская фигура с большими глазами на почти круглой формы лице и шапочкой на голове. В окрестностях Фанагории найдено надгробие, возможно, синда позднеэллинистического времени. Несмотря на неправильные пропорции тела, грубо выраженные складки одежды по особенно выразительным чертам широкого круглого лица, местному головному убору, вооружению (меч и лук со стрелами) видно, что скульптура представляла собой не грека. Из Фанагории происходит и более ранняя

Известняковое
надгробие синда.
IV-III вв. до н. э.

Боспорские
надгробные стелы
I в. до н. э. - I в. н. э.

известняковая голова синда в повязке. Мужественное лицо пожилого человека с негреческими чертами передано со свойственными раннеэллинистической пластике техническими и художественными приемами. Наряду с такими памятниками, на боспорских некрополях в большинстве стояли обычные стелы с эпитафиями.

Наряду со скульптурой, началось массовое производство глиняной пластики. В городах Боспора найдены остатки мастерских короoplastов, а также многочисленные формы для изготовления статуэток. В III—I вв. до н. э. было

создано множество новых терракот Афродиты, Эрота, Диониса и его свиты, а также жанровых статуэток, среди которых нередко встречаются всадники разных типов. Хорошие мастера следовали лучшим принципам короoplastов Танагры и Афин. Очевидно, одним из них в Пантикапее были созданы большие статуэтки сидящей Афродиты у гермы Приапа и эротами, женщины, играющей на кифаре, и изящной девушки, стоящей у колонны с диском. Однако большинство терракот изготовлялось ремесленниками для массовой продажи.

Культ Афродиты Урании Владычицы Апатура в позднеэллинистическое время становится все более популярным на Боспоре. На его основе был

Терракотовая
статуэтка всадника.
I в. до н. э. - I в. н. э.

создан специальный фиас во главе с синагогой. В Пантикапее на склоне горы Митридат найдена уникальная известняковая стела с рельефом и посвянительной надписью. На стеле изображена летящая на лебедь Афродита со скипетром в руке. Справа от нее фигурка Эрота, а над фронтоном - две Ники. Одна из них держит фимиа-терий, другая совершает возлияние. Атрибуты показывают, что Афродита во II в. до н. э. уже предстает как главная покровительница и сакральная царица на Боспоре. Посвящение сделано от имени синагога Феокрита, сына Деметрия и фиаситов «за архонта и царя Перисада Филометора, сына царя Перисада, и царицу Камасарию Филотекну, дочь Спартока, и Аргота, супруга царицы Камасарии ...».

Если раньше культ владычицы Апатура был в основном сосредоточен в азиатской части Боспора, где близ Фанагории и Гермонассы существовало два ее святилища, то рассмотренный памятник свидетельствует, что в Пантикапее во всяком случае не позднее II в. до н. э. уже было устроено святилище этой богини. В позднеэллинистическое время продолжают существовать древние ионийские традиции в культах Деметры и Матери Фригийской (Матери богов), храмы и алтари которых периодически обновлялись, возле них устанавливались статуи от имени отслуживших свои должности жриц.

Приезжие торговцы считали своим долгом также ставить в Пантикапее памятники и алтари. Так, три родосца, сыновья Гэгесиарха посвятили мраморную статую царя Перисада, сына царя Спартока, всем богам. Некий Бафилл, сын Деркия, на горе Митридат поставил мраморный алтарь почитаемой им богине Гекате, владычице Спарты. Ко времени Спартока IV относится посвящение статуи Дионису Аглаем, сыном Гераклида. Судя по изображениям на монетах Пантикапея, популярными оставались образы сатира и Аполлона. В конце III-II вв. до н. э. к ним присоединяется голова Посейдона. На царских монетах неизменным оставалось изображение сидящей на троне Афины. Только в конце II в. до н. э. на

монетах Пантикапея изредка появлялись головы Афины и Диониса. Символика всех божеств соответствовала их культам, характерным для эллинского религиозного мировоззрения. Постепенно во II в. до н. э. с монет исчезает голова сатира. Очевидно, ее окончательно сменил Дионис. Вполне вероятно, что это было связано с интенсивным развитием местного виноделия и торговли вином.

Таким образом, старые представления о божествах, принесенных ионийцами, постепенно видоизменялись, приобретали новые функции. В зависимости от уровня экономического развития отдельные из них отступали на задний план, другие возвышались в государственном пантеоне. Очевидно, в связи с периодическим угасанием зернового хозяйства культы Деметры и сопутствующих ей богинь не пользовались той популярностью, как в былые времена. Все большую силу приобретали культы Диониса и Посейдона, покровителя морской торговли и спасителя плывущих на кораблях. На монетах изображался даже нос корабля.

Однако по-прежнему большую роль, особенно для налаживания политических и экономических связей, играл исконный культ Аполлона. Уже упоминалось, что Перисад II, затем царица Камасария и ее первый супруг Перисад установили тесные контакты с панэллинскими святилищами Аполлона в Дидимах близ Милета и в Дельфах. Оттуда на Боспор прибывали специальные послы (феоры), приглашавшие для участия в празднествах Аполлона именитых и талантливых граждан. За гуманное отношение к ним Камасария и Перисад были удостоены проксении в Дельфах с предоставлением не только обычных, но, возможно, и каких-то особых привилегий. Узнать о них нельзя из-за того, что от плиты с надписью сохранился только обломок. Несколько раньше в III в. до н. э. боспорец Никий, сын Гераклида, которому было поручено со всеми почестями принять дельфийских послов, удостоился в Дельфах не только проксении, но и права присутствовать во время праздничных состязаний на стадионе, а также в театре.

Не исключено, что боспорские послы по поручению своих царей приглашали именитых гостей из других городов Эгеиды и Понта на проводимые в Пантикапее празднества Аполлона, Диониса, Афродиты Урании и других божеств. В первой половине III в. до н. э. в Горгии были устроены грандиозные празднества гермаи в честь бога торговли Гермеса. В этих спортивных агонах участвовали 226 юношей. Их имена были высечены с двух сторон на мраморной плите высотой более двух метров и шириной более полуметра. К сожалению, не все слова на плите сохранились. Известно только, что состязания проходили в крепости тела (кулачный бой) и длинном беге. Боспорские юноши также принимали участие в агонах на панэллинских празднествах в разных центрах Эллады.

* * *

Итак, несмотря на войны и междоусобную борьбу, жизненные потрясения в связи с вторжениями сарматов, уплату дани боспорскими царями варварам, Спартокиды старались сохранить свое государство. Как бы то ни было, но после Евмела власть в основном переходила от одного наследника к другому. В царском роду Спартокидов сохранялись также традиционные имена, среди которых наиболее популярным являлся Перисад. Тем самым и последние цари отдавали дань уважения своему далекому обожествленному предку. Однако по иронии судьбы это имя не только не прославило Боспор, но с последним Перисадом навсегда ушла с мировой арены династия Спартокидов. Историческая картина их правления малоизвестна, хотя явно она была сплетена из множества то нараставших, то затухавших конфликтов боспорцев с различными иноэтническими объединениями и группировками, перешедшими к набегам, грабежам и требованиям уплаты дани. Хотя царствование каждого из последних Спартокидов в разные периоды истории Боспора шло различными путями, основой их политических устремлений оставалась надежда на новый расцвет государства, которого оно так и не смогло достичь.

Падение династии Спартокидов и Митридат VI Евпатор

Племя одно начинает расти, вымирает другое,
И поколения живущих сменяются в краткое время
В руки из рук отдавая, как в беге, светильники жизни.

Лукреций

Последний Спартокид. О времени падения династии Спартокидов и передачи власти царю Понтийского царства Митридату VI Евпатору написано большое количество научных работ. Интерес к вопросам истории Боспора при Митридате, как и его личности, не угасает. Существуют различные взгляды и концепции о характере смены правления, восстании Савмака, взаимоотношениях Боспора с греками и варварами при Митридате и в ходе его войн с Римом. На основе этих исследований мы и попытались дать собственное представление обо всех известных событиях, не вдаваясь ни в какие дискуссии и подробности.

Мраморная голова
Митридата VI
Евпатора

Перисад V - последний правитель Боспорского государства из династии Спартокидов находился у власти сравнительно долго. Возникшая недавно разногласия о времени его правления (125-109 гг. до н. э.; 130-108 гг. до н. э.; 140-109 гг. до н. э.; 140-111 гг. до н. э.) лишний раз подтверждает, сколь мало сведений имеется о нем в источниках. Однако за приблизительно двадцатилетний срок своего правления он тоже мог сделать немало для улучшения дел в своем государстве.

Как и предыдущие Перисады II в. до н. э., последний Спартокид выпускал от своего имени золотые монеты. На них представлено профильное волевое лицо уже немолодого человека. Диадема на голове с характерным коримбом над лбом, заимствованным из атрибутики пантиканийского сатира, больше всего сходна с диадемой Спартокидов. Неизменной осталась и фигура сидящей Афины с копьем, щитом и Никой в руке. Внизу под ее тронном лежит трезубец Посейдона. Вряд ли эта символика все еще обозначала особую приверженность последнего из Спартокидов к главной владычице Афин и афинскому народу. Этот город, как и вообще вся Эллада после ужасного разгрома Коринфа в 146 г. до н. э. и продажи в рабство всего его населения, находились под управлением римских проконсулов. Скорее всего, в Пантикапее стояла монументальная статуя Афины, установленная еще в период расцвета Боспора и наиболее интенсивной торговли с Афинами. Она стала многолетним и устойчивым символом мирной политики последних Спартокидов, защитницей их государства и резиденции. Тем самым они пропагандировали свое филэллинство, хотя не известно, объявляли ли они себя подобно некоторым царям Понта защитниками эллинства.

Гражданская община Пантикапея со времени правления Перисада IV на серебряных монетах ставила свое полное название - пантикапейцы. Это, несомненно, указывает на то, что она, как и прежде, пользовалась определенными правами и льготами. Аполлон, Афина, Дионис, Посейдон являлись главными полисными богами в Пантикапее. Возможно, что в одной надписи, поставленной во II в. до н. э. «при архонте Перисаде», имелся в виду именно Перисад V. И если это так, то по отношению к пантикапейцам он сохранил этот полисно-демократический, хотя и номинальный титул. Каким бы жестким не являлось его правление на Боспоре, остается фактом, что Пантикапей выделялся среди всех городов царства, а его община по-прежнему пользовалась предоставленными ей еще при Археанактидах свободой чекан-

ки монет и льготами ведущего гражданского коллектива в государстве, сохранившего многие эллинские традиции в культуре и быту.

Найденная около двадцати лет назад при раскопках святилища Пантикапея мраморная крышка стола (трапедза) с почитательной надписью дала новые данные о периоде царствования Перисада V: «За царя трижды Перисада, сына царя Перисада, Сенамотис, жена Гераклида и дочь Скилура, посвятила этот жертвенный стол Дитагойе». Как видим, он унаследовал власть от своего отца, а тот в свою очередь от своего отца, которые также носили имя Перисад. Последний из них имел эпонимную должность и в почитательных надписях она, как и ранее, отмечалась всеми дедикантами. Дочь известного и самого воинственного царя Малой Скифии в Крыму Скилура была замужем за Гераклидом, скорее всего младшим братом Перисада V или же каким-то знатным представителем царского рода.

Династические боспоро-скифские браки заключались и ранее. Незадолго до этого овдовевшая Камасария, мать Перисада IV, вышла замуж за Аргота, видимо, тоже принадлежавшего к скифской царской династии. Так что между Боспором и скифами при последнем Спартокиде существовали дружественные и родственные отношения. Некоторые исследователи полагают, что между ними был заключен военно-оборонительный союз в связи с обострившейся обстановкой в Степи. Перешедшие реку Танаис сарматы разоряли не только боспорские земли, но теснили скифов, угрожали Херсонесу, обложили данью Ольвию.

Скилур.
Реконструкция
по черепу
М.М.Герасимова

Не известно, платили ли боспорцы ежегодную дань скифам, о которой писал Лукиан в своей исторической новелле «Токсарид». Судя по именам

царей Левканор и Евбиот, которые напоминают Левкона и Евмела, речь в ней идет, по-видимому, о более раннем времени. Хотя, естественно, заключение брака родственника боспорского царя с дочерью Скилура Сенамотис не могло явиться окончательным препятствием для взимания дани. Если скифы нуждались в продовольствии и военном снаряжении, они легко нарушали союзнический договор. И это хорошо иллюстрируется дальнейшим развитием событий в Боспорском государстве.

Вместе с тем во второй половине II в. до н. э. значительно расширились торгово-экономические связи Боспора с южнопонтийскими городами, особенно Синопой, входившей, как и Амис, в Понтийское царство. Митридат V Эвергет покровительствовал эллинам и призывал максимально использовать контакты для увеличения благосостояния всех заинтересованных лиц. Боспорские монеты этого времени чеканились из желтой или светлой меди, металл для них привозился с Понта. На них появились и характерные для монет этого царства символы — рог изобилия, звезды, шапка Диоскуров.

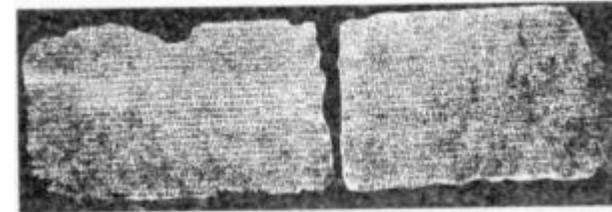
Митридат Эвергет стремился, как и его предшественники, расширить территорию Понтийского царства. Но в отличие от них он действовал в основном дипломатическими методами, а не путем вооруженных захватов. Политика экспансии наследственных земель проводилась путем составления завещаний в его пользу, усыновления, управления через ставленников из числа местных правителей. Не исключено, что одна из дочерей Митридата Эвергета была отдана в жены Перисаду V с дальним расчетом включить в свои владения и боспорские земли. В пользу близких взаимоотношений между поздними Спартокидами и Митридатидами свидетельствует присвоение Камасарии титула Филотекна, а также наделение эпитетом Филометор ее сына Перисада IV. Подобного типа эпитеты были особенно модными среди представителей царского рода в Понте. Важно и то, что именно с Камасарии начинается нарушение существовавшей у Спартокидов традиции называть старшего сына именем

деда. Своему сыну и внуку она дала имя царствующего отца. Очевидно, поэтому на Боспоре правили один за другим три Перисада.

У понтийского царя Митридата V было пять дочерей. Известно, что старшая Лаодика была сначала женой малолетнего царя Каппадокии Никомеда II. Благодаря первому браку Эвергет практически управлял соседним государством, а позже подчинил его силой и присоединил в качестве наследственного владения к Понту. Вторая, тоже Лаодика, по персидским обычаям предназначалась в жены наследнику престола - то есть своего родного старшего брата. О последних трех дочерях не сохранилось никаких сведений, кроме имен Роксана, Статира и Ниса. Из них привлекает внимание Роксана. Возможно, в память о ней такое имя на Боспоре получила известная по надгробной стеле жительница Пантикапея. Боспоряне, хотя и не столь часто, но называли своих детей особенно в I в. до н. э. - I в. н. э. именами царей и царских родственников. Во всяком случае значительное увеличение синопского импорта, отмеченное выше, изменения в монетной чеканке вплоть до появления новой символики в период правления Перисада V, одинаковые имена последних трех царей вряд ли случайны. Митридат V Эвергет явно интересовался Боспором, используя для своего влияния Синопу, как главный центр Понта.

Борьба за власть. Казалось бы при последнем Перисаде сложились все предпосылки для экономического расцвета государства и собственно царской семьи. Тем не менее оставленные Страбоном краткие данные свидетельствуют совершенно о другом. «Не будучи в состоянии противостоять варварам, требующим дани большей, чем прежде, он (Перисад) передал власть Митридату Евпатору». Почти все исследователи склонны думать, что у Перисада не было сыновей. Он же, будучи в возрасте и не имея в своем распоряжении сильного и надежного войска, не решился противостоять варварам.

Относительно их этнической атрибуции высказаны разные мнения. Одни считают их скифами, иные - сар-

Херсонесский декрет в честь полководца Митридата VI Евпатора Диофанта, сына Асклепиодора. I в. до н. э. (фото эстампажа)

матами, третьим кажется, что это могли быть как те, так и другие. Действительно, это уже было то время, когда и скифы, и сарматы осаждали греческие полисы в Северном Причерноморье, угрожали за неуплату дани разгромом, совершали постоянные грабительские набеги. Передача власти Митридату Евпатору не была формальной и случайной. Для понимания того, как и когда это произошло, некоторое представление дает только херсонесский декрет в честь Диофанта, сына Асклепиодора. Граждане Херсонеса в связи с усилившимся натиском скифов обратились за помощью к понтийскому царю Митридату Евпатору около 113-111 гг. до н. э. Это было время, когда он вел борьбу за Колхиду. Скорее всего оттуда на кораблях и были отправлены войска на помощь Херсонесу под руководством стратега Диофанта.

«Прибыв в наш город, - говорится в декрете, - он (Диофант) отважно совершил со всем войском переправу на ту сторону; когда же скифский царь Палак внезапно напал на него с большим войском, он, поневоле приняв битву, обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми подчинив окрестных тавров и основав город на том месте, он отправился в боспорские местности и, совершив в короткое время много важных дел, снова воротился в наши местности и, взяв с собой граждан цветущего возраста, проник в середину Скифии. Когда же скифы сдали ему царские крепости Хабеи и Неаполь, вышло то, что почти все сделались подвластными царю Митридату Евпатору».

Как видно из этого отрывка, Диофант покорил почти всех скифов, и взятие ими дани с греческих городов в такой ситуации прекратилось. К сожалению, автор декрета не раскрывает того, какие же столь важные дела в короткое время совершил Диофант на Боспоре. Исходя из развития дальнейших событий, он проводил тайные переговоры с Перисадом V. По-видимому, царь, будучи осведомленным о завоеваниях Митридата Евпатора, согласился уже тогда передать ему власть на Боспоре. Это тем более возможно, если на самом деле он был женат на его сестре и у них не было сыновей. Высказано также предположение, что какое-то время в период своего изгнания юный Митридат скрывался не только в горах Малой Армении, но и на Боспоре. Защитивший его царь Малой Армении Антипатр, не имея прямых наследников, помог Митридату вернуть власть в Понтийском государстве и добровольно передал ему свои земли. Таким образом мог поступить и Перисад V.

Из этого же херсонесского декрета вырисовывается дальнейшая картина происходящих событий в Таврике. Скифский царь Палак не захотел подчиниться Митридату, и тот вновь послал свои войска с Диофантом против его крепостей. Завоевав их совместно с херсонесским отрядом, Диофант снова отправился на Боспор и «устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора». Считается, что на этот раз власть на Боспоре официально перешла к властелину Понта, уже прозванному не только Евпатором, но и Дионисом. Приблизительно со второй половины 109 г. до н. э. он становится «господином Боспора». Находясь под постоянной угрозой со стороны варваров, греческие города, очевидно, были не против того, чтобы перейти под власть могущественного правителя - филэллина.

Однако боспорские скифы, как и цари Крымской Скифии, не хотели примириться с таким положением. В Пантикапее «скифы с Савмаком во главе совершили государственный переворот и убили воспитавшего его царя Боспора Перисада, а против него составили заговор ...».

В этом отрывке декрета заключается самая интересная загадка. Кого же на самом деле воспитал боспорский царь и против кого был составлен заговор? Трудно найти еще какой-либо эпиграфический источник, который вызвал бы столь громадное количество специальных работ для доказательства того, кем был Савмак, поднявший скифов против царя.

Длительный период в советской науке господствующей являлась точка зрения ведущих ученых, которые видели в Савмаке дворцового раба. Соответственно его социальному положению это было восстание рабов. Во всех учебниках по древней истории оно считалось самым древним рабским восстанием на территории Советского Союза против угнетателей - царей. Возражения других исследователей, доказывавших, что в данном случае речь идет не о Савмаке, а о Диофанте, не принимались во внимание и резко критиковались. В последнее время широкую поддержку получила точка зрения о том, что Савмак даже как скифский царевич не являлся воспитанником Перисада V. Однако все-таки до сих пор окончательно не решен вопрос о том, кто же скрывается под словами «воспитавшего его»: Диофант или Митридат Евпатор. Исходя из мирной передачи Боспорского царства в руки понтийского царя путем переговоров его стратега и доверенного лица Диофанта с Перисадом, более логично видеть в воспитаннике именно Митридата. Учитывая то, что родственные связи между последними Спартокидами и Ахеменидами тянутся по крайней мере со времени Камасарии, ко времени Перисада V сложились такие обстоятельства, что лучше всего было войти в состав Понтийского государства.

В Пантикапее и других городах было объявлено о решении Перисада V. Но несмотря на отказ от царствования, он по сути дела оставался правителем на Боспоре. Возможно, Митридат пожелал, чтобы он царствовал здесь до смерти или же до того времени, когда он лично прибудет в Пантикапей. Но неожиданно на Боспоре появился новый претендент на власть - Савмак. Он совер-

шил государственный переворот и убил Перисада V. Стремление Савмака во что бы то ни стало захватить власть наводит на мысль, что он не был при царе Перисаде V посторонней личностью. Скорее всего, правы те исследователи, которые считают его скифским царевичем, женатым на дочери или очень близкой родственнице царя Боспора. Составив заговор против Митридата, он привлек на свою сторону наемников Перисада, среди которых в основном были скифы. Если дочь царя Скилура Сенамотис была замужем за братом Перисада Гераклидом, то нельзя исключать, что Савмак являлся их сыном. К тому времени он уже находился в таком возрасте, что мог командовать если не всем царским войском, то каким-то значительным его отрядом. Как видно, ни наемники, ни граждане городов не оказали действенного сопротивления Савмаку.

Наоборот, где-то около года Боспор находился под его властью. Как она осуществлялась и что ему удалось сделать, источники не сообщают. Лишь восхищенный храбростью Диофанта автор херсонесского декрета в его честь оставил последнее и единственное свидетельство о дальнейшей судьбе Савмака. После того, как застигнутый в Пантикапее восставшими скифами Диофант сумел бежать оттуда благодаря посланному херсонеситами кораблю, он уже в начале весны с войсками при помощи «отборных граждан на трех судах» выступил из Херсонеса, «взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство (Понтийское) и восстановил власть царя Митридата Евпатора». Как сложилась его судьба, не известно. Видимо, был наказан только Савмак и близкие к нему люди, которые участвовали в убийстве Перисада и особенно проявили себя в борьбе за власть. Жители городов явно не вмешивались, как и раньше, в эту войну за боспорский престол.

Митридат VI Евпатор - властелин Боспора. Диофант завоевал для Митридата не только скифов и тавров. Заодно с этим в Понтийское царство вошли Боспор, Хер-

сонес Таврический, Ольвия и Тира. После присоединения этих центров имя Диофанта не упоминается. Покоренные скифы больше не угрожали греческим городам. Некоторые римские историки даже называли Митридата Евпатора скифским царем. Очевидно, под этим подразумевалось, что в Понтийское царство вошли обширные земли в Северном Причерноморье, которые исконно назывались Скифией. Но около 96 г. до н. э. римский сенат постановил, чтобы Митридат Евпатор возвратил скифам их родовые владения. После этого вопреки Риму со скифскими вождями были заключены союзные договоры, по которым те обязывались поставлять войска для ведения войны. В Понтийскую державу вошли также многие области Западного Причерноморья и Фракии. После присоединения всех причерноморских земель Митридат, преисполненный силы и уверенности в победе, решил завоевать Малую Азию, Македонию, Грецию и Рим.

Все припонтийские города выпустили на протяжении короткого времени монеты, на которых в том или ином образе был изображен Митридат Евпатор. Наиболее интересно то, что он идентифицировал себя с Александром Македонским. Его портретным изображениям в облике Геракла придавались черты Митридата Евпатора. Начиная с 102 г. до н. э. он носил эпитет Дионис, и его изображения в образе этого бога украшали понтийские царские монеты.

Объединение всех припонтийских греческих городов в одно государство поначалу принесло много выгод. Избавление от выплаты дани и прекращение варварских набегов позволило грекам возобновить занятие сельским хозяйством, ремеслами и торговлей. Несмотря на то, что только сатрапия с центром в Пантикапее поставляла Митридату Евпатору, по сведениям Страбона, 180 тыс. медимнов хлеба и 200 талантов серебра, боспорские города вновь начали расцветать. Семь победоносных лет понтийского царя, интенсивное развитие торговли, усмирение пиратских разбоев на Понте Эвксинском привлекли на его сторону греческие города. Так, благодарные граждане

Нимфея за избавление от сарматских вторжений и грабежей воздвигли статую Митридата Евпатора, на постаменте которой была высечена надпись. Сохранилась она фрагментарно, но из оставшихся слов ясно, что они величали его царем царей, Дионисом, благодетелем и, видимо, спасителем. Памятники «царю царей» стояли и в других боспорских городах, хотя он сам, по всей видимости, не посещал еще эти местности.

Все военные операции и завоевания проводились на Боспоре под руководством его стратегов - сначала Диофанта, а затем Неоптолема. Первый из них после покорения скифов и включения Боспора в состав Понтийского царства, возможно, попал в опалу потому, что херсонеситы все победы и успехи приписали не Митридату, а Диофанту, увенчав его золотым венком и установив его бронзовую статую в святилище верховной богини города Партенос. Неоптолем воевал в основном с азиатскими варварами. Однако и ему вскоре после перехода его брата, тоже стратега, на сторону римлян пришлось уйти с исторической арены.

После включения в Понтийское царство Пантикапей Фанагория и Горгиппия получили права автономии и самоуправления, началась чеканка серебряных монет. Изображение на них головы Митридата Евпатора и его символики показывает, что на самом деле их права были несколько ограничены. Как и в других регионах Понта, на Боспоре проявлялась его филэллинская политика, нашедшая яркое отражение в поощрении экономического роста полисов. «Краеугольным камнем филэллинской политики Митридата в Азии и Греции было сокращение до минимума частных и общественных долгов полисов, освобождение их от налогов на пять лет, поощрение производственной деятельности и торгово-ремесленных слоев, - считает исследователь Понтийского царства С.Ю.Сапрыкин. - Царь провозгласил освобождение рабов, право полисов давать гражданские свободы ксенам и метекам, отмену долгов, перераспределение собственности, в том числе земельной. Хотя большая часть этих

мер была направлена против римских порядков, они во многом способствовали подъему экономической жизни полисов, росту их политической самостоятельности. Перечисленные мероприятия коснулись и Северного Причерноморья. Показатель тому - предоставление серебряной чеканки городам, что служит критерием высокого уровня благосостояния».

В недавно найденном постановлении Совета и Народа Фанагории, датируемого 88/87 г. до н. э., указывается о предоставлении гражданских прав наемникам из других стран, всем, кто отслужил достойно срок службы и вел себя дружелюбно по отношению к городу. Вместе с тем были даны привилегии не платить налоги за пользование местом жительства при расселении и усыновлении, а также освобождение от всех взносов и повинностей кроме призыва на военную службу. Из сообщения Плутарха известно, что в 80-е годы до н. э. «старинными владениями в Понте и на Боспоре вплоть до необитаемых областей за Меотидой» управлял один из сыновей Митридата Евпатора. Поскольку это были его наследственные земли, то ими мог управлять кто-то из старших сыновей. Обычно считается, что это был Митридат Младший.

Сохранилось также интересное свидетельство Аппиана: «Митридат, уйдя в Понт, воевал с колхами и жителями Боспора, отпавшими от него. Колхи просили его дать им царем сына его Митридата и, получив его, тотчас подчинились. Но так как у царя возникло подозрение, что это произошло по плану его сына, желавшего стать царем, то он, призвав его к себе, заключил в золотые оковы и немного спустя казнил, хотя он оказал ему большую помощь в Азии против Фимбрии. Против же жителей Боспора он начал строить большой флот и готовить огромное войско, при этом размах приготовлений сразу создал впечатление, что все это собирается не против боспорцев, но против римлян».

Эти события происходили после неудач Митридата в первой войне с Римом (89-84 гг. до н. э.). Греческие города вынуждены были платить дань, размеры которой

постоянно увеличивались. Все это, естественно, пагубно сказывалось на их экономике и положении населения. Разочаровавшись в силе и добродетели Митридата, многие граждане, в том числе и знать, стали помышлять о выходе из состава Понтийского царства. Этот процесс был характерен как для боспорских городов, так и для многих других центров огромной державы Митридата. Однако царь не хотел мириться с их неповиновением. Боспор чересчур много для него значил.

После второй столь же неудачной, но более короткой войны с Римом Митридат Евпатор, вновь подчинив Боспор и Колхиду, послал туда в 81/80 г. до н. э. наместником своего сына Махара. С этого времени политика понтийского царя по отношению к греческим городам стала более жесткой, лишенной филэллинских черт. Чеканка монет прекратилась. В денежном обращении превалировала понтийско-пафлагонская медная монета. Митридат накануне третьей, последней войны с Римом всеми способами пытался укрепить царскую власть.

Действительно, в период затяжной, длившейся почти десять лет (74-63 гг. до н. э.) войны основные силы и продовольствие поставляли северопонтийские племена и греческие города региона, в первую очередь Боспор. В войсках Митридата Евпатора служили скифы и тавры. Плутарх сообщает, что царь особенно доверял Олфаку, правителю подвластного Боспору племени дандариев, отличавшемуся умом, силой, смелостью и выполнявшему все его поручения. Однако даже самые воинственные племена и народы не смогли предотвратить поражение Митридата. Хорошо организованная армия Помпея в ожесточенной битве разбила его войска в 66 г. до н. э. на территории Малой Армении. Преданный армянским царем Тиграном Митридат около года с небольшим отрядом скрывался в Колхиде. Оттуда он переправился на Боспор, где по-прежнему правил его сын Махар. Он не верил в победу своего отца и еще задолго до его прибытия в 70 г. до н. э. объявил себя другом и союзником Рима. Даже в войне за Синопу столицу Понтийского

царства он оказывал помощь римским легионерам, послав им продовольствие, которое было собрано на Боспоре для армии Митридата Евпатора.

Когда южнопонтийские города Синопа, Аμισ, Гераклея, с которыми боспорцы издавна торговали, перешли на сторону римлян, недовольство населения Боспора усилилось. Махар после своей измены не мог покорить вновь отложившиеся Пантикапей, Нимфей, Феодосию и другие города по берегу Понта. В течение 65-63 гг. до н. э. стратеги Митридата силой подчиняли их, хотя ясно было, что жители не хотят поддерживать побежденного царя. Когда он прибыл в Фанагорию, там против него поднялось восстание, к которому примкнули и другие города. Узнав о приближении отца, Махар хотел скрыться в Херсонесе. В пантикапейском порту по его приказу были сожжены все корабли, которые могли быть использованы для погони. Но и это не помогло. По одной версии он покончил с собой, по другой - его убили посланные в погоню митридатовцы.

Сам царь впервые за весь период своего правления и подчинения Боспора обосновался в царском дворце Пантикапея. То, что он, явно помня о своем спасении в детстве в Малой Армении и на Боспоре, снова бросился будучи в опасности в эти места, еще раз подтверждает нашу гипотезу, что Перисад V, как и армянский царь, тогда какое-то время воспитывал его при своем дворе. Поэтому Митридат все еще считал эти земли своими собственными владениями, поскольку они ему были переданы лично, а не завоеваны. Первое, что он сделал, обосновавшись в Пантикапее, - это начал готовиться к новой войне с римлянами. Ни жестокие поражения в битвах, ни измена сыновей и потеря тысяч воинов не остановили его, не утихомирили его воинственность и мечту овладеть всем миром. Все отложившиеся при Махаре города вновь подчинились его силе и вынуждены были способствовать его военным планам. На этот раз он начал подготовку грандиозного похода на Рим. Он планировал начать его на Боспоре, откуда войска вдоль северного

побережья Понта через Фракию, Паннонию и Македонию должны были двигаться на Рим с севера. Все вожди причерноморских скифо-сарматских народов поддержали этот план царя. Чтобы еще больше укрепить с ними связи, он обручил с ними своих дочерей.

Римские войска в это время блокировали Боспор с моря. Митридат же с помощью своих сыновей и сподвижников занимался набором солдат в армию, заготовкой оружия и всего необходимого для сухопутного похода. Боспорские города, с одной стороны, зажатые римлянами и не имеющие возможности торговать с южнопонтийскими центрами, а с другой, недовольные многочисленными поборами даже с самых бедных, рекрутированием в солдаты, все более понимали, что несет им царствование Митридата Евпатора. Первой восстала Фанагория. Ее сопротивление и дух свободы были так сильны, что Митридат не смог взять этот город. По данным того же Аппиана, несколько сыновей Митридата и его дочь Клеопатра руководили здесь военными действиями, но вынуждены были сдаться в плен фанагорийцам. Вслед за Фанагорией восстали Феодосия, Нимфей, Херсонес, на помощь которых надеялся царь. Предал его и находившийся на Боспоре сын Фарнак. Он перешел на сторону римлян и тайно уговаривал сторонников отца к измене.

В итоге взбунтовались не только жители городов, но и солдаты его армии, с которыми он собирался отправиться на Дунай, чтобы объединиться с кельтами для борьбы с Римом. Восставшие провозгласили Фарнака царем. Митридат, страшась быть выданным римлянам, укрепился в царском дворце Пантикапея. В 63 г. до н. э. в возрасте немногим более 70 лет он вместе с дочерьми принял яд. По сведениям Аппиана, он отличался таким крепким здоровьем и так часто предохранялся от разных ядов, что даже выпитый в этом возрасте смертельный напиток на него не подействовал. Тогда он подозвал к себе командира телохранителей галла Битоита. «Большую поддержку и помощь твоя рука оказывала мне в делах войны, - сказал ему царь, - но самая большая будет мне

помощь, если ты теперь окончишь мою жизнь; ведь мне грозит быть проведенным в торжественном триумфе, мне, бывшему столь долгое время самодержавным правителем этой страны ... Самого же страшного и столь обычного в жизни царей яда - неверности войска, детей и друзей - я не предвидел, я, который предвидел все яды при принятии пищи и сумел от них уберечься». Битоит убил Митридата и закололся сам.

Так бесславно ушел из жизни самый закоренелый и опасный враг Рима. Узнав о его смерти, римляне ликовали и праздновали победу над властелином Понта десять дней. Тем не менее Помпей, уважая силу своего непримиримого врага, распорядился похоронить его с царскими почестями в столице его царства. Набальзамированное тело Митридата Евпатора на корабле было доставлено в Синопу и захоронено в царской гробнице.

Митридат VI Евпатор действительно мог бы создать сильное всепонтийское государство с автономными городами и племенными объединениями, если бы постоянно придерживался умеренной филэллинской политики и не стремился к бесконечным захватам чужих территорий, не насаждал в греческих городах полуиранские порядки, которые проводились в жизнь наместниками, сатрапами, тиранами и иными ставленниками, непомерно обогащавшимися за счет жителей. Восстание греков на Боспоре стало одной из главных причин предотвращения новой войны Митридата с Римом. Насколько это было важно для римлян, свидетельствует тот факт, что Фанагория получила права свободного города, а ее правитель Кастор стал другом римского народа. Поднявший против Митридата войска его сын Фарнак был утвержден на боспорском престоле Помпеем и в его подчинение был передан даже Херсонес Таврический. Так началась новая страница в истории Боспора, которая на протяжении трех последующих веков была тесно связана с историей Римской империи.

Боспорское царство и Римская империя

Истинная цель государства и народов заключается в том, чтобы люди свободно владели своей собственностью и чтобы они не подвергались опасности.

Цицерон

Наследники Митридата VI Евпатора. Получив власть на Боспоре, Фарнак (63-47 гг. до н. э.) предпринял ряд мер, направленных на стабилизацию как внутреннего, так и внешнеполитического положения царства, экономика которого была истощена в ходе войн Митридата VI Евпатора с Римом. В азиатской части Боспора он решительно подавил сепаратизм местных племен, которые, воспользовавшись временным ослаблением центральной власти, решили выйти из подчинения Боспора. Тем не менее экономическое и политическое положение оставалось сложным.

Распад триумvirата и начало гражданских войн в Риме в конце 50-х гг. I в. до н. э. породили у Фарнака иллюзии о возможности объединения под своей властью территорий, входивших ранее в состав царства его отца. Но, будучи реалистичным политиком, он не спешил. Когда к нему обратились сторонники Помпея с просьбой о помощи против Цезаря, Фарнак им отказал. Окончательно решение о реставрации державы Митридата VI он принял, когда, по его мнению, сложилась благоприятная ситуация.

Прежде чем выступить против римлян, царь осадил Фанагорию и ряд соседних с

Фарнак. Изображение на боспорской монете

ней городов, настроенных против него. Принудив Фанагорию дать заложников, после января 48 г. до н. э. он двинулся через Колхиду в Малую Азию, оставив вместо себя наместником Асандра, получившего титул архонта в 49/48 г. до н. э. До этого Асандр был этнархом, т. е. вождем одной из племенных группировок.

Начав борьбу с римлянами, Фарнак относительно легко захватил Колхиду и Малую Армению, отдельные города Каппадокии и Понта. К концу 48 г. до н. э. он был близок к своей цели - воссозданию державы отца. Тем более, что Цезарь, занятый войной в Египте, не мог сразу вмешаться в события на Востоке. Однако после окончания Александрийской войны и восстановления в правах Клеопатры, Цезарь форсированным маршем двинулся навстречу Фарнаку. Боспорский царь пытался заключить с ним мир на любых условиях и даже предлагал ему в жены свою дочь, видимо, Динамию. Но Цезарь отклонил эти предложения и в решающей битве при Зеле 2 августа 47 г. до н. э. разбил армию Фарнака, который с тысячей всадников бежал в Синопу. Оттуда он переправился на Боспор и, собрав скифов и сарматов, захватил Феодосию и Пантикапей. Но осенью этого же года был убит в ходе вооруженного столкновения со сторонниками Асандра, опиравшегося на население азиатской части царства.

Асандр. Изображение на боспорской монете

С этого времени Асандр стал единоличным правителем Боспора. Но Цезарь не утвердил его на престоле и поручил своему другу Митридату Пергамскому, которому за помощь в Египте дал в управление Боспорское царство, двинуться против Асандра, захватившего без согласия римлян власть. Его попытка захватить Боспор не увенчалась успехом, и он погиб в 46 г. до н. э. Уехавший

в Рим после битвы при Зеле, Цезарь не смог вмешаться в эти события и фактически боспорским правителем без согласия римской администрации остался Асандр.

Не добившись от Рима признания своих прав на боспорский престол, Асандр женился на Динамии, дочери Фарнака и внучке Митридата VI. Тем самым он узаконил свое пребывание у власти. После этих событий на четвертом году своего архонтата в 45-44 гг. до н. э. он начал чеканку золотых монет, на которых уже именовался царем. Став юридически продолжателем традиций ахеменидско-понтийской династии, Асандр осуществил ряд мер по укреплению границ своего царства, одержал ряд побед над пиратами и зарекомендовал себя в качестве сильного, энергичного правителя.

Однако около 21/20 г. до н. э. ему пришлось передать управление государством Динамии, что с одной стороны, объясняется его преклонным возрастом, а с другой желанием Августа и Агриппы поставить Боспор под более жесткий контроль. Ведь Асандр вел себя достаточно самостоятельно, что противоречило римской восточной политике после битвы при Акции. После 17/16 г. до н. э. на Боспоре появился некто Скрибоний, выдававший себя за внука Митридата VI. Ссылаясь на распоряжение Августа он женился на Динамике. Узнав о его женитьбе, Агриппа послал против него Полемона I, царя прилегавшей к Каппадокии части Понта. Ко времени

Боспорские монеты Асандра:

1,2- Асандр - архонт;

3,4- Асандр - царь

Бронзовый бюст
царицы
Динамии

прибытия на Боспор Скрибоний уже был убит боспорцами, не признавшими его царем. Но и Полемон I столкнулся с сопротивлением определенной части населения царства, и только вмешательство Агриппы, прибывшего в Синопу с целью оказать ему вооруженную поддержку, заставило боспорцев признать ставленника Рима царем. По распоряжению Августа и Агриппы Динамия, по одной из версий, стала супругой Полемона, что придало его власти законный характер, а также закрепило объединение Боспора и Понта в единое политическое целое, как того добивался, посылая на Боспор Митридата Пергамского, еще Цезарь.

В течение 13-12 гг. до н. э. Полемон правил Боспором совместно с Динамией, а к концу этого срока женился на Пифодориде, дочери Пифодора из Тралл, внучке триумвира Марка Антония, и имел от нее троих детей. В это время он совершил ряд военных походов: против Танаиса, в Колхиду и, наконец, против аспургиан, в результате которого в 8 г. до н. э. и погиб. После этого Рим уже прямо не вмешивался в дела Боспора, хотя его правители находились в орбите римской политики.

Дальнейшая история Боспорского царства, особенно I в. н. э., в настоящее время реконструируется по разному. На монетах с конца правления Динамии и вплоть до Митридата VIII отсутствуют имена боспорских правителей. Нет и точно датированных эпиграфических источников. Все это создает большие трудности для воссоздания его династической истории и заставляет пока высказывать гипотезы, которые, к сожалению, достаточно уязвимы.

Переход власти к новой династии. Очевидно, в 14 г. к власти на Боспоре пришел Аспург. Судя по имеющимся источникам, его утверждению на боспорском престоле предшествовала поездка в Рим. Это позволяет предположить, что накануне прихода к власти на Боспоре шла политическая борьба, победителем в которой и вышел Аспург. Из его рескрипта гражданам Горгииппии следует, что в то время, когда он отправился к императору, на Боспоре, видимо, имела место попытка государственного

переворота, в ходе которого жители этого центра остались верны новому царю. Если учесть, что в окрестностях Горгии жили асиургиане, то не приходится сомневаться, что благодаря их поддержке он сохранил власть. После возвращения на Боспор Аспург дал жителям Горгии ряд привилегий.

Аспург не принадлежал к правившей ранее династической линии. Учитывая проримскую ориентацию своих предшественников, он вынужден был обратиться к римскому императору за помощью. Инициатором этой поездки был сам Аспург, рассчитывавший при личной встрече с императором получить не только подтверждение царских прав, что в тех условиях было равносильно мощной дипломатической поддержке, но, видимо, еще какие-то привилегии, о содержании которых пока можно только догадываться. Во всяком случае, наличие в титулатуре Аспурга титула «друг римлян» позволяет согласиться с тем, что, находясь в Риме, он заключил договор о дружбе, став союзником империи, а по сути дела признал себя вассальным царем.

В своей внешней политике он проводил согласованный с империей курс. В связи с этим заслуживает особого внимания тот факт, что между 14/15 и 23 гг. он подчинил скифов и тавров. Совершив масштабную военную экспедицию в западном направлении, он не только покорил указанные варварские народы, но и стал именоваться царем Боспора и Феодосии.

Боспорская монета с изображением Аспурга

Не известно, как далеко на запад простирались границы Боспорского государства в период правления этого царя. Лишь раскопки, проведенные на берегу Кутлакской бухты в трех км от с. Веселое Суданского района, свидетельствуют, что в правление Аспурга, а возможно, еще при Фарнаке или Асандре, здесь была

возведена небольшая боспорская крепость. Следовательно, по крайней мере в первой трети I в. Боспор контролировал прибрежную полосу вплоть до Кутлакской крепости. По рельефу местности видно, что связь с ее гарнизоном поддерживалась в основном по морю. Его основная задача заключалась в охране морских коммуникаций от посягательств варваров, а возможно, и пиратов.

Бастيون Кутлакской крепости после реставрации

В конце 20-х - начале 30-х гг. I в. Аспург женился на Гипепии. От брака с ней родились два сына - Митридат и Котис, ставшие впоследствии боспорскими царями. Гипепия происходила из фракийского правящего дома, что позволило Аспургу формально стать законным наследником старинной боспорской династии Спартокидов.

До недавнего времени считалось, что после непродолжительного правления супруги Аспурга Гипепии (37/38-38/39 гг.) к власти пришел Митридат VIII (Боспорский) (39/40-41/42 гг.). Но на основании тщательной ревизии херсонесской надписи в честь гражданина, возглавившего вспомогательный отряд, посланный царю Полемону II и наместнику Мезии, Ю.Г.Виноградовым установлено, что после дарования ему Калигулой боспорского престола Полемон II в 39-40 гг. предпринял военный поход с целью овладеть Боспорским царством. Несмотря на участие в этой экспедиции римских и херсонесских войск, победу все-таки одержал Митридат VIII, ознаменовавший ее выпуском золотых монет с изобра-

Митридат VIII (Боспорский). Изображение на боспорской монете

Митридат VIII
(Боспорский) и
Гипепирия. Изобра-
жения на монетах
по П.О.Бурачкову

жением Ники. Только тогда император Клавдий, отменивший все распоряжения своего предшественника, утвердил на Боспоре Митридата Боспорского, а Полемону II дал в управление область в Киликии.

После этого боспорский царь пытался проводить относительно независимый от империи курс, опираясь на соседние варварские племена. Вместе с тем он хотел со-

хранить дружеские отношения с империей. С этой целью он послал своего младшего брата Котиса в Рим, где тот должен был по замыслу Митридата укрепить его позиции. Однако Котис выдал Клавдию планы брата, обвинив его в подготовке войны с Римом. В награду за измену Котиса провозгласили боспорским царем и для его поддержки на Боспор были посланы римские войска под командованием А. Дидия Галла. Так начался римско-боспорский вооруженный конфликт, который потребовал от империи значительного напряжения сил.

Благодаря вмешательству римских войск около 45/46 г., Митридат был свергнут с престола, который занял Котис I. Митридат, бежавший к дандариям, не смирился с поражением и после ухода основных римских сил вновь начал борьбу за власть. Но в результате решительных действий боспорских войск, оставшихся верными Котису, и активной деятельности Г. Юлия Аквиллы, командовавшего римским отрядом, он был снова разбит и выдан римлянам царем аорсов Эвноном. Впоследствии прокуратор провинции Вифиния-Понт Юний Цилон доставил его в Рим, где он жил до 68 г. и был казнен за участие в заговоре против императора Гальбы. Этот заключительный этап римско-боспорской войны и выдачу Митридата римлянам Тацит относит к 49 г.

В период правления Котиса I римская администрация ужесточила контроль за Боспорским царством. Несмотря на временное ограничение власти царя и более

жесткую политику, проводимую Нероном, Боспор все же оставался союзным Риму государством и самостоятельным политическим целым. А ужесточение контроля за этим царством объясняется тем, что Котис I был посажен на престол силой римского оружия и, естественно, вынужден проводить сугубо проримскую политику. С его воцарением на Боспоре укрепилась боспорско-фракийская группировка, которая, в отличие от Митридата и его окружения, опиралась в своей политике не на варварское население царства, а на жителей боспорских городов, преимущественно греков, и Рим. Показательно, что Котис I всячески старался подчеркнуть свою лояльность Риму, с чем связано появление именно со времени его правления в титулатуре боспорских царей должности архиерея - первосвященника императорского культа.

В римско-боспорских отношениях окончательно сложилась практика, согласно которой новый царь, утверждавшийся в Риме, получал титул «друг цезаря и друг римлян», а также инсигнии, символизовавшие признание царского титула. Одновременно к наследнику боспорского престола переходило родовое имя Тиберий Юлий, свидетельствовавшее о том, что он обладал правами римского гражданства и являлся законным продолжателем династии царей, основателем которой был Аспург.

Котиса I после его смерти на престоле сменил Рескупорид I (68/69-91/92 гг.). В первой половине своего правления он полностью зависел от Рима, хотя был утвержден не сразу, а лишь после окончания гражданской войны, когда императором в Риме стал Веспасиан. Об этом свидетельствует надпись на постаменте статуи императора, поставленной Рескупоридом. В ней Веспасиан назван «господином всего Боспора», а сам боспорский царь - «другом цезаря и другом римлян». Можно предполагать, что он получил от римской администрации значительно больший объем прав, чем его отец Котис. Это было обусловлено тем, что в это время основные силы империи были задействованы на дунайской границе

Монета боспорского царя Савромата I

и в Иудее. Поэтому для проведения своей восточной политики римская администрация нуждалась в союзниках, одним из которых и был Боспор.

В первой половине II в. Боспорское царство продолжало оставаться в русле римской политики, как видно из надписи на постаменте статуи царя Савромата I (93/94 -123/124 гг.), поставленной декурионами Синопы в его честь, где он назван «выдающимся другом императора и римского народа». Примечательно и то, что каждый новый император, вступая на престол, подтверждал права боспорского царя на престол. Так, в царствование Савромата I, которое хронологически совпадало с правлением императоров Домициана, Нервы, Траяна и Адриана, изображения инсигний имелись на монетах, чеканившихся при последних трех. После его смерти таким же образом римской администрацией были подтверждены царские права Котиса II (123/124-132/133 гг.).

После активной экспансии Траяна (98-117 гг.) император Адриан (117-138 гг.) был вынужден перейти к политике обороны границ территориально разросшейся империи и подступов к ним. В этой связи следует рассматривать активизацию вассальных Риму боспорских царей против варварского населения Таврики. В двух надписях времени правления Савромата I и Котиса II говорится о победах над скифами, что совпадает с активизацией военных действий сарматских племен на территории Таврики. С их продвижением с востока связан поход Савромата I на азиатской стороне Боспора в 105 г. Боспорские цари боролись с варварами, угрожавшими не только их царству, но и границам Римской империи.

Долгое время считалось, что Боспор со времени правления Траяна получал от римской администрации денежные субсидии. Однако недавно было доказано, что не империя оказывала финансовую помощь Боспору,

а напротив, являясь союзниками Рима, его цари выплачивали ей определенный трибут, который, согласно сообщению Лукиана, доставлялся в Вифинию. Таким образом, статус союзного царства обязывал боспорских царей проводить согласованную с Римом внешнюю политику и поставлять вспомогательные воинские контингенты, а также выплачивать, видимо, золотом, определенные денежные суммы.

В 131/132-132/133 гг. на Боспоре имел место параллельный выпуск монет от имени Котиса II и Реметалка (131/132-153/154 гг.), хотя последний и не был его сыном. Видимо, в это время был нарушен порядок престолонаследия. Объясняется это тем, что Реметалк и Евпатор были двоюродными братьями бездетного Котиса II. А последний решил передать власть младшему из них, сделав его еще при жизни соправителем. Сейчас трудно сказать, как конкретно развивались события на Боспоре, но ряд данных позволяет предполагать, что передача власти Реметалку прошла при сопротивлении определенных кругов боспорской знати, во главе которой, по-видимому, стоял Евпатор. Но несмотря на это Адриан все-таки утвердил на боспорском престоле Реметалка.

Евпатор не смирился с потерей власти и после смерти Адриана обратился к Антонину Пию с просьбой утвердить его царем Боспора. Но Антонин Пий решил дело в пользу Реметалка, а Евпатор занял боспорский престол лишь после его смерти, несмотря на законного наследника, известного под именем Савромата II. Очевидно, это произошло по согласованию с римской администрацией и он занял престол до его

Монеты боспорского царя Савромата II

Боспорский военный отряд.
Фрагмент росписи Стасовского
склепа. II в. н. э.
по М.И.Ростовцеву

совершеннолетия. Тиберий Юлий Савромат II пришел к власти лишь в 174/175 г. Длительный период его правления был отмечен активной внешней политикой, направленной на укрепление границ царства и связей с Римской империей при императоре Марке Аврелии. На постаменте

его статуи, поставленной на Боспоре, он назван благодетелем царя и всего царства.

Ко времени правления Савромата II относятся сведения о Боспорской войне, которая произошла между 186 и 193 гг. В ходе этой войны Савромат II и римское командование осуществили в Таврике крупномасштабную военную акцию против варваров, угрожавших античным центрам региона. В результате совместных действий под контроль боспорского царя и римской администрации были взяты обширные районы в Юго-Западном и Восточном Крыму. Согласованность действий, а также участие в них римских и боспорских войск позволяет предполагать, что они были осуществлены в русле глобальной политики Рима времени правления императора Коммода, направленной на стабилизацию положения на границах империи после Маркоманнских войн. На дунайской границе был предпринят ряд мер по укреплению лимеса. А в Таврике боспорские цари, Херсонес и римские войска осуществили наступательные действия, которые привели к стабилизации военно-политической обстановки в конце II - начале III в.

Именно после этой войны под юрисдикцию царей Боспора на сравнительно продолжительный период времени попал Восточный Крым. При Савромате II и его

непосредственных преемниках восточная граница Боспора проходила где-то в районе Старого Крыма. В конце II - первой половине III вв. на позднескифских городищах этого района наблюдается определенный подъем, что можно объяснить улучшением военной ситуации после побед Савромата II и присоединением к Боспору этой части Таврики.

Однако ее включение носило чисто номинальный характер. Анализ топографии памятников на сельской территории европейского Боспора показал, что основная масса поселений конца II - начала III вв. располагалась к востоку от Узунларского вала и в районе Феодосии. Таким образом, операции боспорских войск против варваров велись вне пределов боспорской территории и представляли собой упреждающий удар, который должен был обезопасить сельскохозяйственную округу от набегов. Боспорские гарнизоны размещались в местностях близ Судака и Старого Крыма для контроля за территориями, отошедшими к боспорским правителям в Восточном Крыму.

После смерти Савромата II боспорский престол занял его сын Тиберий Юлий Рескупорид (211/212-228/229 гг.), который в наследство от отца получил не только Боспорское царство, но и земли в Восточном Крыму. В одной из боспорских надписей он прямо назван царем всего Боспора и окрестных племен, а во второй - и тавро-скифов. В царствование этого правителя Боспор существовал в границах, сложившихся еще при Савромате II, и представлял собой значительную силу в Северном Причерноморье. За годы своего правления Рескупорид провел ряд успешных войн против соседних варваров, о чем свидетельствует изображение трофея и пленника на боспорских монетах 218 г. Как и его отец, он поддерживал тесные связи с провинцией Вифиния-Понт и покровительствовал развитию торговли. Через своих послов Амастрия и Пруса в 221-223 гг. поставили в честь Рескупорида II статуи. Однако экономическое положение государства стало постепенно ухудшаться, о чем свидетельствует

увеличение объема чеканки и снижение содержания золота в монетах.

Еще при жизни Рескупорида II его преемником стал сын Котис III (227/228-233/234 гг.), правивший вместе с отцом два года. Последующая династическая история Боспора свидетельствует, что институт соправительства становится обычной практикой. Монеты соправителей чеканились на одном монетном дворе, что предполагает добровольный раздел власти между ними. Не исключено, что старший соправитель правил в Пантикапее, а младший - в азиатской части Боспора, что, видимо, было вызвано ухудшением взаимоотношений с соседями.

В дальнейшем соправителем Котиса III стал Савромат III (229/230-231/232 гг.), Рескупорида III (233/234-234/235 гг.) - Ининфимей (234/235-238/239 гг.), а у Рескупорида IV (242/243-276/277 гг.) было три последовательно сменявшихся соправителя. Он правил совместно с Фарсанзом (253/254-254/255 гг.), Савроматом IV (275/276 г.) и Тейраном (275/276-278/279 гг.). Имеющиеся в нашем распоряжении источники не всегда позволяют проследить родство боспорских царей со своими предшественниками. Так, если Рескупорид IV в двух надписях назван происходящим от предков-царей, то родственные отношения в правящей династии Савромата III, Рескупорида III и Ининфимея пока неясны. Но наличие в титулатуре Рескупорида III и Ининфимея родового имени Тиберий Юлий, обычного для боспорских царей более раннего периода, позволяет говорить, что они были представителями правящей династии, хотя и не обязательно прямыми наследниками. После смерти Котиса III (233/234 г.) и до начала правления Рескупорида III (242/243 г.) по неизвестным причинам переход царской власти от отца к сыну был нарушен, и в течение девяти лет боспорский престол занимали представители, вероятно, боковых ветвей правящей династии.

В первой половине III в. почти все цари, находившиеся на боспорском престоле, проводили проримскую политику. Об этом свидетельствует не только родовое имя

Тибериев Юлиев, но и то, что они в надписях именовались «другом цезаря и другом римлян» и помещали изображения правящих императоров на реверсах своих монет. В этом отношении показательно, что по крайней мере вплоть до 249 г. боспорские правители не были враждебны империи. Именно этим годом датируется установка статуи известного Августам римского всадника Аврелия Родона, сына Лолея, выполнявшего на Боспоре обязанности наместника царской резиденции и хилиарха. Аврелий Родон был крупным боспорским чиновником, входившим в ближайшее окружение царя.

Варварская угроза. В 30-х гг. III в. юго-восточная граница Боспорского царства подверглась вторжению извне. При раскопках Горгиппии прослежены следы пожаров и разрушений. Исследователи относят гибель этого центра ко времени после 239 г. По строительным остаткам видно, что жизнь после разгрома на месте Горгиппии возродилась в более позднее время, но в сравнительно меньших масштабах. С вторжением варваров связывается и новая волна сокрытия кладов, самые поздние монеты из которых датируются 30-ми годами III в.

Но в это время не все античные центры азиатского Боспора пострадали. Например, при раскопках Кеп следов пожаров и разрушений, которые можно было бы связывать с событиями 30-х гг. III в., не отмечено. Города и поселения европейского Боспора также до начала 70-х гг. III в. существовали без каких-либо серьезных потрясений. Следовательно, в 30-х гг. III в. лишь Горгиппия подверглась нашествию варваров.

Исследователи полагали, что разгром Горгиппии и изменение ситуации на юго-восточных границах Боспора следует связывать с установлением гегемонии аланов в степях Приазовья и Северного Кавказа. Однако возможен и иной путь решения вопроса о том, кем были варвары, разгромившие Горгиппию. Из сообщения Иордана известно, что в 30-40-х гг. III в. готы, двигавшиеся с севера Европы, разделились на западных и восточных, которые и пришли в район Меотиды. Иордан писал, что

третье место расселения готов было «на Понтийском море с другой стороны Скифии». Следовательно, можно говорить, что готы обитали не только на северном берегу Меотиды, но и где-то на юго-восточной границе Боспора, примыкавшей к Черному морю. Поэтому не исключено, что Горгиппия первой среди боспорских городов подверглась нашествию коалиции варварских народов, во главе которых стояло одно из германских племен, пришедших с севера. Об этом косвенно свидетельствует обнаруженный в 1987 г. при раскопках Горгиппии клад, который включал не только боспорские монеты, но и монеты Херсонеса и Тиры. Его мог спрятать на территории разрушенной Горгиппии один из пришедших сюда с запада варваров.

В этом отношении также показательны находки варварских подражаний римским денариям, самые ранние из которых датируются серединой III в. Сейчас установлено, что эти монеты принадлежали не местному населению, а племенам, пришедшим на Боспор откуда-то с запада, так как их основной ареал совпадает с территорией распространения Черняховской культуры. Помимо районов, занятых носителями Черняховской культуры, варварские подражания обнаружены на сравнительно ограниченной территории азиатской части Боспора, в Пантикапее, Тиритаке и на Северном Кавказе. При этом необходимо подчеркнуть, что такие монеты обнаружены именно в районе Горгиппии, где они находились в обращении наряду с боспорскими.

Все сказанное позволяет заключить, что в 30-х гг. III в. часть готов достигла Кубани и разгромила Горгиппию. Концентрация здесь варварских подражаний римским денариям свидетельствует, что пришельцы разрушили не только ранее цветущий город, но и осели на сравнительно продолжительный отрезок времени. Греческое население в ходе этого нашествия было частично уничтожено, а частично переселилось в Пантикапей и район Феодосии.

До недавнего времени считалось, что Танаис был разрушен варварами где-то между 244 г. и концом 40-х гг. III в. Ученые полагали, что в этих событиях главную роль сыграли герулы, которых считали одним из сарматских племен Приазовья, двигавшихся с востока на запад. Но недавние находки статеров Рескупорида IV в слое пожара позволили отнести разгром этого центра ко времени не ранее 251-254 гг. Как и несколько ранее из Горгиппии, часть населения Танаиса после этих событий переселилась на европейскую территорию Боспора.

Новая датировка разгрома Танаиса позволяет связать это событие с появлением на боспорском престоле Фарсанза, чеканившего монету в 253 и 254 гг. Сейчас трудно с уверенностью сказать, чем объясняется одновременная чеканка монет от имени Рескупорида IV и Фарсанза. Однако сокрытие пяти кладов монет на территории как европейского, так и азиатского Боспора, самые поздние монеты в которых датируются 251-254 гг., позволяет предполагать определенную дестабилизацию военно-политической обстановки на территории царства. Вероятно, Рескупорид IV под нажимом уступил власть над частью Боспорского царства Фарсанзу. Учитывая следы разрушений в Горгиппии и Танаисе, Фарсанз скорее всего утвердился не в европейской, а азиатской части Боспора. После разгрома Танаиса Рескупориду IV пришлось пойти на признание власти Фарсанза и на чеканку его монет на монетном дворе Боспорского царства. Судя по всему такое соправительство было всего лишь эпизодом и Рескупорид при первой же возможности прекратил чеканку монет Фарсанза. Не исключено, что это произошло в связи с первым походом готов вдоль восточного побережья Черного моря 255 (256) г., в результате которого он утратил свою власть.

Единственным источником об этом походе является сообщение Зосима о том, что варвары, взяв у боспорцев суда, направились к Пителинту и, разграбив его, вернулись обратно. Зосим не указывает, откуда был начат поход. Видимо, в нем принимали участие готы и другие

варвары, осевшие на азиатской стороне Боспора, которой управлял Фарсанз. Направление этого похода, как впрочем и следующего, 257 г., показывает, что участвовавшие в нем варвары были хорошо осведомлены о размерах добычи, которую можно было получить при захвате таких городов, как Питиунт, Фазис и Трапезунт. А это может служить косвенным аргументом в пользу того, что в указанных походах основную роль играли именно варвары, разгромившие в 30-х гг. III в. Горгиппию и осевшие в юго-восточных пределах Боспорского царства.

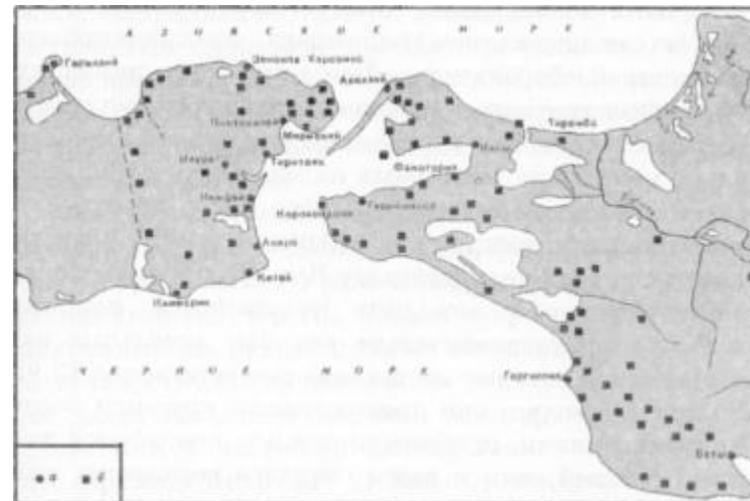
Итак, на основании имеющихся источников можно заключить, что вплоть до середины III в. Боспор оставался в орбите политики Римской империи, а его цари проводили в целом проримскую политику. Только в середине III в., когда царь Рескупорид IV уступил власть над частью царства Фарсанзу и вследствие варварских походов с территории Боспора, дружественные отношения царства с Римом, сложившиеся в предшествующий период, были нарушены. Это в конечном счете привело к изменению политики римской администрации по отношению к Боспорскому государству.

Организация сельскохозяйственной территории.

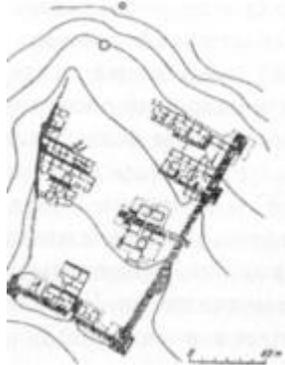
С середины I в. до н. э. начинается новый этап в истории Боспорского царства, который рядом весьма существенных черт отличался от эллинистического периода. Для него характерным является уменьшение общего количества поселений на сельскохозяйственных территориях царства в Восточном Крыму. К первым векам нашей эры относится только 76 памятников из почти 300 известных в настоящее время. Судя по топографии, поселения концентрировались в трех основных районах: к востоку от Узунларского вала, на мысу Казантип, который со стороны Керченского полуострова был защищен валом и рвом, а также к востоку и северу от Феодосии. Для европейского Боспора с середины I в. до н. э. наиболее характерными становятся поселенческие структуры, представленные памятниками двух типов. Это отдельно стоящие башни или форты, которые сконцентрированы в непосредственной

близости от Узунларского вала, и хорошо укрепленные поселения с компактной застройкой нескольких видов.

Страбон сообщает, что боспорский царь Асандр укрепил европейские границы своего государства оборонительной стеной с башнями. Помимо системы башен или фортов в непосредственной близости от Узунларского вала, особенно в Крымском Приазовье, в середине I в. до н. э. существуют укрепленные поселения с компактной застройкой. Такие поселения были хорошо укреплены, а некоторые имели цитадели. Они возникают на Боспоре еще в конце III в. до н. э., но окончательно их вид формируется на рубеже I в. до н. э. - I в. н. э. Несмотря на то, что некоторые башни и поселения в силу различных обстоятельств бурной боспорской истории периодически разрушались и гибли, в своей основе эта система просуществовала на территории европейского Боспора вплоть до середины - третьей четверти III в. Здесь жили военные поселенцы, охранявшие границы Боспорского государства.

Карта Боспорского царства на рубеже н. э.: а - города; б - укрепления и укрепленные усадьбы II-I вв. до н. э. - I в. н. э. по С.Ю.Сапрыкину

План боспорской крепости Илурат по И.Г.Шургая

Население поселений европейского Боспора зависело от правящей верхушки боспорского государства и являлось его военной опорой на западных границах. Именно это население, расселенное к востоку от Узунларского вала, должно было защищать наиболее густо населенную и экономически развитую часть царства. Если укрепления на этом валу и в непосредственной близости от него можно рассматривать в качестве сторожевых или сигнальных башен, а укрепленные поселения в качестве «узловых»

пунктов, где были сконцентрированы основные силы военных поселенцев, то так называемые укрепленные усадьбы, располагавшиеся на незначительном удалении от передовой линии, вероятно, являлись резиденциями боспорских должностных лиц. На них возлагался контроль за поддержанием надежного функционирования пограничной оборонительной системы и прилегающих к ней административных районов Боспорского государства.

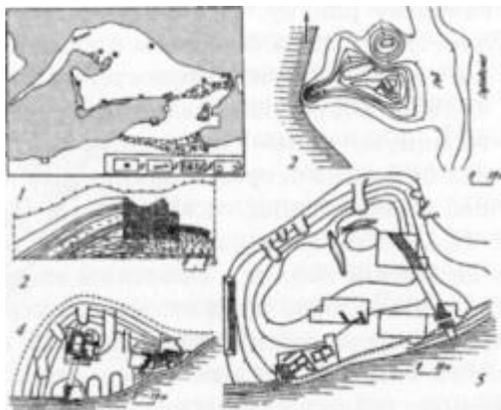
В Восточном Крыму преобладали держатели сравнительно небольших земельных наделов на землях, являвшихся собственностью боспорского царя. Вместе с тем продолжался и процесс концентрации земли, в частности на территории европейского Боспора в первые века. У с. Октябрьское и поселения Чурубашское, например, зафиксированы сравнительно крупные земельные наделы, площадь которых составляла соответственно 13,95 и 29,4 га. Очевидно, они принадлежали крупным боспорским чиновникам, приближенным или придворной знати царя, который, как и ранее, являлся верховным собственником земли.

Характер землевладения и землепользования на азиатской стороне Боспора имел определенную специфику. В первую очередь особое внимание следует уделить стра-

тегически важному району, расположенному на Фанталовском полуострове, где в 60-е годы прошлого столетия была изучена целая система крепостей. Долгое время считалось, что этот район, занимающий в настоящее время северо-западную часть Таманского полуострова, в древности был одним из островов архипелага и лежал на пути кораблей, следовавших из Меотиды в Понт. С юга его омывал Таманский залив, который через протоку соединялся в античный период с Азовским морем. Однако недавно было установлено, что в эллинистический период рукав р. Кубань, отделявший Фанталовский полуостров от южной части Тамани, уже высох. Вероятно, вследствие этого на месте его соединения с Фанталовским полуостровом, там, где он сушей соединялся с Фанагорийским полуостровом, был построен так называемый Киммерийский вал, который затруднял проникновение на его территорию.

На территории Фанталовского полуострова сейчас локализовано и частично исследовано 12 крепостей, «батареек», составлявших единую оборонительную систему и построенных одновременно. Их строительство началось еще во время правления Митридата VI Евпатора, а завершилось при Асандре, когда этот район стал особой административной единицей Боспорского царства во главе с неким Хрисалиском.

Фанталовская система крепостей была построена по последнему слову тогдашнего фортификационного искусства и играла важную роль в обороне восточных границ Боспорского государства. Рядом с крепостями открыты синхронные им неукрепленные поселения, а также следы мелиоративной системы более раннего времени. Жившее здесь население активно занималось и сельским хозяйством, в частности выращиванием зерновых. Таким образом, Митридат VI Евпатор внедрил на Боспоре систему расселения военных поселенцев, как и на территории Понтийского царства. Собираемая с них рента-налог за пользование землей являлась весьма существенным источником пополнения государственной казны. Конт-

Боспорские крепости на Фанталовском полуострове: 1 - схема расположения крепостей; 2 - Каменная батарея, план; 3 - Батарея I, план сохранившихся остатков; 5 - Патрей, план крепости. По Ю.М. Десятчикову

роль за ее сбором, вероятно, осуществлялся специальными уполномоченными боспорского царя, на которых была возложена обязанность руководства определенными административными районами государства. В правление Асандра одним из них, вероятно, был упоминавшийся уже Харисалиск, а при Аспурге - Менестрат, сын Менестрата, начальник Острова.

К югу от Фанагории существовал еще один административный округ Боспорского государства. Им, как свидетельствует надпись времени правления Тейрана (275/276-278/279 гг.), руководил хилиарх, который одновременно был и начальником аспургиан. Если исходить из сообщения Страбона, что аспургиане жили на территории в 500 стадий между Фанагорией и Горгиппией, то Фанталовский полуостров или Остров в этот округ не входил, а подчинялся непосредственно царю. Контроль за Фанагорией, получившей после восстания против Митридата VI Евпатора автономию и городское самоуправление, скорее всего осуществлялся представителем центральной власти, который по аналогии с Танаисом мог называться пресбивтом царя. На юго-восточных гра-

Мраморная посвятельная плита Трифона, сына Андромена, с рельефным изображением всадника. Танаис. II-III вв. н.э.

ницах Боспорского государства, по всей вероятности, находился еще один административный округ с центром в Горгиппии. Во главе его стоял специальный наместник царя.

Таким образом, строительство системы крепостей в Восточном Крыму и на Фанталовском полуострове, которое окончательно завершилось при Асандре, с одной стороны, способствовало ук-

реплению вооруженных сил царства, а с другой - было источником пополнения государственного бюджета. Возникновение военно-хозяйственных поселений на Боспоре, которые в количественном отношении преобладают над иными типами памятников, вероятно, следует рассматривать в качестве решающего фактора стабилизации социально-экономического и политического положения государства в период правления Асандра. Именно регулярные поступления в казну позволили возвести в Пантикапее мощную цитадель, строительство которой связывается с его деятельностью в 40-х гг. I в. до н. э.

Определенным земельным фондом владела какая-то часть жителей боспорских городов, но пока применительно к первым векам об этом с уверенностью говорить нельзя. Вероятно, в это время весь земельный фонд на территории Боспорского царства находился в собственности царя, и население большинства греческих центров, занимавшееся производством сельскохозяйственной продукции, за пользование своими участками должно было выплачивать определенный форос в государственную казну.

В почетных надписях из Агриппии (Фанагории) конца I в. до н. э. и первой половины II в. н. э. упоминаются Совет и Народ агриппийцев. В Горгиппии также функционировали органы городского самоуправления. Определенная гражданская организация существовала и в Пантикапее. Особый статус в составе Боспора имела Феодосия, где находился наместник царя, а также Танаис, контроль за которым осуществлялся специально назначенным пресбитвом. Крупные города Боспорского царства, а возможно, и некоторые другие обладали правами автономии, но контроль за деятельностью их гражданских общин осуществлялся специальными представителями царской администрации. Таким городам, расположенным на царской земле, в частности Горгиппии, верховной властью была дарована автономия и самоуправление. Видимо, в этих юридических рамках членам гражданских общин царем было предоставлено право владеть в округе городов землей, хотя ее верховным собственником по-прежнему оставался царь. При Аспурге горгиппийцы были освобождены от уплаты поземельной подати пропорционально урожаю, что свидетельствует об укреплении городской казны, куда, очевидно, вносилась плата за пользование землей. В ряде случаев гражданским организациям предоставлялись и другие финансовые льготы. Судя по наличию в Танаисе должности просодика, в боспорских городах, наряду с царскими фискальными чиновниками, существовали специальные выборные должностные лица, не связанные с царской администрацией, которые ведали финансами городов.

Особый интерес представляет надпись 151 г. н. э., в которой сказано, что боспорский царь Тиберий Юлий Реметалк передал богине в Фианнеях ранее принадлежавшие ей земли с обрабатывавшими ее пелатами. Это, с одной стороны, свидетельствует о наличии на Боспоре, видимо, в его азиатской части, храмового землевладения, а с другой - позволяет говорить о системе эксплуатации сельского населения на храмовых землях. Пелатов, упомянутых в этой надписи, следует рассматривать в качестве

арендаторов земли, которая, судя по «Афинской политии» Аристотеля, передавалась им на условиях выплаты шестой части урожая храму. Но это не были свободные арендаторы. В данном случае пелаты были прикреплены к земле. Поэтому есть все основания рассматривать эту категорию сельского населения как крепостных, которые обрабатывали землю, принадлежавшую храму, и выплачивали ему в качестве ренты-налога, видимо, часть урожая.

Хозяйственная деятельность, торговля и денежное обращение. Как и в предшествующий период, важной отраслью переработки продукции сельского хозяйства было производство вина. Исследования последнего десятилетия показали, что винодельческие комплексы концентрировались не только в округе боспорских городов, но и на сельских поселениях европейского Боспора. Если в эллинистический период винодельни концентрировались только в европейской части государства, то начиная с I в. вино производилось и в его азиатской части. Здесь зафиксировано их приблизительно в два раза больше, чем на Керченском полуострове. С I в. именно этот район становится ведущим в производстве разных сортов вин. В Патрее и на городище Батарейка II было налажено производство амфор для его транспортировки.

Об организации производства вина на Боспоре можно сказать немного. В первую очередь следует обратить внимание на то, что винодельческие комплексы первых веков открыты не только на сельских поселениях и небольших аграрных городках, как это было ранее, а и в достаточно крупных городах, даже столичном Пантикапее. Например, в Фанагории открыто восемь виноделен, а в Горгиппии - 12, большинство которых относится ко II - первой половине III вв. Винодельни первых веков были составной частью жилищно-хозяйственных комплексов этих центров, как, впрочем, и небольших аграрных городков европейского Боспора. А это, наряду с увеличением в винодельческих комплексах количества давяльных площадок и резервуаров, свидетельствует не только

о росте объемов производства, но и определенной хозяйственной специализации.

Концентрация виноделен в крупных городах позволяет предполагать, что владельцы таких комплексов, вероятно, непосредственно не участвовали в выращивании винограда, а могли либо скупать виноград для его дальнейшей переработки, либо перерабатывать его за часть урожая. Сказанное, как представляется, подтверждается наличием склада амфор в подвале частного дома, расположенного рядом с винодельней в Горгииппии, владелец которого мог не только производить, но и продавать вино. Винодельни группировались в определенных районах городов и поселений, где, очевидно, существовали какие-то профессиональные объединения виноделов.

Увеличение удельного веса виноградарства в сельском хозяйстве и связанного с этим производства вина привело к тому, что в этой отрасли производства участвовали не только частные лица. В Гермонассе, например, винодельня II—III вв. входила в состав культового или общественного комплекса, и доход от переработки винограда в данном случае шел на его нужды. Ряд винодельческих комплексов был собственностью не частных лиц, а гражданской общины, как показывает находка гири в Горгииппии для взвешивания винограда с надписью «народное достояние». В этом отношении примечательно, что винодельни, открытые на городище м. Зюк (Зенонов Херсонес) и в Илурате, использовались не членами какой-то одной семьи, а всеми жителями этих небольших боспорских сельских населенных пунктов. Переработка винограда носила специализированный характер: в целом ряде раскопанных винодельческих жилищно-производственных комплексов отсутствуют складские помещения, где должно было храниться произведенное вино. В общем это были сравнительно небольшие хозяйства, где работал ограниченный круг лиц. Вряд ли в этой отрасли производства использовалось значительное количество рабов. При сезонном характере производства вина их труд не был рентабельным. Процесс производства мог

осуществляться силами семьи хозяина с привлечением в сезон весьма ограниченного числа работников. Сезонный характер загрузки таких производственных комплексов, вероятно, позволяет предполагать, что именно в винодельческих хозяйствах наиболее оправданным было применение наемного труда.

Следовательно, увеличение объемов производства вина свидетельствует о росте в экономике Боспора удельного веса товарного производства. В связи с этим следует отметить, что увеличение количества виноделен в II—III вв. в боспорских центрах хронологически совпадает с ростом объемов выпуска амфор местными керамическими мастерскими. Тот исключительно важный факт, что амфоры, изготовлявшиеся в Фанагории и Горгииппии, обнаружены в основном на территории азиатского Боспора, свидетельствует о потреблении произведенного здесь вина в основном на месте. Увеличение выпуска амфор боспорского производства с первой четверти IV до второй четверти II вв. до н. э. и во второй четверти II - третьей четверти III вв. хронологически совпадает с ростом производства вина. А это в свою очередь позволяет рассматривать это явление в качестве наиболее четкого показателя пиков уровня развития товарного производства и боспорской экономики в целом.

Еще одним видом производственной деятельности населения в первые века была рыбозасолка. Рыболовный промысел на Боспоре известен с очень раннего времени, а вывоз соленой рыбы в амфорах из Пантикапея письменными источниками зафиксирован уже для IV в. до н. э. Есть основания предполагать, что одной из целей выведения боспорской колонии в дельту Дона в конце IV - первых десятилетиях III вв. до н. э. была добыча ценных сортов рыбы. Но рыбозасолочные цистерны здесь появляются только в первые века. Причем на Боспоре открыты комплексы небольших по объему ванн. Объясняется это скорее всего тем, что одновременно осуществлялась засолка нескольких промысловых сортов рыбы.

Развитие рыбозасолки было обусловлено увеличением объемов экспорта рыбы, которая, в частности, предназначалась для снабжения римских войск, расквартированных в близлежащих районах, в том числе и на границах Парфии. Однако боспорскую соленую рыбу потребляли не только солдаты, но и другие категории населения Римской империи, так как рыба была излюбленным лакомством римлян, а некоторые сорта рыбных соусов стоили очень дорого. Рыбозасолка, как и производство вина, свидетельствует об интенсификации хозяйства и безусловном увеличении его товарной направленности.

Продолжало развиваться на Боспоре и ремесленное производство: металлообработка, изготовление керамики, ювелирных украшений, стеклоделие, деревообработка, костеренное, кожевенное, ткацкое, строительное и другие ремесла. Однако главным является не наличие или отсутствие того или иного вида ремесленной деятельности, а его территориальное распространение в пределах античных населенных пунктов, качественный уровень развития и степень его специализации. Ведь только анализ характера ремесленной деятельности позволяет выявить специфику его организации, а также особенности производственных отношений и те социальные группы населения, которые в нем были заняты.

Важной отраслью ремесленного производства оставалась металлообработка. Вплоть до конца античной эпохи на Боспоре существовали кузнечно-литейные мастерские смешанного характера, свидетельствующие не только о невысокой специализации, но, видимо, и о преобладании в этой отрасли производства сравнительно небольших мастерских. Так, мастерская по обработке цветных металлов в Танаисе располагалась в черте городских кварталов и была тесно связана с лавкой, в которой продавалась готовая продукция.

Как и ранее, значительный удельный вес в ремесле занимало изготовление разнообразной керамической продукции, получившего достаточно широкое развитие не только в городах, но и на сельских поселениях в обо-

их частях царства. Керамическое производство в относительно крупных боспорских центрах было рассчитано не только на потребление их населением, но и на сбыт на внешних рынках. Очевидно, этим следует объяснять то, что, как правило, керамическая продукция в боспорских мастерских изготовлялась по привозным образцам.

В противоположность этому номенклатура керамической продукции мастерских, работавших на небольших боспорских поселениях, была значительно беднее. Несмотря на то, что есть основания предполагать изготовление уже с I в. до н. э. здесь краснолаковой керамики, все-таки такие керамические производства были рассчитаны главным образом на внутреннее потребление. А это позволяет говорить, что это производство в городах преимущественно было товарным, а на сельских поселениях в основном носило натуральный характер и не отличалось значительным уровнем специализации. В рамках отдельных хозяйств изготовлялась и лепная посуда, которая в значительных количествах встречается при раскопках.

Однако увеличение количества такой посуды в быту нельзя связывать исключительно с варваризацией населения. Ряд форм лепных сосудов являются подражаниями античной гончарной керамике, что в первую очередь свидетельствует о невысоком социальном положении лиц, пользовавшихся такой посудой. Производство лепной посуды носило домашний, натуральный характер и только в очень редких случаях, вероятно, в небольших количествах, такая керамика делалась для продажи. Наряду с изготовлением лепной керамики, домашний характер носило прядение и ткачество. Пряслица и ткацкие грузила находятся на территории всех без исключения боспорских городов и поселений. Не исключено, что иногда производство тканей носило и мелкотоварный характер.

Керамические печи для обжига гончарной керамики археологически зафиксированы в Пантикапее, Горгии, Патрее, Кепах, Гермонассе и на ряде других посе-

лений. Их можно считать универсальными, так как в них обжигались амфоры, пифосы, столовая посуда и др. В основном в этой отрасли преобладали сравнительно небольшие мастерские. В таком случае нельзя говорить о высоком уровне специализации керамического производства на Боспоре и об очень высокой квалификации мастеров, что являлось важным условием широкого применения рабского труда в ремесле. Вместе с этим на Боспоре существовали и узкоспециализированные керамические мастерские, как, например, коропластов, раскопанные в Пантикапее и Фанагории. Но производство в них велось в достаточно ограниченных масштабах, видимо, силами членов семьи хозяина с привлечением ограниченного круга лиц со стороны.

Сказанное хорошо согласуется с результатами исследований квартала ремесленников II-III вв., раскопанном на окраине Горгииппии. Здесь обнаружены остатки гончарных печей, формы для изготовления терракот и светильников, скопления изделий гончарного производства и др. В этом районе города жили не только гончары, но и металлурги, а также стеклоделы. Аналогичная концентрация гончарных печей отмечена на окраинах Пантикапея и Фанагории. Остатки металлообрабатывающего, керамического и стеклоделательного производств, открытые в крупных боспорских центрах, свидетельствуют, что ремесленные мастерские, как и в предшествующий период, были небольшими. А это, наряду с отсутствием крупных специализированных мастерских, не позволяет предполагать использования в них труда рабов классического типа в сколько-нибудь широких масштабах, ибо в условиях Боспора это не было экономически оправдано. В боспорской ремесле в основном было занято лично свободное население государства. Мелкотоварный характер боспорского ремесленного производства, которое во II-III вв. переживало подъем, позволяет говорить, что в этой отрасли производительной деятельности могли участвовать представители самых широких слоев населения. Ограничение прав гражданских общин крупных бос-

порских городов и широкое развитие царского землевладения, характерное как для эллинистического периода, так и для первых веков, дает основания предполагать, что морально-этическое отношение к ремесленному труду было несколько иным, чем в полисах классической Греции, и в ремесленном производстве на территории Боспорского царства были заняты не только беднейшие слои населения, но и часть граждан.

В первые века н. э. для жилой архитектуры городов весьма характерной становится хорошо развитая хозяйственная функция городских домов, о чем свидетельствуют не только квартал ремесленников, раскопанный в Горгииппии, но и дом винодела II-III вв. в Мирмекии, а также мукомольный комплекс того же времени в Танаисе. Аналогичное явление прослежено в архитектуре и других северопричерноморских центров, например, в Херсонесе, где раскопан хозяйственно-жилой комплекс с рыбозасолочной ванной. Безусловно, в крупных античных центрах это явление следует связывать с увеличением в экономике, особенно во II - первой половине III вв., удельного веса товарного производства промыслов и ремесла, которые приносили в это время устойчивый доход.

В противоположность городам, несколько иную картину отражает жилая архитектура сельских населенных пунктов Европейского Боспора. Изучение застройки поселения у дер. Семеновки и Илурата показали, что их жители сочетали занятие сельским хозяйством, скотоводством и рыболовством с производством керамики и ткачеством. Но, несмотря на определенную степень участия в товарно-денежных отношениях, о чем свидетельствуют находки монет на некоторых сельских поселениях, жители этих и подобных им сельских населенных пунктов вели в целом натуральное хозяйство. В немалой степени это, очевидно, было связано с различным правовым положением основной массы населения боспорских городов, ряд которых имел права внутреннего самоуправления, и жителями военно-хозяйственных поселений, располо-

женных на царской земле и плативших определенные подати ее верховному собственнику.

Если в эллинистический период производство вина было сосредоточено главным образом на сельских поселениях, в небольших боспорских городках (Нимфей, Мирмекий, Тиритака) и окрестностях Пантикапея, то в первые века винодельни фиксируются в пределах наиболее крупных городов Боспора (Пантикапей, Фанагория, Горгиппия). В этих же центрах наблюдается значительная концентрация ремесленных мастерских, а такие небольшие городки, как Тиритака и Мирмекий, наряду с виноделием, становятся центрами рыбозасолки. Все это позволяет говорить о постепенном изменении функций городов на территории Боспорского царства. Из преимущественно общественных и религиозных города во II-III вв. все больше превращаются в центры переработки сельскохозяйственной и изготовления ремесленной продукции, что, видимо, следует рассматривать в качестве одной из характерных особенностей их развития в это время. Иными словами, во II-III вв. боспорские города были уже не только центрами концентрации и перераспределения сельскохозяйственной продукции, но и ее переработки, а также сосредоточения различных ремесленных производств, которые располагались, как правило, на их окраинах. В хозяйственной жизни боспорских центров, особенно крупных, растет удельный вес товарного производства и обращения, что вело к более быстрому, чем это было ранее, развитию в них собственно городских социально-экономических структур. А это предполагает увеличение в составе их жителей лиц, которые не являлись землевладельцами и не принимали непосредственного участия в сельскохозяйственном производстве, что не могло не сказаться на социальном составе населения.

Стабилизация военно-политической обстановки вокруг Боспора привела к подъему сельского хозяйства, промыслов и ремесленного производства в I-II вв., что отразилось на объемах торговли как с античными цент-

рами Причерноморья, так и варварским окружением. В первые века с Боспора и близлежащих территорий в античные центры вывозились продукты земледелия, скотоводства и соленая рыба. В частности, по эпиграфическим памятникам известно, что из Горгиппии на рубеже II-III вв. шли на экспорт достаточно крупные партии зерна. Из античных центров на Боспор и далее в Северное Причерноморье поступали высококачественные вина и оливковое масло в амфорах, краснолаковая столовая посуда, производившаяся в Пергаме и на Самосе, стеклянные сосуды из Сирии, Египта, западных римских провинций и др. Все эти товары поступали на Боспор через античные центры преимущественно Южного Причерноморья, которые с периода вхождения царства в Понтийскую державу Митридата VI Евпатора оставались основными торговыми партнерами северопричерноморских центров.

Наряду с понтийской торговлей, в первые века продолжали развиваться экономические связи с варварским миром. Судя по сообщениям древних авторов и археологическим источникам, в Восточном Крыму самым крупным торговым центром оставался, как и ранее, Пантикапей, а на азиатской стороне Боспора - Фанагория и Горгиппия. В торговле с варварами особую роль играл располагавшийся в дельте Дона Танаис.

В силу специфики археологических источников, основные направления торговых связей прослеживаются главным образом по находкам амфор и другой античной продукции, привозившейся из античных центров. Однако недостаточная изученность центров производства амфорной тары и другой продукции античного ремесла первых веков в сравнении с предшествующими периодами не позволяет пока говорить об удельном весе в торговле с Боспором того или иного центра. Поэтому сейчас можно констатировать лишь то, что через античные центры, и в первую очередь, Пантикапей, Фанагорию, Горгиппию и, конечно, Танаис, античные товары в амфорах поступали к поздним скифам Крыма, населению Подне-

провья, Прикубанья и Нижнего Дона. При этом активизация внешнеполитической деятельности боспорских царей в западном направлении, начатая еще Аспургом, привела к развитию в I—II вв. торговых контактов с поздними скифами, в которых ведущую роль играл Пантикапей.

Через Фанагорию и Горгиппию в сферу экономической деятельности Боспора было включено население Прикубанья и Предкавказья, а через Танаис - Поднепровья и Подонья. В первые века н. э. значительное количество вина в амфорах боспорского производства поступало к сарматам и, видимо, в Ольвию и ее окрестности. Однако, учитывая, что большие красноглиняные амфоры боспорского производства использовались для хранения зерна и других припасов, в Ольвию они могли поступать и в качестве тары, с продукцией боспорского сельскохозяйственного производства или соленой рыбой.

Итак, можно заключить, что в первые века к варварскому населению Северного Причерноморья поступали товары не только изготовленные в античных центрах Южного Причерноморья, но и в боспорских городах и поселениях. Причем стабилизация военно-политической обстановки вокруг Боспора и развитие торговли как с античным миром, так и варварским населением привели к подъему местного сельскохозяйственного производства, промыслов и ремесла. Характерной особенностью торговых отношений с варварским населением Северного Причерноморья является использование боспорских и римских монет в качестве эквивалента, чего ранее не было. Об этом можно судить по находкам монет на нижнедонских городищах, располагавшихся в окрестностях Танаиса, что свидетельствует о наличии здесь товарно-денежного обмена. Этот археологически засвидетельствованный факт позволяет говорить о тесных и достаточно развитых экономических контактах варварского населения с Танаисом, что неизбежно вело к увеличению степени его эллинизации. Отмеченный процесс имел место и в окрестностях Херсонеса, где обмен с варварским населением в первые века частично был построен на

использовании денег. Такое же положение отмечено Тацитом для Германии, где деньгами пользовались преимущественно германцы, обитавшие близ границы с империей.

На основании имеющихся археологических источников, и в первую очередь остатков производственных комплексов, можно говорить о подъеме в I - половине III вв. не только внешней, но и внутривоспорской торговли, которая пока, к сожалению, практически не изучена. Хотя есть основания предполагать, что в связи с широким развитием мелкого товарного производства торговые лавки и торгово-ремесленные ряды концентрировались не только на рынках, но и на улицах более или менее крупных городов. Вместе с этим, систематизация нумизматических находок, обнаруженных при раскопках Тиритаки и Мирмекия, показала, что их общее количество значительно меньше, чем монет эллинистического периода. С другой стороны, количественный анализ находок монет, обнаруженных при раскопках Китея, не позволяет говорить о существенных изменениях в денежном обращении в сравнении с предшествующим временем.

Сейчас трудно что-то определенное сказать о причинах отмеченного явления. Но, вероятно, данные нумизматики более или менее верно отражают неравномерное экономическое развитие различных боспорских городов (в данном случае Мирмекия, Тиритаки, с одной стороны, и Китея - с другой) и неодинаковый уровень развития в них товарно-денежных отношений и товарного производства, а следовательно, внутреннего рынка. Характерной его особенностью является то, что в товарно-денежный обмен было включено не только население крупных боспорских городов, но и сельской периферии. Специальные исследования показали, что, если находки монет на сельских поселениях III—I вв. до н. э. - единичное явление, то в первые века количество монетных находок на сельских поселениях резко увеличивается. Это, с одной стороны, свидетельствует не только о развитии товарно-денежных отношений, но и об увеличении удельного веса товарного производства, в которое было вовлечено

население не только городов, но и сельской местности. С другой, учитывая, что на хоре Боспора жили военные поселенцы, которые должны были платить царской администрации определенную ренту-налог за пользование землей, рост количества монетных находок говорит в пользу предположения о выплате ее в денежном выражении. Если это так, то можно говорить о том, что роль товарно-денежных отношений в боспорском обществе в сравнении с предшествующим периодом выросла, а сфера использования денег расширилась на сельское население.

К сожалению, в силу специфики археологических источников в настоящее время о состоянии экономики Боспора на том или ином этапе исторического развития в первые века наиболее ярко свидетельствуют только данные нумизматики. Только нумизматика позволяет в самых общих чертах наметить время подъемов и спадов в экономике. Исследователями неоднократно отмечалось, что денежное обращение Боспора в первые века несло на себе печать римского влияния. Так, например, утверждение боспорского царя в Риме со времени правления Котиса I отражалось на монетах изображением инсигний. Боспорские монеты отражают не только события политической истории, но и те изменения, которые происходили в экономическом положении государства. Прекращение золотой чеканки Боспора в 62/63 гг. обычно объясняется тем, что именно в это время Нерон намерен был предпринять какие-то действия, направленные на превращение Боспорского царства в римскую провинцию. Не вдаваясь в детальное рассмотрение этого вопроса, хотелось бы подчеркнуть, что в пользу такого заключения нет прямых и надежных источников. Поэтому прекращение боспорской золотой чеканки может быть объяснено и иными причинами.

Финансовое положение империи в период правления Нерона было достаточно сложным. Безудержные траты императора и его приближенных, истощавших казну, привели к тому, что Нерон с целью ее пополнения не останавливался даже перед прямыми грабежами сограж-

дан. С середины 60-х годов I в. был понижен вес ауреусов, а в руках императора был сконцентрирован не только выпуск золота и серебра, но и медной монеты, которая до этого выпускалась от имени Сената. Все эти мероприятия в сфере финансов должны были обеспечить пополнение государственной казны, которая уже не могла безболезненно покрывать все возрастающие траты императорского двора. Если все это соотносить с прекращением чеканки золота, изменением типологии и веса медных монет на Боспоре, а также отсутствием чеканки монет Херсонеса и Тиры, то напрашивается вывод о тесной взаимосвязи этих событий.

Тацит сообщает, что в правление Нерона денежные поборы опустошили не только Италию и провинции, но и коснулись союзных народов и государств, которые именовались «свободными». Исходя из этого, можно говорить, что и Боспор не остался в стороне от этого процесса, который и нашел отражение в нумизматике. Видимо, Боспорское царство было обложено значительной данью, которая формально взималась как плата за защиту от варваров. На такую возможность указывает и сугубо проримская ориентация Котиса I.

Тиберий Юлий Савромат II прежде, чем перейти к активным военно-политическим акциям, около 186 г. провел денежную реформу, в результате которой в обращение был выпущен ряд новых монетных типов. Выпуск каждой новой серии даже медных монет приносил казне значительный доход и на время улучшал финансовое положение. А в данном случае основные закономерности монетного дела Боспора времени его правления убеждают в том, что денежная реформа этого царя была главным образом направлена на покрытие возросших военных расходов. Выпуск Савроматом золотых монет из бледного золота в годы, предшествовавшие реформе, свидетельствует об ухудшении экономического положения царства в сравнении с периодом правления Евпатора. Таким образом, можно констатировать, что неблагоприятные тенденции в экономике Боспора начали проявляться уже

при Савромате II. Однако они не носили катастрофического характера и были, видимо, замедлены после проведения денежной реформы 186 г.

В период правления наследника Савромата II - Рескупорида II экономическое положение Боспора ухудшилось, о чем можно судить по увеличению объемов чеканки и дальнейшему снижению содержания золота в монетах, хотя вряд ли можно говорить о начале экономического кризиса, вызванного внутриэкономическими факторами. Хронологически с этим совпадает появление царей-соправителей, что после правления Рескупорида становится обычной практикой. Введение института соправительства свидетельствует об ослаблении в первой половине III в. царской власти, связанное в первую очередь с падением экономического потенциала царства.

Если сравнить данные всех имеющихся источников, то можно констатировать, что, несмотря на безусловный

Боспорские монеты с изображением царя Рескупорида II (лицевая сторона) и императора Каракаллы (оборотная сторона)

подъем, который имел место на Боспоре на протяжении I—II вв., экономическое положение государства на протяжении всего этого времени не было устойчивым и стабильным. Периоды подъемов сменялись спадами, причем боспорская администрация предпринимала меры по предотвращению обесценивания статеров. Наиболее четко это прослеживается пока только по характеру монетных выпусков и денежному обращению. И только применительно к первой половине III в. на основании данных нумизматики можно говорить о первых серьезных признаках кризиса. Однако имеющиеся материалы не позволяют видеть его причины

исключительно в области экономики. Ухудшение экономического положения Боспорского царства в первую очередь было связано с постоянно увеличивающимися тратами боспорских царей, которые не только содержали огромный бюрократический аппарат, но и вынуждены были направлять значительные средства на укрепление обороноспособности государства в связи с существенными изменениями военно-политической обстановки на его границах, которые были вызваны передвижениями варварских племен.

Нарушение устоявшихся экономических связей, возросшие военные расходы, наконец, разгром Горгииппии и оседание в ее окрестностях нового, видимо, пришедшего с севера населения, а также начало так называемых «скифских» походов против римских провинций в комплексе явилось основной причиной полосы глубокого экономического кризиса, в который вступило Боспорское царство начиная с середины III в. Причем главной из перечисленных причин кризиса была гибель сельскохозяйственных поселений на территории хоры, ибо основой экономики Боспора было сельское хозяйство. Негативные процессы, происходившие в этой отрасли производства, являлись определяющими для всей экономической системы Боспора.

Социальный состав населения. Основные тенденции экономического развития Боспора во второй половине I в. до н. э. - третьей четверти III в. позволяют в общих чертах охарактеризовать социальный состав боспорского общества.

Боспорский царь продолжал оставаться верховным собственником земли, которая являлась основным условием и средством производства. Этим было обусловлено то, что царскую семью, его приближенные и государственный аппарат, который осуществлял политику на местах, следует рассматривать в качестве привилегированного слоя общества. В данном случае Боспорское царство в лице царя по праву обладания государственной властью выступало в качестве крупного собственника, который

отчуждал значительную часть продукта в форме налогов с земледельческого населения. Это позволяет говорить о значительном удельном весе государственно-редистрибутивного сектора в экономике Боспора. В таких условиях объем прав различных слоев фиксировался по сословно-правовому признаку, и сословное деление способствовало имущественному неравенству в обществе.

Представители боспорской знати, приближенной к царю, и чиновники государственного аппарата, опиравшиеся на вооруженные отряды боспорской армии, выступали в качестве слоя эксплуататоров основной массы населения государства. В качестве резиденций таких государственных чиновников можно предположительно рассматривать так называемые укрепленные усадьбы, как, например, укрепление у дер. Ново-Отрадное и дом Хрисалиска. Не исключено, что боспорские должностные лица, проживавшие здесь, сочетали государственную деятельность с занятием сельским хозяйством. Этим должностным лицам в окрестностях их резиденций царской администрацией выделялся определенный земельный фонд и они в условиях Боспора могут рассматриваться в качестве сравнительно крупных земельных собственников.

Значительный удельный вес государственно-редистрибутивного сектора экономики Боспорского государства предполагает, что его нормальное функционирование было возможно только при наличии значительного слоя населения, выплачивавшего земельную ренту-налог. В условиях Боспора это были держатели небольших участков земли, которая была им передана из царского фонда в условное владение. За пользование землей ее держатели должны были нести определенные повинности в пользу боспорского правящего дома и участвовать в вооруженной защите государства. Именно этот слой населения Боспора, значительную часть которого составляли эллинизованные варвары, и являлся основной производящей силой в сельскохозяйственном производстве в рассматриваемый период. Статус этой группы населения может быть определен как военных поселенцев. Причем имею-

щиеся в настоящее время данные позволяют утверждать, что такая система отношений на хоре Боспора начала складываться еще в позднеэллинистический период и просуществовала в своей основе вплоть до третьей четверти III в.

Военные поселенцы не имели гражданского статуса, но их нельзя рассматривать в качестве населения, которое эксплуатировалось методами исключительно внеэкономического принуждения. Они получали от царя небольшие наделы и, наряду с сельским хозяйством, занимались промысловой и ремесленной деятельностью. Небольшие размеры наделов, передававшихся военным поселенцам на территории Боспора, не позволяют предполагать, что для их обработки привлекались какие-либо социально зависимые слои населения или рабы. Они, безусловно, использовались для посевов в основном зерновых и обрабатывались самими военными поселенцами и членами их семей, социальный статус и имущественное положение которых были приблизительно одинаковыми.

Исходя из этого, можно заключить, что одной из самых многочисленных категорий сельского населения Боспора в первые века были военные поселенцы, которые, помимо хозяйственной деятельности, охраняли границы государства и являлись опорой боспорского царя. Но наряду с этим, за пользование землей они вносили в казну определенный налог-ренту, которая была существенным источником пополнения бюджета и способствовала нормальному функционированию Боспорского государства. Контроль за сбором ренты-налога осуществлялся специальными уполномоченными боспорского царя, на которых была возложена обязанность руководства определенными административными районами Боспора. Необходимо также подчеркнуть, что возникновение военно-хозяйственных поселений, которые в количественном отношении преобладают над иными типами памятников, вероятно, следует рассматривать в качестве решающего фактора стабилизации социально-экономического и политического положения Боспорского государства в первые века.

Неукрепленные сельские поселения, зафиксированные на территории азиатского Боспора, которые существовали здесь до конца античной эпохи, свидетельствуют о том, что на территории Боспора жили и иные категории сельского населения. Вполне возможно, что обитатели этих поселений, расположенных на царской земле, были организованы в общины и за пользование землей должны были также выплачивать в казну определенную ренту-налог.

Сейчас нет убедительных данных, которые бы позволяли говорить о наличии на Боспоре крупных латифундий, где применение в широких масштабах рабского труда было экономически оправдано. Вероятно, в крупных хозяйствах, как и на царской земле, в основном использовался труд населения широкого правового спектра. Причем военные поселенцы и зависимое сельское население, видимо, выплачивали ренту-налог в различных пропорциях.

Еще один социальный слой населения Боспора представляли жители боспорских городов. Какая-то их часть, безусловно, владела определенным земельным фондом, но, так как верховным собственником земли на Боспоре был царь, население большинства греческих центров за пользование своими участками, вероятно, должно было выплачивать определенный форос в государственную казну. В ряде случаев плата за пользование землей по распоряжению царя вносилась не в государственную, а городскую казну и эти средства в основном шли на нужды гражданской общины. Безусловно, имущественное положение населения больших и малых боспорских городов было разным. Среди него были и зажиточные люди, лица среднего достатка и бедняки. Однако все они были подданными боспорского царя и в силу этого должны были платить налоги.

Развитие ремесла, в котором количественно преобладали сравнительно небольшие мастерские, и локализация их в черте городских кварталов, где они были тесно связаны с лавками, свидетельствует о том, что в боспор-

ских городах в первые века в ремесленном производстве были в основном заняты лично свободные слои населения, которые, как правило, не использовали рабский труд или труд лиц со стороны. Мелкотоварный характер боспорского ремесленного производства позволяет говорить, что в этой отрасли производительной деятельности могли участвовать представители самых широких слоев населения.

Безусловно, в крупных античных центрах это явление следует связывать с увеличением в экономике, особенно во II - первой половине III вв., удельного веса товарного производства ремесла, которое приносило в это время устойчивый доход. Это вело к увеличению в составе их жителей лиц, которые не являлись землевладельцами или землепользователями и не принимали непосредственного участия в сельскохозяйственном производстве, что не могло не сказаться на социальном составе населения.

Суммируя, следует подчеркнуть, что социальная структура населения Боспорского царства во второй половине I в. до н. э. - третьей четверти III в., как и ранее, была достаточно близка той модели, которая в свое время была определена для всего древнего мира. Однако в силу конкретно-исторических условий политической жизни, сложившейся на Боспоре, здесь в экономике преобладал государственно-редистрибутивный или царский сектор, который базировался, как и в других сословно-классовых обществах, на натуральном и полунатуральном хозяйстве мелких производителей достаточно широкого правового спектра. Поэтому на Боспоре, особенно во второй половине I в. до н. э. - третьей четверти III в., в количественном отношении преобладала не частнособственническая, а налоговая эксплуатация подавляющего большинства жителей государства и на определенных этапах данническая эксплуатация покоренных соседних племен.

Частнособственническая эксплуатация, так же как торговая и ростовщическая, также, безусловно, существ-

вовала на Боспоре, но, исходя из имеющегося сейчас материала, ее нельзя считать ведущей. Ведь в условиях Боспорского царства только принадлежность к высшему сословию, из представителей которого формировался строго иерархический и разветвленный государственный аппарат, в условиях сравнительно ограниченного внутреннего рынка давала возможность участвовать не только в распределении ренты-налога, собиравшегося в разных формах с подавляющего большинства подданных царя, но и получать во владение крупную собственность, главным образом земельную. А это являлось неслучайным условием частнособственнической эксплуатации тех или иных групп населения и личного обогащения. Причем в системе производственных отношений Боспорского царства во второй половине I в. до н. э. - третьей четверти III в., как свидетельствуют приведенные материалы, труд рабов классического типа не мог и не стал господствующей формой эксплуатации в сфере материального производства. В сложившихся здесь условиях труд рабов в сравнительно ограниченных масштабах использовался в домашнем хозяйстве царя, его приближенных и какой-то части зажиточных боспорцев. Основной же производящей силой на Боспоре были различные категории лично свободного, но в той или иной мере зависимого от государства разноэтничного населения, занятого в сельском хозяйстве, ремесле и мелкой торговле, которые являлись подданными боспорского царя.

Новые культурные заимствования и влияния. Интенсивные связи Боспора с Римской империей сказывались не только на политике, но и на культуре. В первую очередь это нашло отражение в архитектуре городов, где появились новые типы сооружений. В Пантикапее, очевидно, существовал ипподром и термы (бани), которые были неслучайным атрибутом римского быта. На Боспоре возник совершенно новый тип города-крепости Илурат. В крупных городах были возведены новые храмы, портики, алтари в том числе и пятиколонные.

Но особенно поражает большое количество мраморных статуй боспорских и римских правителей. Из надписей известно, что в Пантикапее стояли статуи Нерона, Веспасиана, Адриана, Марка Аврелия и других императоров. Памятники боспорским царям, видимо, изготавливались приглашенными скульпторами. Надписи на постаментах носили совершенно иной характер, чем в до-римский период. Они изобиловали хвалебными эпитетами. Их ставили частные лица, цари и даже гражданские общины городов.

Ни в одном из северопричерноморских городов, даже тех, которые находились в орбите политики Рима, не стояло столько памятников императорам и царям, как на Боспоре. Причем их ставили не только в столице, но и в других городах - Фанагории, Гермонассе и Горгиппии. Особенно отличилась царица Динамия, любившая величать себя другом римлян, дочерью великого Фарнака, сына царя Митридата Диониса. От ее имени в Пантикапее и Гермонассе были установлены мраморные статуи ее «спасителя и благодетеля», сына бога, Августа, всей «земли и всего моря правителя», а в Фанагории - статуя его супруги Ливии. Здесь же стояли памятники и самой Динамии. До наших дней дошел только ее небольшой бронзовый бюст, исполненный в стиле портретной скульптуры времени Августа. Мастер талантливо передал ее индивидуальные черты и волевой характер царицы.

В первые века в боспорских городах стояли также статуи наместников. Одна из них Неокла из Горгиппии вы полнена по заказу его сына Геродота, также правителя этого города. Традиционно эллинистический тип стоящей фигуры с заложенной за гиматий на груди рукой характерен не только для статуи Неокла. В Пантикапее стояли

Мраморная статуя Неокла из Горгиппии.

II в. н. э.

две портретные статуи, видимо, известного здесь поэта или философа и его жены. Округлое молодое лицо с пышной курчавой прической направлено на зрителя. У его ног находится корзина со свитками. Молодая женщина как бы прислушивается к его словам.

По сравнению с портретной скульптурой культовые памятники получили меньшее распространение, чем раньше. Известна мраморная статуя Кибелы II в., являющаяся копией с греческой статуи классического времени. Из Пергама в Пантикапей была привезена статуя Афродиты, от которой сохранилась только голова с удивительно тонкой моделировкой лица богини.

Однако самые значительные изменения произошли на некрополях Боспора. Начиная со времени правления Фарнака и особенно в I—II вв. в Пантикапее существовало несколько мастерских, специализировавшихся на изготовлении надгробных стел. За всю историю Боспора не было изготовлено столько надгробий, как за время правления последних Митридатидов. Причем нередко это были сложные дву- и трехъярусные стелы с различными изображениями, которые в своей массе являлись подражаниями малоазийским. Но сюжеты на них и образы людей чаще всего носили типично боспорский характер.

Трехъярусная боспорская надгробная стела.

I-II вв. н. э.

Семантика этих рельефов вызывает большой интерес. В ее расшифровке ученые видят взаимосвязь жизни умершего с потусторонним миром. Развивались на Боспоре и представления об умершем, как о герое. Апофеоз героя, прошедшего жизнь и даже преодолевшего смерть, что в итоге приносило полное блаженство вечного существования, художники показывали путем

изображения загробных трапез, спокойно стоящих всадников, как бы ожидающих встречи с богиней, которая обеспечит им бессмертие, преподнося руками мальчика - слуги воду из источников Мнемозины. Очень часты изображения стоящих в гиматиях мужчин с правой рукой у груди и мальчиком - слугой в глубоких нишах с полукруглым обрамлением. Иногда мужчина стоит с женщиной, взявшись за руки, или оба восседают в креслах. Образ женщины всегда более печальный.

Особенно примечательны индивидуальные стелы с изображением плывущих на лодке воинов. На полностью сохранившейся стеле Гозия первой половины II в. под венчающим карнизом и рельефным фронтоном размещены три сцены. Вверху - загробная трапеза: между лежащими мужчиной и сидящей женщиной представлена невыразительная фигурка ребенка. Под ними изображена сидящая в кресле в траурной позе женщина и стоящие перед ней один другого меньше юноши. Старший опирается на посох. А внизу представлены фигуры четырех юношей, две из которых вооружены копьями и щитами. Внизу высечена скромная надпись: «Гозий, сын Сострата, поставивший стелу своего сына Лисимаха».

На стелах изображены представители разных социальных групп боспорцев, но главным образом зажиточных. Купить или заказать такую стелу с рельефным изображением, даже не очень хорошего качества исполнения, вряд ли мог каждый. Мастера часто пренебрегали знаниями анатомии человеческой фигуры, делали массу ошибок не только в ее построении, но и в передаче различных предметов. Низкое качество и их небрежность в определенной степени скрадывались раскраской. Однако эти памятники являются ярким свидетельством отсутствия даже в столице Боспора высокопрофессиональных и талантливых мастеров.

Тем не менее эти стелы, порой схематичные и простые стелы, при внимательном рассмотрении раскрывают многие детали жизни боспорцев: не только отношение к загробному миру и вере в бессмертие членами

семьи, их повседневные занятия и увлечения, но и этнические тины, характерные черты их лиц и фигур, костюмы, украшения, вооружение, мебель и т. д. По этим рельефам можно изучать мировидение боспорцев, мастерство их художников, быт, социальное положение и настроение действующих лиц.

Особенно впечатляют те стелы, на которых были высечены многострочные стихотворные эпитафии. Вообще создается впечатление, что особый интерес к рельефным памятникам вызвал стремление к сочинению поэтических произведений. Нам неизвестны имена боспорских поэтов. Эпитафии обычно не подписывались, хотя среди них немало сложено по соответствующим стихотворным канонам и размерам. По количеству и разнообразию боспорские стихотворцы опередили всех греков Северного и Западного Причерноморья. Они хорошо владели техникой составления кратких элегических дистихов, ямбических триметров, гекзаметров, явно знали стихи эллинских поэтов.

Большинство эпитафий обращены к прохожим. В них дается краткая информация об умершем. Нередко божества смерти наделялись злыми эпитетами: «ненавидящий, горестный Аид», «тяжкий Аид», «завистливый Аид», «смертоносная Мойра», «нечестивая Мойра» и т. п. Из них известно, что на Боспоре умирали выходцы из других городов. Так, одна из них повествует о смерти молодого учителя гимнастики, приехавшего из Синопы и усыновленного здесь неким Хематионом:

«Фарнак, сын Фарнака, прощай.

Взгляни, странник, на памятник Фарнака, которого сломил тяжкий Аид, уловив в свои сети несчастного юношу, по профессии учителя гимнастики, возраста молодого, ушедшего по своей доблести из родной Синопы на запад. Урну его скрывает Боспорская земля, и на глазах у всех гимнасий оплакивает его немymi слезами. Хематион, приемный отец его, превзошел в любви своей природного отца, поставил на могиле каменный памятник».

Вместе с этими новшествами в оформлении внешнего вида могил на Боспоре особую популярность получает украшение стен и потолков погребальных склепов монументальной живописью. Очевидно, так же расписывались и стены богатых жилых домов, но их росписи не сохранились. Роспись велась в основном в технике фрески – то есть по сырой штукатурке или прямо по камню. Такого вида живопись была известна в Пантикапее, Фанагории и Гермонассе еще в раннеэллинистический период, но потом какое-то время не применялась. Своеобразная мода на нее существовала в I–II вв. Здесь нашли применение три стиля: структурный, цветочный и инкрустационный. В сюжетном плане выделяется условно-иератическое и реалистическое направление. При исполнении композиционных решений применялись все три стиля.

Примером условно-иератического направления служит так называемый склеп Деметры в Пантикапее. На его стенах и потолке изображено несколько мифологических фигур: Гермеса, грустящей нимфы Калипсо, сцена похищения Кору Плутоном на колеснице, запряженной четверкой лошадей и сопровождающим их Эротом. В центре плафона находилась большая голова Деметры с огромными широко открытыми и печальными глазами. Человеческий образ богини поражает глубиной чувств и мастерским исполнением черт лица.

Сюжеты, воспроизводящие реальные сцены из жизни боспорцев, переданы чаще всего схематично, фигуры на них плоские и непропорциональные, нередко размещены среди лепестков

Сцена похищения Кору Плутоном. Роспись керченского склепа Деметры. I в. н. э. по М.И.Ростовцеву

Роспись стены
в склепе Анфесте-
рия. I в. до н. э. -
I в. н. э. по
М.И.Ростовцеву

и листочков разных цветов. Так, в склепе Анфестерия роспись расположена над рядом кадров и состоит как бы из нескольких сцен. В верхнем ряду стоит круглый стол и слуга с сосудом в руках. С правой стороны изображено ветвистое дерево с горитом. Возле него - войлочная юрта, в проеме которой видны две сидящие фигуры. Недалеко в большом кресле сидит женщина, по обе стороны от нее - фигуры стоящих слуг. К этой группе скачут два всадника. Сюжет, очевидно, связан с каким-то важным событием в жизни умершего.

Особенный интерес из всех сохранившихся росписей представляет изображение на стенке каменного саркофага из Пантикапея. Здесь изображена мастерская художника - энкауста. Сам он сидит перед мольбертом, держа в правой руке над жаровней инструмент. На стене висят портреты в круглых рамках. Исходя из этой уникальной картины, можно с уверенностью говорить, что в столице

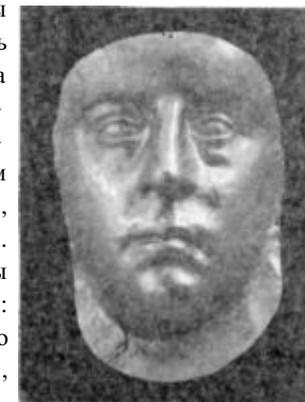
Мастерская боспорского художника. Роспись саркофага. II в. н. э. по М.И.Ростовцеву

Боспора существовала станковая портретная живопись. Похороненный в этом саркофаге, бесспорно, был художником. Боспорские мастера нередко писали на стенах склепов батальные сцены, столь характерные для жителей Боспора в их земной жизни, а также другие сюжеты.

Не так давно в Горгиипии открыт богатый склеп с росписями. Нижние части стен имитируют пестро-мраморную облицовку с живописно стоящими колоннами. Под ними размещена полоса свисающей драпировки с вырезанными масками в изгибах ткани. В верхнем ярусе помещены живописные сцены, отражающие двенадцать подвигов Геракла. В этом же склепе сохранилось изображение сидящих за столом бородатого мужчины, двух женщин и двух юношей, а напротив входа в погребальную камеру - сцена с сидящими в креслах мужчиной и женщиной, рядом с которыми стоял юноша. Фигуры людей обрамлены нарисованными деревьями, павлинами, черепахами, венками из ветвей и т. п.

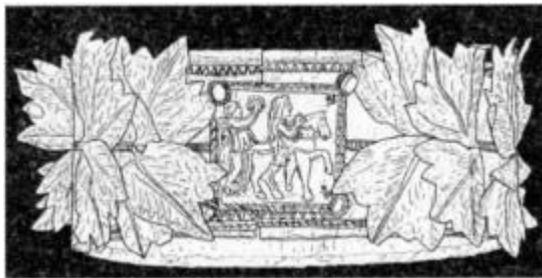
В каждой росписи, несмотря на ее примитивизм, заключен глубокий религиозный смысл, понятный родственникам умершего или же ему самому, если склеп сооружался и расписывался еще при его жизни. В расшифровках их семантики и сюжетов современными учеными всегда неизбежны погрешности, индивидуальное видение и понимание соответственно их личному мировоззрению.

В отдельных погребениях в некрополе Пантикапея обнаружены богатые комплексы вещей. Из них следует отметить большой курган, в котором на глубине более 4 м стоял мраморный саркофаг. В нем лежал скелет боспорского царя в полном убранстве, по всей вероятности, Рескупорида III. Еще в 1837 г. А.Б.Ашиком здесь были найдены разнообразные золотые изделия: диадема, ажурные браслеты со вставками из цветных камней, сложные многоярусные серьги, перстни, гривна, деревянное веретено, покрытое золотой фольгой,

Золотая погребальная маска царя Рескупорида III

части конских уборов и другие предметы. Здесь же находилось много разных серебряных и бронзовых сосудов, в том числе и эллинистического периода. Однако самой замечательной находкой была уникальная погребальная золотая маска царя.

Золотой венок с изображением царя и богини победы Ники. III в. н. э.

Очевидно, в первые века новой эры на Боспоре установилась традиция увенчивать золотыми венками представителей царского рода и самих царей. На некоторых венках из больших золотых листьев посередине вставлялись медальоны с различными изображениями. Эта традиция в погребальном обряде существовала и в позднеантичное время. Об этом свидетельствует погребение правителя Боспора, на голове которого был надет золотой венок с крупным гранатом в центре; шею украшала золотая гривна с фигурными концами. Рядом с ним лежали железный меч в золотых ножнах, железное копье и кинжал, оббитый кожей щит, богатый конский убор и стеклянные сосуды. Здесь же найдены и два прекрасных серебряных блюда. На дне одного изображен император Констанций, на другом - всадник с оруженосцем и Никой. Отсюда видно, что не разграбленные, - а это встречается крайне редко, - погребения боспорских царей и знати дают ученым очень много интересных и важных сведений не только об их жизни, но и общекультурных ценностях, развитии внешнеполитических и экономических контактов в тот или иной период истории Боспорского государства.

В культурной жизни боспорцев большое значение всегда имела музыка. Игрой на различных инструментах

сопровождались религиозные, погребальные и брачные ритуалы. На саркофаге II в. из Пантикапея сохранилась уникальная роспись с изображением оркестра. В центре сцены юноша играл на инструменте, который по форме напоминает орган. По обе стороны от него другие юноши играют на двойных флейтах. На Боспоре найдены фрагменты разных инструментов, в том числе и металлической трубы.

Мраморная скульптура льва. I в. до н. э. - I в. н. э.

В декоративно-прикладном искусстве также произошли определенные изменения. Очевидно, в честь побед в святилища дарили небольшие мраморные и известняковые вотивные скульптуры. Из них неплохо сохранились изваяния орла и Ники, закалывающей быка. Среди более крупных памятников декоративной скульптуры следует отметить полностью сохранившуюся мраморную статую льва, попирающего передней лапой голову быка. Она искусно полностью высечена из одного огромного блока мрамора, очевидно, в Пантикапее приезжим скульптором. В это же время появилось много предметов, украшенных изображениями египетских и малоазийских мифологических образов (Сарапис, Исида, Гор, Анубис, Аттис, Немезида, синкретические безымянные персонажи с восточными астральными символами). Значительное распространение получили различные магические верования. В коропластике начали уделять внимание изготовлению статуэток восточных или греко-восточных синкретических божеств: Гермеса, Аттиса, Мена, Митры, Эрота-Мена, Эрота-Аттиса и т. п. Большинство из них низкого художественного качества, так как они изготовлялись для сбыта в среде бедных слоев населения. Но вместе с тем продолжалось изготовление терракот давно почитаемых божеств: Деметры, Матери богов, Афродиты и др.

*Деревянный саркофаг.
Пантикапей. II в. н. э.*

резьба по кости. Из Пантикапея происходят разнообразные костяные тессеры и шашки с изображением мужских и женских голов. Искусно вырезались фигурки Афродиты, различные накладные пластинки для шкатулок и мебели с сюжетными изображениями из жизни богов и людей.

Со времени интенсивных связей с Римской империей и ее восточными провинциями так или иначе происходило внедрение негреческих или же синкретических культов, в которых прослеживалась основа какого-нибудь греческого божества. Боспорские цари, начиная с Котиса I, в официальных надписях присоединяли к своим именам по римским обычаям имена Тибериев и Юлия, именуя себя пожизненными первосвященниками (архиереями) в культе римских императоров. В надписях на постаментах статуй их величали спасителями и благодетелями, владыками всего Боспора и даже всей вселенной. Однако, поскольку культ императоров был распространен в царских родах и был введен по их инициативе с целью подчеркнуть их лояльность и дружбу с империей, его вряд ли восприняли греческие граждане

К исключительно интересным памятникам боспорского художественного ремесла относятся ажурные рельефы саркофагов, вырезанные из дерева. От них сохранились только отдельные части. Но даже по этим фрагментам видно мастерство их исполнителей, прекрасно владевших приемами резьбы по дереву и росписью сделанных рельефов. Продолжала развиваться здесь и

Боспорское царство и Римская империя

городов. Он скорее носил политический, а не религиозный характер и свидетельствовал о лояльности боспорских царей по отношению к империи.

При Динамии были введены культы египетских божеств. Изображение их голов на монетах указывает на официальный характер культа египетской диады, ставшей популярной в Риме и провинциальных городах. Как и культ Кибелы, он сопровождался мистическими празднествами, танцами, песнями и процессиями, в итоге служившими духовному очищению их почитателей.

В связи с различными новыми течениями в религиозных воззрениях восточного происхождения на Боспор привозилось много вотивных предметов, амулетов, украшений для пропаганды солярных культов, астрологических представлений о жизни и смерти. В изображениях, главным образом, на царских монетах вводятся новые символы: полумесяц, звезда, орел на молнии, венки, головы Персея, Зевса Аммона, Сараписа и др. Большинство монет содержит портретные изображения римских императоров. Значительную популярность получает и соответствующая им атрибутика, состоящая из разных видов вооружения.

Но, пожалуй, наиболее удивительным являлось внедрение культа безымянного Бога Высочайшего Внемлющего. В нем до сих пор усматривают какое-то синкретическое божество с функциями то греческого Зевса и иудейского Яхве, то фрако-македонского Зевса - Сабазия, подвергнувшегося влиянию иудаизма, то солярного иранского бога в виде всадника и т. д. Как бы там ни было, но из содержания боспорских манумиссий ясно, что культ Бога Высочайшего испытал на себе влияние религиозной практики иудаизма. Вокруг этого культа в Пантикапее, Горгиппии, Танаисе существовали специальные мужские объединения (фиасы). Во главе союзов стояли жрецы, синагоги, филагары и парафилагары, которые руководили религиозной жизнью рядовых фиаситов. В надписях отмечены и другие должности, в том числе секретаря и казначея.

Деталь росписи склепа сабазиастов. II в. н. э. по М.И.Ростовцеву

В такие объединения входили знатные люди, государственные чиновники и царедворцы. Они играли значительную роль в политической и культурной жизни городов. Поскольку фиасы, составляя посвященные плиты своему Богу, не скрывали собственных имен, то,

очевидно, что это были организации, куда при желании могли вступить и другие граждане. Члены фиасов называли друг друга братьями, воспитывали своих детей в духе религии Бога Высочайшего. Тем не менее, если только на каменных стелах отмечались имена всех членов фиасов, в них состояло не очень большое количество мужчин. Постепенное распространение такого культа с явным монотеистическим уклоном, наряду с другими восточными культами, не могло не сказаться на трансформации традиционных религиозных верований боспорян.

Старые греческие боги-защитники в государственной религии отходили на задний план. Но, следует думать, многие греки продолжали их почитать, тем более, что не известны какие-либо религиозные запреты. Наоборот, видимо, под их влиянием некоторые боспорские цари строили новые храмы и отстраивали колоннады храма Афродиты Урании в Фанагории. Наместник царя Фарнакион построил новый храм Афродите Навархиде в Горгииппии. Савромат II обновил храм Ареса в Пантикапее и принимал участие в сооружении горгииппийского храма Посейдона. Патрида Китея в 234 г. построила храм Зевсу - Богу Гремящему, а на акрополе Пантикапея стояли памятники Деметре и Матери богов. Значительно вырос авторитет культа Афродиты Урании, Владычицы Апатура. Этим боспорская элита выражала свое уважение ста-

рым греческим божествам, без почитания которых боспорские греки не мыслили своего существования в новых условиях при разных и таких не похожих друг на друга царях, как по своему этническому происхождению, так и по проводимой ими политике.

Сближением Боспорского царства с Римом и созданием разветвленной системы военных поселений на земле, верховным собственником которой являлись боспорские цари, обуславливались стабилизация военно-политической обстановки и расцвет во всех без исключения сферах жизнедеятельности его населения. На протяжении I—II вв. Боспорское государство переживало новый экономический подъем и, несмотря на ряд порой весьма существенных изменений, в сравнении с предшествующим временем по-прежнему оставалось одним из самых могущественных государственных образований в бассейне Черного моря. Только в первой половине III в. начинают фиксироваться первые кризисные явления. Но они были обусловлены причинами внутреннего социально-экономического и политического развития, а в первую очередь изменениями на границах государства и активизацией варварских народов, усиливших нажим на Боспор. Вследствие ослабления центральной власти Боспорское царство стало легкой добычей варваров, которые использовали его территорию как базу для вторжения в пределы римских провинций. А это, естественно, не могло не сказаться на боспорско-римских взаимоотношениях. С середины III в. Боспор вступает не только в полосу жесточайшего социально-экономического кризиса, но и в последний период своего развития, которым и заканчивается античная эпоха его истории.

ПОСЛЕДНИЕ СТОЛЕТИЯ В ИСТОРИИ БОСПОРА

... Когда-то и вы назывались царством,

Гордо на форуме здесь трон золоченый стоял.

Нынче поет среди стен лишь унылая дудка пастушья.

Зреют на ваших костях в поле широком хлеба...

Проперций

С третьей четверти III в. в истории Боспора, как и в истории античных государств Северного Причерноморья, начинается новый этап исторического развития. Если раньше он тесно увязывался с социально-экономическим кризисом в Римской империи, то теперь основное внимание должно быть уделено последствиям варварских нашествий, получивших название «готских» или «скифских» войн. Их результаты не могли не отразиться на особенностях социально-экономического и политического развития Боспорского государства.

Варварские вторжения на Боспор. Между концом 50-х и концом 60-х гг. III в. варвары захватили Тиру и Ольвию, а несколько позже, около середины 60-х гг., по территории Таврики прокатилась новая волна варваров, разгромивших не только позднескифские городища и населенные пункты европейского Боспора. Сюда варвары вторглись с запада, так как античные поселения, расположенные на Таманском полуострове, не пострадали.

С их продвижением на европейский Боспор следует связывать целый ряд кладов, самые поздние монеты из которых датируются 267 г., и прекращение боспорской монетной чеканки в 268 г. Это свидетельствует о силе удара варваров и о его плачевных последствиях для боспорской экономики. Вполне возможно, что к этому времени относится надпись царя Хедосбия второй половиной III в. Этот царь мог стоять во главе вторгшихся на Боспор варваров и, захватив на какое-то время власть в Пан-

тикапее, осуществил подготовку и проведение морского похода 267-268 гг. против римских провинций.

Если до рубежа 60-70-х гг. III в. для взаимоотношений Римской империи и варваров были характерны вооруженные конфликты, то после 269 г. римская администрация стала практиковать расселение части варваров, в частности готов, вдоль правого берега Дуная на правах своих союзников. Это не могло не ослабить нажим на империю. Со времени правления императора Аврелиана (270-275 гг.) положение на дунайской границе империи стабилизируется, и в Северо-Западном Причерноморье появились постантичные раннеполитические образования, в состав которых были включены бывшие античные города, которые следует рассматривать в качестве политико-редистрибутивных центров обширной варварской конфедерации. Становление такого раннеклассового варварского государственного объединения представляет собой глобальное явление на определенной ступени социально-экономического развития евразийской варварской периферии античного мира.

До последнего времени считалось, что после разгрома Танаиса в середине III в. жизнь на его территории возродилась только во второй половине IV в. Однако не исключено, что новое поселение на этом месте возникло уже в конце III - начале IV вв. При раскопках Танаиса в слоях после середины III в. обнаружен материал, свидетельствующий о продолжении жизни на месте бывшего античного города. Наличие в верхних слоях Танаиса нескольких групп лепной керамики, типологически близкой Черняховской, и других предметов материальной культуры позволили сделать вывод о проникновении сюда с запада этнически близких групп населения, обитавшего на развалинах античных Тиры и Ольвии. Возможно, что в таких центрах продолжали жить и греки.

В связи с отсутствием боспорских монет между 268 и 275 гг., трудно сказать, как складывалась обстановка после нашествия варваров 268 г. Однако возобновление их выпуска с 275 г. и появление монет сразу трех боспорс-

ких царей - Рескупорида IV, Савромата IV и Тейрана в общих чертах, хотя и во многом гипотетично, позволяет реконструировать события боспорской истории этого времени.

Несмотря на вторжение варваров в конце 60-х гг. III в. в пределы Европейского Боспора, Рескупорид IV сохранил власть по крайней мере над частью царства, хотя вполне возможно в ходе бурных событий она могла быть существенно ограничена. К 275 г. кризис, вызванный вторжением, был преодолен. Вероятно, что Рескупорид, бежавший из столицы, где находился монетный двор, к этому времени возвратился в Пантикапей. Совместно с Рескупоридом IV чеканил монету и царь Савромат IV (275/276 г.), появление которого на престоле нельзя объяснять социальной или какой-то иной борьбой. Статеры Савромата IV на оборотной стороне имели изображение бюста римского императора. Сложившееся положение объясняется тем, что в преддверии угрозы варварского вторжения Рескупорид IV укрылся на азиатской стороне Боспора, где отсутствуют следы пожаров и разрушений этого времени. А после возвращения в Пантикапей сделал своим соправителем одного из пользовавшихся авторитетом в этой части государства вельмож, который получил при вступлении на престол имя Савромата IV. Скорее всего, он происходил из среды сильно варваризованного населения этого района. Такое соправительство могло быть оговорено с представителями социальной верхушки населения азиатской территории Боспора еще раньше, как плата за убежище, предоставленное Рескупориду.

Царствование Савромата IV совпадает с очередным походом припонтских племен в малоазийские провинции Римской империи. В нем были использованы и на этот раз боспорские корабли и участвовали варвары, хорошо знакомые с предыдущими походами вдоль восточного побережья Черного моря. В 275 г., достигнув Фазиса, они вторглись в Понт и двинулись в глубь Малой Азии. Пройдя Понт и Вифинию, варвары дошли до Каппадокии. Навстречу им выступили две римские армии, кото-

рые нанесли им несколько поражений. После этого, вероятно, на кораблях, находившихся где-то у берегов Южного Понта, они пытались отступить, но у Боспора Киммерийского были разгромлены преследовавшим их римским флотом. За победу над варварами император Тацит (275 -276 гг.) получил титул Готского и Понтийского, а Проб (276-282 гг.) - Готского.

Этот поход против римских провинций плохо согласуется с политикой боспорских царей, которую они проводили после готских войн конца 60-х гг. III в. Вполне возможно, что соседние с Боспором варвары, первоначально бывшие союзниками империи, были направлены боспорским царем Аврелиану для участия в войне с персами. Но после смерти этого императора нужда в них отпала. Варварские дружины, не желая возвращаться без обещанной добычи, по собственной инициативе вторглись в малоазийские провинции, грабя все на своем пути. Не исключено, что их мог возглавлять Савромат IV, вероятно, погибший в ходе одного из столкновений с римскими войсками.

Вслед за этим последовало появление на боспорском престоле нового соправителя Рескупорида IV - Тиберия Юлия Тейрана (275/276-278/279 гг.), который после его смерти правил самостоятельно еще два года. Имя Тейрана считается иранским. Если он и не принадлежал к боспорской династии Тибериев Юлиев, то стремился, чтобы так считали. В период его правления была одержана весьма крупная победа, в ознаменование которой в Пантикапее был воздвигнут памятник «богам небесным, Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице, за победу и долголетие царя Тейрана и царицы Элии». Эта победа по своему значению была равносильна спасению государства и может быть связана с восстановлением юрисдикции монарха на всей его территории. Весьма показательным, что памятник был воздвигнут от имени высшей знати Боспорского государства, а после имени Тейрана был поставлен титул «друг цезаря и друг римлян», свидетельствующий о про-римской ориентации этого царя и сохранении им тради-

ций, установленных еще последними наследниками Митридата VI.

Очевидно, воспользовавшись поражением варваров, нанесенным им римским флотом, Тейран возглавил борьбу с остатками участников похода 275 г. и в результате решительных действий не только обезопасил государство, но и подчинил их власти боспорского царя. В конкретно-исторических условиях развития Боспора середины 70-х гг. III в. только такая победа и возвращение к проримской ориентации, а может быть и восстановление реального союза с империей, были равносильны спасению государства. Подтверждается это и стабилизацией взаимоотношений Боспора с империей после 275 г., и активным строительством в Пантикапее.

Ввиду того, что история античных государств Северного Причерноморья конца III—IV вв. очень фрагментарно освещена источниками, особое значение для ее реконструкции имеет 53 глава труда Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанная на основании херсонесских хроник, датирующихся временем не позднее V в. Сейчас, несмотря на беллетристический характер изложения, не вызывает сомнений, что в основе повествования об истории Херсонеса и Боспора лежат реальные исторические события. Хотя в его рассказе много неясных мест, ряд данных, в том числе упоминание реальных римских императоров и имен высших херсонесских магистратов, убеждает в правомерности использования этого труда для изучения истории Северного Причерноморья III—IV вв.

Константин Багрянородный сообщает, что, когда в Риме правил император Диоклетиан (284-305 гг.), Савромат, сын Крискорона, боспорянин, собрал «скифов», населявших берега Меотиды, выступил против римлян, захватил страну лазов и дошел до р. Галис (р. Кызыл-Имрек в Турции). Император направил против них войска во главе с трибуном Константом I (Констанций Хлор), который, однако, не смог справиться с противником. Тогда Диоклетиан обратился в Херсонес с просьбой

оказать помощь. Херсонеситы, собрав войска, нанесли удар в тыл Савромату и захватили его столицу. После этого был заключен мир с варварами на выгодных для империи условиях. Рассматриваемые события происходили, вероятно, в 291-293 гг.

Если это было так, то поход варваров в страну лазов и Малую Азию следует связывать с боспорским царем Фофорсом (285/286-308/309 гг.), который отождествляется с Савроматом Константина Багрянородного. Фофорс, сменивший на престоле Тейрана, вероятно, был выходцем из сармато-аланской среды, судя по изображениям тамги на реверсе его монет. В 292/293 г. в чеканке Фофорса наступил перерыв из-за римско-боспоро-херсонесской войны 291-293 гг. Не известно, каким путем к власти пришел Фофорс. Ясно только, что он не принадлежал к исконно боспорской правящей династии, а был ставленником местной сарматизованной знати, роль которой все более возрастала на Боспоре. Его царствование ознаменовало резкий поворот от проримской политики Тейрана к действиям, направленным против интересов империи. Поход на Кавказ и в Малую Азию был своеобразной реминисценцией морских набегов варваров более раннего времени и, естественно, вызвал противодействие со стороны римской администрации.

Поражение, которое потерпел Савромат - Фофорс, не привело к смене царей, но повлекло за собой изменения в политике Боспора. Наряду с выпуском монет без дифферентов, Фофорс начинает чеканить монеты с «трезубцем» и парой дифферентов «три точки-три точки». Возвращение к практике помещения указанных дифферентов на монетах, характерное для нумизматики Боспора более раннего времени, можно связывать с уступками царя проримски настроенной оппозиции.

Во время правления Фофорса, согласно двум надписям, на Боспоре, видимо, было достаточно много проримски настроенных высших чиновников. И среди них Аврелий Валерий Сог - наместник Феодосии, который был известен Августам и отмечен Диоклетианом и Мак-

симином. Кроме этого, он продолжительное время находился на службе где-то на территории римских провинций. А некоему Марку Аврелию Андронику, сыну Паппа, наместнику царской резиденции, и его сыну Алексарфу архонты Агриппии и Кесарии поставили беломраморную стелу с рельефами. Ни в одной из этих надписей правящий боспорский царь не упоминается. Видимо, указанные лица принадлежали к оппозиции. Хотя не исключено, что поражение привело к ограничению его власти. Учитывая, что Аврелий Валерий Сог был тесно связан с римской администрацией, то он мог быть поставлен наместником Феодосии не боспорским царем, а римской администрацией, заинтересованной в укреплении сил, противодействовавших антиримской направленности политики Фофорса. Упоминание в надписи Марка Аврелия Андроника, помимо римских названий главных городов Боспора, их архонтов свидетельствует о предоставлении гражданским общинам этих центров, видимо, под нажимом римлян, определенных льгот в виде тех полисных свобод, которыми они пользовались ранее.

Все это свидетельствует, что Фофорс на начальном этапе своего правления проводил антиримскую внешнюю политику. Однако после поражения в римско-боспоро-херсонесской войне 291-293 гг. римская администрация предприняла ряд мер по поддержке проримски настроенных слоев столичных боспорских городов. Власть боспорского царя была ограничена и на время предотвращена угроза империи, исходящая со стороны варваризированного населения Боспорского государства.

Константин Багрянородный пишет, что в период правления Константина Великого (306-337 гг.) против него в провинции Скифия был затеян мятеж, и вновь Херсонес оказал помощь империи в боевых действиях на Истре в 323 и 337 гг. На основании данных Зосима можно заключить, что римские войска и херсонесское ополчение встретились с северопричерноморскими варварами, во главе которых стоял, скорее всего, бывший боспорский царь. Радамсад (Радампсаций), которому созвучно имя

предводителя варваров - Равсимод, судя по монетной чеканке, правил на Боспоре в 309/310-319/320 гг. Радамсад и близкие ему по конструкции имена исследователи относят к иранским. Это позволяет видеть в нем выходца из среды сармато-аланского населения Приазовья. Вполне вероятно, что, в связи с какими-то не ясными для нас внутренними неурядицами, Радамсад был отстранен от власти Рескупоридом V, после чего он и возглавил поход варваров на дунайскую границу империи.

После событий на Истре, согласно повествованию Константина Багрянородного, на протяжении какого-то времени Херсонес ведет еще две войны с Боспором, в результате которых граница между этими государствами была установлена у Кафы, а затем перенесена к Киммерику. Если две первые войны можно относительно точно датировать по времени правления римских императоров, то определение хронологии дальнейших событий сопряжено с определенными трудностями. Константин Багрянородный пишет, что новое военное столкновение с Херсонесом состоялось, когда на Боспоре правил «Савромат, внук Савромата, бывшего сыном Крискорона, воевавшего Лазику». Со времени войны в Лазике на боспорском престоле находился уже третий царь, судя по монетам, скорее всего Рескупорид V, так как римско-боспоро-херсонесскую войну на Кавказе и Малой Азии следует относить ко времени правления Фофорса.

В связи с этим интересны результаты анализа кладов первой половины IV в. из Восточного Крыма. Установлено, что четыре из 15 кладов, содержащие монеты позднебоспорских царей, относятся ко времени не ранее 328-329 гг. Все они обнаружены в европейской части Боспора, а два из четырех найдены в районе Судака и Феодосии, именно там, где, по словам Константина Багрянородного, прошла граница между Херсонесом и Боспором. Это позволяет относить херсонесско-боспорскую войну ко времени правления Рескупорида V и связывать с нею клады, спрятанные на территории европейской части Боспора, а также прекращение массового выпуска

монет этим царем. Не исключено, что после этой войны Рескупорид V покинул Пантикапей и обосновался на азиатской стороне Боспора.

Надпись о постройке стены 335 г. была найдена на Таманском полуострове, а последние монеты в ряде кладов в этой части Боспора датируются 336 г. Это позволяет говорить, что Рескупорид V, перенесший свою резиденцию на Таманский полуостров, был свергнут насильственным путем, и на боспорском престоле утвердился новый царь, с которым связана последняя херсонесско-боспорская война.

Сейчас трудно привязать события этой войны к какому-то конкретному хронологическому отрезку времени. Учитывая, что она, по словам Константина Багрянородного, произошла через некоторое время после предыдущего конфликта, уже «при другом Савромате», ее, видимо, следует относить ко времени после отстранения от власти Рескупорида V, монетная чеканка которого прекратилась около 341/342 г. Во всяком случае в географическом тексте, который датируется 360-386 гг., Херсонес упоминается вместе с Кафой и Символоном, что хорошо согласуется с данными, имеющимися в труде Константина Багрянородного.

В результате херсонесско-боспорских войн, в которых ведущую роль играли варварские элементы, экономика государства была подорвана, но жизнь на территории боспорских населенных пунктов продолжалась. Причем именно в IV в. в состав их населения усилился приток варварских элементов, которые в значительной степени изменили не только культуру, но и их облик. Но сообщение Аммиана Марцеллина о том, что в 362 г. к императору Юлиану (360-363 гг.), наряду с другими послами из северных стран, прибыли боспорцы с просьбой разрешить им спокойно жить в пределах своей земли и платить империи дань, весьма показательна. Конечно, нельзя преувеличивать значения этого факта, но он все же в какой-то степени говорит о наличии на Боспоре и после серии херсонесско-боспорских войн определенных сил,

заинтересованных в установлении более тесных контактов с империей. Именно с представителями этих слоев, к которым прежде всего следует относить потомков греков-боспорян, связаны два серебряных блюда с изображением Констанция II (337-361 гг.), изготовленные в 343 г. и, вероятно, подаренные проримски настроенным представителям правящих кругов Боспора того времени.

О наличии на Боспоре в это время каких-то государственных чиновников свидетельствует надгробие, поставленное между 342 и 353 гг. Страной, женой Ада, сыну, служившему принкипом, вероятно, командиром одного из подразделений боспорской армии. Тот факт, что должность принкипа упомянута в ряде более ранних надписей, говорит в пользу вывода о сохранении на Боспоре вплоть до середины IV в. аппарата государственного управления, тесно связанного с традициями римского времени.

Гуннское нашествие и последующая история Боспора. До последнего времени считалось, что в связи с гуннским нашествием заканчивается античная история Боспора. Но раскопки, проведенные в последнее десятилетие, позволили не только пересмотреть этот вывод, но и прийти к заключению, что он был сделан на основании ошибочной датировки культурных слоев боспорских городов и обнаруженного в их ходе массового археологического материала. Датировка комплексов из раскопок Ильичевского городища на Таманском полуострове показала, что слои, ранее датированные IV-V вв., следует относить ко времени не ранее второй четверти VI в. А это в свою очередь позволило расширить хронологические рамки истории античного Боспора и по-новому осветить его историческое развитие в конце IV - первой половине VI вв.

На основании имеющихся материалов история античных государств Северного Причерноморья реконструируется следующим образом. Разгромив аланский союз племен и раннеклассовое государственное образование Германариха, гунны ушли на запад к границам Римской

империи. Города Боспора в результате гуннского нашествия серьезно не пострадали. Гунны ограничились лишь их военно-политическим подчинением, так как эти центры не представляли для них серьезной угрозы. Основная масса гуннов появилась в Северном Причерноморье позднее, не ранее середины V в., когда после битвы на Каталаунских полях в 451 г., смерти Атиллы и сражения на р. Надао в 454 г. гуннское раннеклассовое образование в Подунавье распалось. Но и на этот раз античные центры Северного Причерноморья не были разрушены. Гунны лишь влились в состав их населения, о чем свидетельствуют погребения полихромного стиля, обнаруженные при раскопках некрополя на Госпитальной улице г. Керчи и, видимо, некоторые комплексы херсонесского некрополя.

Около середины V в., когда часть гуннов ушла из Подунавья в Северное Причерноморье, Боспор, и в частности Пантикапей, попадают под их военно-политический контроль. Какая-то часть гуннов вместе с готами-тетракситами обосновалась на Таманском полуострове, а в период правления Юстина (518-527 гг.) Боспор освободился от их власти и начал вновь укреплять связи с Византией.

Ранее считалось, что именно к этому времени относится надпись боспорского царя Тиберия Юлия Дуптуна, обнаруженная в Пантикапее, в которой говорится о строительстве башни. Исследователи относили этот эпиграфический памятник к 522 г. и связывали его с распространением власти византийского императора на Боспор. Это заключение, казалось, хорошо согласуется с упоминанием в ней традиционной титулатуры боспорского царя, а также епарха Игудии и комита Опадина, которые считались должностными лицами Византии и осуществляли контроль за положением дел в этом районе.

Однако Ю.Г.Виноградовым было убедительно доказано, что эта надпись датируется 483 г. и в ней упоминаются не византийские должностные лица, а представители боспорского государственного аппарата, которые, как и

в Византии, назывались епархами, комитами и протокомитами. Это свидетельствует о том, что царь Дуптун, который в надписи назван «другом византийского кесаря и другом ромеев», был вассалом Византии. А это в свою очередь позволяет заключить, что и после значительного притока гуннов на Боспор здесь продолжали функционировать органы боспорского государственного управления и даже в условиях гуннского протектората могли осуществлять связи с византийской администрацией. Не исключено, что пришедшей гуннской и боспорской правящей верхушкам в этот период удалось наладить мирные взаимоотношения. Хотя крайне ограниченное количество источников V в. не позволяет сейчас убедительно детализировать историю Боспора этого времени. Поэтому пока же можно ограничиться лишь гипотезами и предположениями, которые, к сожалению, не отражают всего ее многообразия в позднеантичный период.

О дальнейшем развитии событий свидетельствуют письменные источники. Гуннский царевич Горд или Грод, принявший христианство в Константинополе, был послан императором в свою страну, находившуюся где-то около Меотиды, с поручением охранять Боспор. А в сам город Боспор (бывший Пантикапей) был введен византийский гарнизон, состоявший из отряда испанцев под командованием трибуна Далматия. Но в результате заговора гуннских жрецов Грода убили, после чего гунны-утургуры захватили Боспор и уничтожили византийский гарнизон. Это произошло около 527/528 или 534 гг. Как свидетельствуют клады монет, костяные наконечники стрел и человеческие костяки, зафиксированные в процессе раскопок, именно в это время были разгромлены города и поселения Боспора. Хронологически это событие предшествовало подчинению Боспора Юстиниану, которое произошло не позднее 534 г. Этой датой, вероятно, и следует ограничить позднеантичный период в истории Боспора, который начался в третьей четверти III в.

Особенности экономического развития. Исходя из археологических материалов, сейчас можно говорить, что

после бурных событий третьей четверти III в. жизнь продолжалась, как на территории населенных пунктов европейского Боспора (Пантикапей, Тиритака, Китей, Зенонов Херсонес, Генеральское, Героевка - 2, Салачик, Золотое-восточное в бухте, Заморское), так и в азиатской части государства (Фанагория, Кепы, Гермонасса, Патрей, Ильичевское городище, Батарейка I и II, Красноармейская батарейка), а возможно, и Танаиса. Причем передатировка слоев III—IV вв. концом IV - второй четвертью VI вв. в целом ряде боспорских городов и поселений позволяет предполагать, что и в других местах, где зафиксированы слои III—IV вв., жизнь в позднеантичный период также продолжалась. К таким памятникам могут быть отнесены поселения у дер. Семеновки, Ново-Отрадного и ряд населенных пунктов в азиатской части Боспора.

Топография археологических памятников, при раскопках которых обнаружен материал конца III - второй четверти VI вв., свидетельствует, что жизнь более активно протекала в его азиатской части, так как она не была в такой степени затронута передвижением варваров в ходе готских войн. Однако и здесь идет постепенное уменьшение сельскохозяйственного населения в сравнении с предшествующим временем. Если к III в. на островах Таманского архипелага исследователи относят 140 сельских поселений, то к IV-V вв. - только 35.

Сейчас ни у кого не вызывает сомнений, что в результате неблагоприятной военно-политической ситуации третьей четверти III в. сельское хозяйство, являвшееся основой экономики Боспора на протяжении всей античной эпохи, было подорвано. Наиболее ярко это прослеживается по сравнительно лучше изученным памятникам Керченского полуострова. С этого времени и вплоть до второй четверти VI в. жизнь продолжалась на ряде городищ в Крымском Приазовье и на берегах Керченского пролива, но она носила очаговый или локальный характер.

Это не могло не сказаться не только на положении Боспорского государства, но и на облике городов. Сельское население, среди которого значительный процент

составляли выходцы из варварской среды, концентрируются в городах и крупных населенных пунктах. Городские центры, и в первую очередь столичный Пантикапей, из крупного общественного и ремесленно-торгового центра постепенно превращается в аграрно-ремесленный город, где объемы торговых операций резко падают. Ярким археологическим показателем такого положения является значительный рост количества зерновых ям и хозяйственных комплексов на территории жилых кварталов боспорской столицы. Наряду с сельским хозяйством, продолжали существовать и промыслы, в частности рыбозасолка. Рыбозасолочные цистерны открыты в Тиритаке. Однако масштабы этого промысла значительно сократились. В азиатской части Боспора, наряду с сельским хозяйством, продолжает существовать достаточно развитое керамическое производство. Ремесленное производство теперь было тесно связано с сельским хозяйством и направлено не на экспорт, а на удовлетворение потребностей в основном внутреннего рынка и ближайшей округи.

На Боспоре существовали также ювелирные мастерские, изготовлявшие украшения для боспорской знати, а также развивалось стеклоделие, следы которого отмечены в Горгиипии и на Ильичевском городище. В ремесленном производстве значительно увеличился удельный вес небольших семейных мастерских, в которых применение труда зависимых работников не было экономически целесообразно.

Неблагоприятные тенденции в экономике и падение в ней роли товарно-денежных отношений хорошо иллюстрируются состоянием монетного дела. Статеры последних боспорских царей выпускались из низкопробного металла в огромных количествах, а около 341/342 гг. их чеканка и вовсе была прекращена. Если в середине III в. перерывы в выпуске боспорских монет по времени совпадали с прекращением чеканки в провинциально-римских городах, то полное прекращение выпуска боспорских монет есть все основания связывать с глубоким экономическим кризисом Боспорского государства, и в первую

очередь с резким сокращением поступлений в казну, связанным с гибелью системы сельских поселений на территории современного Керченского полуострова.

Однако прекращение чеканки нельзя рассматривать в качестве показателя полного сворачивания товарно-денежных отношений. Теперь они, хотя и в меньшем объеме, обслуживались боспорскими статерами более раннего времени, продолжавшими оставаться в обращении, и римскими монетами, среди которых в наибольшем количестве представлены выпуски времени правления императоров Лициния (308-324 гг.) и Константина Великого (306-337 гг.). Так, в Китее монеты использовались на внутреннем рынке в IV - начале VI вв., но роль денег в экономической жизни постепенно падала.

Сокращение объемов торговых операций, с чем связано уменьшение производства ремесленной продукции, и увеличение в экономике удельного веса сельского хозяйства, а также стирание резкой грани между боспорскими городами и сельскими поселениями принято связывать с процессом натурализации хозяйства и называть русификацией, являвшейся наиболее характерной чертой экономического развития Боспора в позднеантичный период.

Не отрицая этого в принципе, необходимо отметить, что в своей основе экономика всех без исключения докапиталистических обществ на протяжении всей их истории была натуральной. Поэтому применительно к таким обществам можно говорить лишь об увеличении или падении удельного веса товарного производства и товарно-денежных отношений, что было связано с конкретно-историческими условиями развития на том или ином этапе, а не о кардинальных изменениях в экономике. Подъем внутренней и внешней торговли, а следовательно, расширение сферы товарных отношений, не могли привести к качественным изменениям в главной отрасли производства - сельском хозяйстве. Основная причина этого кроется в том, что в сферу обмена и торговли не было вовлечено главное средство производства - земля. Только в тех условиях, когда земля становится объектом купли-

продажи во всем обществе, а не в рамках какой-то определенной социальной группы, можно говорить, что товарные отношения достигли своего наивысшего развития. Но это становится возможным только в условиях развития капитализма.

Применительно к позднеантичному Боспору следует говорить не о натурализации хозяйства в целом, а о падении в нем роли товарного производства и связанных с ним товарно-денежных отношений. При этом, как и в других античных государствах Северного Причерноморья, здесь негативные явления в области экономики были связаны не с внутренним кризисом способа производства, а главным образом с внешнеполитическими факторами, и в первую очередь с гибелью значительного количества сельских поселений и прекращением поступлений ренты-налога в государственную казну.

Неблагоприятные тенденции в экономике привели к увеличению замкнутости отдельных хозяйств и разрыву связей с внешним рынком. Особенно болезненно сложившееся положение должно было затронуть сравнительно крупные хозяйства, ориентированные на рынок, в первую очередь боспорских царей и их окружение, получавших основной доход в виде земельной ренты-налога с подвластных им сельскохозяйственных территорий, обрабатывавшихся зависимым населением широкого правового спектра. Неудивительно поэтому, что применительно к позднеантичному периоду нет оснований говорить о наличии на Боспоре не только крупной земельной собственности, но и вообще крупных производственных комплексов. В сложившихся условиях возросла роль сравнительно небольших замкнутых автаркичных хозяйств, которые становятся основными ячейками боспорской экономической системы конца III - второй четверти VI вв. Роль товарного производства в таких хозяйствах отошла на второй план и на ограниченном внутреннем рынке могли продаваться лишь излишки.

Следствием этого стало развитие дезинтегративно-центробежных тенденций на Боспоре, где начинают фор-

мироваться сравнительно замкнутые в экономическом отношении территориально-хозяйственные районы. И до этого Боспорское государство состояло из ряда районов, дополнявших друг друга и составлявших в совокупности одно экономическое целое, базировавшееся, однако, в силу натуральной основы сельскохозяйственного производства, не на отраслевом, а на территориальном разделении труда. Поэтому падение роли товарного производства привело к усилению центробежных тенденций в экономике.

На территории Боспора сейчас можно выделить административно-хозяйственный центр государства, куда входили Пантикапей и Тиритака, Крымское Приазовье, Илурат, Китей, Танаис, а на азиатской стороне - Фанталовский район, Фанагорию, Синдику и Горгиппию. В них возросла роль общественного самоуправления во главе с зажиточными представителями значительно варваризированных родов. Основным следствием значительного ослабления центральной власти и начавшегося распада Боспорского государства на территориально-хозяйственные районы, очевидно, стало быстрое и бескровное подчинение его в конце IV в. гуннами, которые, установив свой протекторат, ушли дальше на Запад. Только после распада гуннского раннеклассового образования на Дунае в середине V в. какая-то их часть влилась в состав населения боспорских городов, где, судя по материалам некрополя Пантикапея этого времени, составила привилегированную верхушку общества.

Социальная структура населения. Кризис в экономике привел к упрощению социального состава населения в сравнении с предшествующим периодом и росту тех слоев, которые либо полностью, либо частично были лишены средств к существованию. Разгром варварами, входившими в состав готского союза, системы военных поселений, а вместе с этим исчезновение царского земельного фонда, бывшего ведущей формой землевладения на протяжении первых веков, а также ослабление центральной власти, способствовало увеличению количества мелких производителей. Теперь они лишь номи-

нально зависели от центральной власти. А это в свою очередь привело к кризису устоявшейся системы сбора налогов.

Поэтому население Боспорского государства в позднеантичный период эксплуатировалось, вероятно, преимущественно путем сбора налога-ренты в натуральной форме. Он взимался специальными уполномоченными царя при поддержке военных отрядов, состоявших из варваров. Такая система эксплуатации была обусловлена тем, что боспорский царь традиционно являлся верховным собственником земли, и даже полисное землевладение было опосредствовано правом царской собственности. Поэтому не только каждый держатель земли, но и коллектив таких держателей в целом, в роли которого, скорее всего, выступала сельская или городская община, должны были за ее пользование в той или иной форме платить царю. Удельный вес внеэкономического принуждения явно возрос вследствие разрушения ранее существовавшей фискальной системы, базировавшейся на административном делении Боспорского государства.

Недавно была предложена схема социальной структуры населения Боспора в позднеантичный период. Исследователи выделяют привилегированный слой населения, к которому принадлежали знатные роды преимущественно сарматского происхождения, имевшие на царской земле укрепленные усадьбы и составлявшие тяжеловооруженную кавалерию царства. Этот социальный слой состоял по крайней мере из двух прослоек. Второй социальный слой представлен населением городов - это купечество, объединенное в корпорации, ремесленники, мелкие торговцы и ряд других категорий населения, входивших в гражданское ополчение. И, наконец, третий слой - это пелаты и свободные держатели земли, среди которых были как греки по происхождению, так и выходцы из варварского населения.

Однако, исходя из основных тенденций экономического развития, и в первую очередь гибели системы царского землепользования в результате бурных событий

третьей четверти III в., как представляется, социальная стратификация населения Боспора в позднеантичный период должна была стать более простой. К тому же, говоря о правовом статусе населения этого времени, вряд ли уместно использовать такое понятие, как «гражданство». В первые века подавляющее большинство жителей Боспорского царства являлось подданными царя, а употребление в надписях названий полисных институтов не более чем дань традиции. С другой стороны, эволюция античной формы собственности не только на Боспоре, но и на территории собственно Римской империи, привела к постепенной трансформации гражданина в подданного, что наиболее ярко проявилось в области идеологии. В это время грань между гражданином и негражданином стирается, а на первое место выступает задача расширения налоговой базы государства. Ведь именно в значительной степени фискальными целями объясняется эдикт Каракаллы 212 г., которым права римского гражданства были дарованы подавляющему большинству свободного населения Римской империи.

На основании сказанного, видимо, более правомерным будет вывод об упрощении социальной структуры населения Боспора в конце III - второй четверти VI вв. Гибель большинства поселений, расположенных на царской земле, сокращение удельного веса товарного производства в экономике и свертывание внешнеэкономических связей позволяют говорить, что в боспорском обществе должна была существовать, с одной стороны, количественно небольшая группа знати, приближенной к верховному правителю, и его военной опоры; а с другой - подавляющей массы населения сравнительно невысокого достатка, занятого в сельскохозяйственном производстве, ремесле и мелкой торговле. В социальном плане в силу сложившихся обстоятельств этот слой был достаточно однороден и именно он являлся объектом эксплуатации правящей верхушки боспорского общества. К сожалению, о наличии на Боспоре в позднеантичный период не только сколько-нибудь значительного количества рабов,

но и близких им по положению групп зависимого населения, в том числе и пелатов, не имеется конкретных данных.

Судя по увеличению количества богатых погребений в пантикапейском некрополе, в середине V в. происходило укрепление социальной верхушки населения. Это, вероятно, было связано с участием части ее представителей в походах гуннов на Запад, а также инфильтрацией в среду населения его столицы гуннской военной знати. Все это свидетельствует о постепенной эволюции наиболее зажиточного слоя боспорского общества и сращивании его с пришедшей на Боспор варварской знатью. По-видимому, с конца IV и вплоть до правления императора Юстиниана (518-527 гг.), когда Боспор находился в подчинении гуннов, основная масса населения выплачивала определенную ренту-налог его социальной верхушке, управлявшей территориями некогда огромного античного государства и заинтересованной в сохранении существовавшей ранее фискальной системы. Вполне возможно эта рента-налог взималась не только продуктами сельского хозяйства, но и предметами ремесла, в которых гунны, как и всякие кочевники, остро нуждались. В то же время гунны могли сохранять нетронутыми формы общественной организации боспорского населения, сложившиеся здесь до их прихода.

Следовательно, на протяжении позднеантичного периода истории Боспора в социальном составе его населения произошли значительные изменения. Если до конца IV в. оно эксплуатировалось в основном представителями ослабленного боспорского государственного аппарата, то после установления гуннского политического господства и вплоть до второй четверти VI в. налоги в разной форме, видимо, платились гуннской правящей верхушке, которая осуществляла верховную власть. Частнособственническая эксплуатация, вероятно, в это время не получила значительного развития, хотя вследствие почти полного отсутствия источников ее наличие полностью отрицать нельзя.

Гибель значительного количества поселений на сельскохозяйственной территории Боспора и обособление территориально-хозяйственных районов привело на Боспоре к росту значения соседских общин, что было связано с постепенным падением роли государства в позднеантичный период. Именно такая форма общественной организации преобладала на Боспоре и в общины было объединено подавляющее большинство населения территориально-хозяйственных районов, где господствовала количественно небольшая социальная верхушка, игравшая ведущую роль в гражданском самоуправлении.

На пути к христианской культуре. На последнем этапе своей истории Боспорское государство большие средства и силы отдавало на строительство крепостных сооружений. Города постепенно потеряли былую славу и красоту. Величественные храмы и дворцы старели. Налаженное благоустройство улиц и дворцов пришло в упадок. Населения становилось все меньше. Постоянные угрозы и набеги варваров создавали у него чувство безнадежности и неверие в будущее.

И все же боспорские правители, очевидно, мечтали возродить былое могущество Боспора. При царском дворе по-прежнему находились архитекторы, скульпторы и резчики надписей на каменных плитах. Крайне немногочисленные эпиграфические памятники в сравнении с предшествующим периодом все-таки помогают восстановить некоторые моменты из жизни боспорцев. В 335 г. под наблюдением архитектора Евтиха на Тамани была возведена оборонительная стена. Впервые на этой стеле было отмечено, что надпись сделана рукой Паппа, сына Публия. До этого резчики надписей не подписывали свои имена, как и не отмечались имена архитекторов. Очевидно, профессиональных мастеров в это время было мало и их труд ценился намного больше, чем ранее.

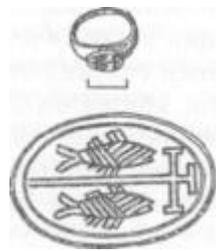
В одной из плохо сохранившихся надписей речь шла о том, что при совместном правлении царей Радамсада и Рескупорида во втором десятилетии IV в. в Пантикапее даже воздвигли храм. Бесспорно, во многих городах сто-

яли еще старые храмы и алтари. Население продолжало сохранять основные греческие традиции в языке и религии. Самые поздние боспорские надписи сохраняют чистоту языка, но не известно, конечно, каким он был в повседневной жизни. Этническое смешение, отдаленность от главных культурных центров, наличие варварских и римских имен, терминов, словосочетаний стали причиной многих изменений.

Разносторонние связи Боспора с Римом и римскими провинциями внесли особый колорит в духовную жизнь его населения. Значительно усилились синкретические черты во многих сферах культуры, и особенно религиозных верованиях. В этом, как и в других районах античного мира, сказалось стремление к поискам всеильного бога-защитника. Именно на Боспоре, как ни в одном из северопричерноморских центров, особой популярностью пользовались по своим функциям универсальные божества в основном восточного происхождения: Сарапис и Исида, Митра, Зевс-Сарапис. Утверждение культа Бога Всевышнего и строго организованные фисасы его поклонников и пропагандистов вообще положили начало монотеистическому течению в языческой религии.

Самая поздняя посвятельная надпись «Богу всевышнему, всемогущему» (306 г.) поставлена не от имени фиситов, а наместника Феодосии. Таким образом, в лице своего наместника наиболее проэллинский боспорский город, сохраняющий полисно-культурные традиции, выразил свою приверженность этому божеству постройкой молельни. Надпись была найдена в Пантикапее. Поэтому можно предположить, что молельня была построена на средства приверженцев Бога Всевышнего в столице Боспора.

Тесная связь Боспора с Малой Азией, откуда распространялись новые религиозные течения, способствовали и проникновению христианства. Редкие памятники с христианской символикой указывают, что население продолжало почитать в основном свои старые божества. Но сложное экономическое положение Боспора во второй

Перстень с христианскими символами из некрополя у дер. Ново-Отрадное по Т.М. Арсеньевой

Христианские символы в росписи склепа Китея по В.Ф.Гайдукевичу

половине III в. и бедственное положение основной массы боспорцев способствовало постепенной христианизации. Ко второй половине - концу III в. относится перстень с сердоликовой вставкой, на котором был вырезан крест удлинённой формы и две рыбы, а также христианские символы в росписи склепов Китея. Началом IV в. датируется первое христианское надгробие с эпитафией Евтропия, стела Трифона, на которой был вырезан крест, и христианский амулет с побережья Азовского моря, а также ряд других материалов. В Пантикапее, Китее, Илурате открыты небольшие христианские кладбища, где над могилами ставились скромные известняковые плиты с крестами.

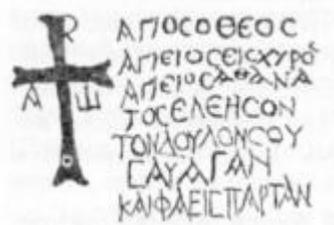
В первой четверти IV в. на Боспоре уже существовала епархия, во главе которой стоял епископ Кадм, который поставил свою подпись под документами I Вселенского (Никейского) собора 325 г.

Но несмотря на это, христианские культовые сооружения этого времени на **Боспоре** пока неизвестны. Хотя не исключено, что в качестве ранне-

христианского культового комплекса была использована погребальная камера Царского кургана IV в. до н. э., на стенах которой были вырезаны кресты, которые по форме могут быть отнесены именно к IV в. Все это говорит о том, что уже в IV в. христианство начало распространяться среди населения Боспора, но еще не стало господствующей религией вплоть до VI в. Тем не менее языческие верования еще долго будоражили умы христиан. Особенно на периферии античного мира они стали составной частью календарных праздников и погребального обряда.

На протяжении всей античной эпохи на Боспоре, как и в других районах, помимо государственных институтов, общинная организация и различные сообщества, объединявшие людей не только по профессиональному, но и религиозному признаку, играли чрезвычайно важную роль в общественной и частной жизни. Именно в это время в самоуправлении отдельных общин и территориально-хозяйственных районов выросла роль представителей христианской церкви, объединявших вокруг себя самые широкие слои населения. Не исключено, что в период значительного ослабления центральной власти именно объединение вокруг христианской церкви какой-то части населения способствовало сохранению Боспора как единого политического целого и его ориентации на Византию.

Во второй четверти VI в. власть на Боспоре вновь захватили гунны. Но император Юстиниан послал на Боспор византийские войска, состоявшие из наемников-готов, с помощью которых гунны были разбиты и власть Византии здесь была восстановлена. В период правления Юстиниана были укреплены оборонительные сооружения Боспора. Со строительной деятельностью византийской администрации связано сооружение базилики в Тиритакке, а также каких-то общественных зданий в Пантикапее и Гермонассе. С периода правления Юстиниана и вплоть

Изображение креста и надпись на стене склепа 1890 г. в Пантикапее по Ю.Л.Куликовскому

до тюркского разгрома 576 г. Боспор находился в составе Византии, о чем свидетельствует наличие на Таманском полуострове крепости у с. Ильич, гарнизон которой являлся федератами империи. Однако и тюркское нашествие 576 г. не привело к окончательной гибели Боспора. События, происшедшие позднее, свидетельствуют, что после распада Тюркского каганата Византия снова распространила свое влияние на Боспор. Причем, судя по надписи 590 г., он был подчинен должностным лицам византийской администрации, местопребывание которых находилось в Херсоне (античный Херсонес). Только после образования в VII в. Великой Болгарии и появления в конце VII - начале VIII вв. хазар заканчивается раннесредневековая история Боспора и начинается период классического средневековья.

Вместо послесловия

Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата -
От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата.

М.Волошин

Насильственно прерванная история Боспорского государства, как и всей античной цивилизации, не исчезла бесследно в ушедших веках. Литературная традиция донесла до нашего времени названия его городов, имена правителей и их родословные, красочные рассказы о войнах и борьбе за власть. Но более всего разнообразных памятников и простых вещей дает земля Боспора Киммерийского. Они знакомят нас с тем, как жили и чем занимались обитавшие на ней в античную эпоху люди, помогают изучить их разносторонние контакты со всеми центрами ойкумены, понять многообразие и сложность их истории и культуры. Они также раскрывают со всей возможной полнотой духовный мир боспорцев, их отношение к богам, героям и царям, гражданам и иностранцам, бесправным и зависимым. В их отражении видится извечно человеческое стремление к правопорядку, миру и красоте.

В земле древнего Боспора Киммерийского хранится еще много памятников, которые призваны раскрыть новые страницы его интереснейшей, насыщенной многими драматическими событиями и войнами, грабежами и разрухами, истории. В наши бурные, резко меняющиеся времена археологи пытаются открыть как можно больше его памятников, рационально их осмыслить и ознакомить с ними широкий круг общественности и в первую очередь подрастающие поколения. И бывает до боли обидно, когда в наш, казалось бы, просвещенный век

«любители старины» используют в корыстных целях хранимые землей на протяжении веков античные вещи. Будь-то черепок, монета, надпись, обломок архитектурной детали или скульптуры, терракота или заурядное глиняное пряслице, в руках ученого они превращаются в ценный исторический источник для воссоздания реальной жизни населения в тот или иной период более чем тысячелетней истории Боспорского государства. Поэтому все, что еще хранится в этой земле, должно быть священным, неприкосновенным для любителей легкой наживы собирателей реликтов старины и служить исключительно науке, способствующей раскрытию ее исторического прошлого и поиску новых источников для решения этих сложнейших задач.

Изложенный в этой книге краткий очерк истории и культуры Боспорского государства тесно связан с археологическими открытиями и исследованиями основных памятников, без которых, бесспорно, мы бы очень мало знали о нем. В своей совокупности они подчеркивают огромное значение столь уникального в античном мире государственного образования на территории современных Украины и России. В наше время не требует никаких доказательств тот непреложный факт, что каждый цивилизованный человек должен помогать сохранить его культурное наследие и стремиться к тому, чтобы понять, какие исторические и культурные тайны может раскрыть образованному человеку та или иная археологическая находка - будь-то еще не прочитанная надпись, монета, статуэтка или сосуд. Надеемся, что наша книга поможет читателям осознать правоту этих слов.

Список рекомендованной литературы

- Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. - М., 1997.
Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. - СПб., 1998.
Анохин В.А. Монетное дело Боспора. - К., 1986.
Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. - К., 1999.
Античная Греция. - М., 1983. - Часть 1, 2.
Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. - М., 1984.
Археология Украинской ССР. - К., 1986. - Т. 2.
Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. - М., 1964.
Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. - Белгород, 1996.
Боспорские исследования. - Керчь, 2001, вып. I; 2002, вып. II; 2003, вып. III.
Великая Скифия. - Киев-Запорожье, 2002.
Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // Вестник древней истории. - 1998. - № 1.
Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. - М.-Л., 1949.
Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. - СПб., 1999.
Давня історія України. - К., 1998. - Т. 2.
Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. - К., 1998.
Зубарь В.М., Хворостяний А.И. От язычества к христианству. - К., 2000.
Зубарь В., Ліньова С, Сон Н. Античний світ Північного Причорномор'я. - К., 1999.
Історія культури давнього населення України. - К., 2001. - Т. 1.

- Корпус боспорских надписей. - М.-Л., 1965.
- Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. - К., 1993.
- Крыжицкий С.Д., Зубарь В.М., Русяева А.С.* Античні держави Північного Причорномор'я. - Україна крізь віки. - К., 1998. - Т. 2.
- Масленников А.А.* Население Боспорского государства в VI-II вв. до н. э. - М., 1981.
- Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. - М., 1990.
- Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. - М., 1998.
- Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. - М., 2003.
- Молева Н.В.* Очерки сакральной жизни Боспора. - Нижний Новгород, 2002.
- Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. - Нижний Новгород, 1994.
- Очерки истории и археологии Боспора. - М., 1992.
- Ростовцев М.М.* Античная декоративная живопись на Юге России. - Петроград, 1914.
- Ростовцев М.М.* Скифия и Боспор. - Л., 1925.
- Русяева А.С., Зубарь В.М.* Боспор Киммерийский: история и культура. - Николаев, 1998.
- Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. - М., 1996.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. - М., 2002.
- Соколов Г.М.* Искусство Боспорского царства. - М., 1999.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. -- Харьков, 2001.
- Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. - М., 1997. - Ч. 1-2.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI-IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. - М., 1985.
- Эллинизм: экономика, политика, культура. - М., 1990.
- Эллинизм: восток и запад. - М., 1992.

Об авторах

РУСЯЕВА Анна Станиславовна - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии НАН Украины, специалист в области истории, археологии, культуры и религии античных государств Северного Причерноморья. Автор и соавтор более 200 научных работ, в том числе 12 монографий. Лауреат премии имени Н.И.Костомарова 1995 г. и Государственной премии Украины в области науки и техники 2002 г.

ЗУБАРЬ Виталий Михайлович - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела античной археологии Института археологии НАН Украины, специалист в области античной истории и археологии античных государств Северного Причерноморья. Автор и соавтор 16 монографий, научно-популярных книг, а также более 250 научных статей, соавтор учебника для общеобразовательных школ Украины «Історія стародавнього світу» (1997 г.) и учебного пособия для вузов «Античний світ Північного Причорномор'я» (1999 г.). Совмещает научную работу с преподаванием в университете «Киево-Могилянская академия».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Переселение ионийских греков на Боспор Киммерийский	11
Первые шаги на пути к созданию Боспорской державы	39
Создание и расцвет Боспорского государства при первых Спартокидах	57
Нарушение престолонаследия и угасание династии Спартокидов	102
Падение династии Спартокидов и Митридат VI Евпатор	136
Боспорское царство и Римская империя	152
Последние столетия в истории Боспора	208
Вместо послесловия	233
Список рекомендованной литературы	235
Об авторах	237

Наукове видання

Віталій Михайлович Зубар,
Ганна Станіславівна Русяєва

На берегах Боспору Кіммерійського

(російською мовою)

Технічний редактор І.Риндюк
Коректор О.Бахмацька